

Верховный Суд Российской Федерации

Северо-Западный филиал ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»
Кафедра общетеоретических правовых дисциплин

ПРИНЦИПЫ ПРАВОСУДИЯ И ИХ РАЗВИТИЕ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Коллективная монография

Санкт-Петербург

 Астерион

2023

Рецензенты:

Пашенцев Дмитрий Алексеевич, главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

Матчанова Зоя Шарифовна, доцент кафедры международного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, кандидат юридических наук.

Принципы правосудия и их развитие в информационном обществе : коллективная монография / под ред. А.А. Дорской, В.А. Косовской. – СПб. : Астерион, 2023. – 220 с. – Системные требования: Windows 7/8/10; Adobe Reader. – [https://asterion.ru/db/temp/Принципы правосудия.pdf](https://asterion.ru/db/temp/Принципы_правосудия.pdf) – Текст : электронный. – DOI: 10.53115/9785001883593.

ISBN 978-5-00188-359-3

Монография посвящена исследованию принципов российского правосудия как в историческом контексте, так и на современном этапе. Особое внимание уделено влиянию процесса цифровизации на развитие принципов правосудия. Показано значение международно-правовой составляющей для национального судоустройства и судопроизводства, а также проведён сравнительный анализ опыта различных стран.

Для специалистов по теории и истории права и государства, международному праву, юристов-отраслевиков, студентов юридических факультетов, а также всех, кто интересуется дискуссионными вопросами юриспруденции.

ISBN 978-5-00188-359-3

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
--------------------------	---

ГЛАВА I. ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ПРИНЦИПОВ ПРАВОСУДИЯ

§ 1. Основные направления изучения принципов правосудия на постсоветском пространстве (<i>А.А. Дорская</i>).....	8
§ 2. Российская печать о правопорядке и утверждении практики судебного рассмотрения преступлений в условиях войны (1917-1918 гг.) (<i>В.А. Журавлев</i>).....	15
§ 3. Уголовная ответственность за экономические (хозяйственные) преступления по законодательству РСФСР 1920-х гг. (анализ судебных дел и правоприменительной практики) (<i>Ю.А. Потапов</i>)	27
§ 4. Цифровизация нотариата как следствие развития принципа самостоятельности и независимости судебной власти в России (<i>И.В. Ботанцов</i>)	36

ГЛАВА II. РОЛЬ ПРИНЦИПОВ ПРАВОСУДИЯ В ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ СУДОПРОИЗВОДСТВА

§ 1. Система принципов правосудия как конституционная основа судебной власти (<i>М.В. Игнатьева</i>)	45
§ 2. Презумпция невиновности как основополагающий принцип уголовного правосудия: опыт российского и эстонского законодательства (<i>А.И. Светлов</i>).....	56
§ 3. Цифровизация процессуальной формы как гарантия реализации принципа доступности российского правосудия (<i>К.В. Шундинов</i>)	68
§ 4. Справедливость как принцип правосудия (<i>Л.А. Харитонов</i>)	80
§ 5. Принцип справедливости как стандарт отправления правосудия и гарантия защиты прав граждан (<i>Н.И. Алексеева</i>).....	93

ГЛАВА III. ПРИНЦИПЫ СУДОПРОИЗВОДСТВА В НАЦИОНАЛЬНОМ И МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

§ 1. Реализация принципов правосудия при разрешении споров в области наследственных отношений, осложненных иностранным элементом (<i>А.В. Алешина</i>)	104
--	-----

§ 2. Установление содержания иностранного права судом: новые возможности в условиях правовой информатизации (<i>О.Ю. Малкин</i>).....	116
§ 3. Реализация принципов правосудия в судебной практике по делам, связанным с грантовой деятельностью (<i>И.А. Белова</i>)	132
§ 4. Развитие принципов правосудия в гражданском процессе (на примере разрешения брачно-семейных отношений, осложненных иностранным элементом) (<i>В.А. Косовская</i>).....	142

ГЛАВА IV ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА РАЗВИТИЕ ПРИНЦИПОВ ПРАВОСУДИЯ

§ 1. Роль Суда ЕАЭС в формировании концепции регионального информационного общества (<i>В.П. Талимончик</i>)	153
§ 2. О современных тенденциях развития международного правосудия в киберпространстве (<i>Е.В. Пономарева</i>)	168
§ 3. Профессиональные компетенции судей в условиях цифровизации правосудия (<i>Ю.Н. Тарасова</i>)	179
§ 4. Цифровая медиация (<i>Я.А. Рымкевич</i>).....	189
БИБЛИОГРАФИЯ	201
АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ	218

ПРЕДИСЛОВИЕ

Принципы правосудия являются достижением человечества, которое стало возможным благодаря многовековому развитию политико-правовой мысли, судоустройству и судопроизводству, представлениям о справедливости.

На современном этапе сложились международно-правовые стандарты в организации и осуществлении правосудия.

Важнейшим из универсальных источников является Всеобщая декларация прав человека 1948 г., которая провозгласила такие принципы права, как равенство всех перед законом, право на доступ к правосудию, право на беспристрастный и гласный публичный суд¹.

Данные принципы конкретизированы в статьях 6 (осуществление смертной казни только по окончательному приговору компетентного суда при закреплении права каждого просить о помиловании или смягчении наказания), 9 (каждому арестованному или содержащемуся под стражей имеет право на разбирательство его дела в суде, чтобы суд в кратчайшие сроки мог вынести постановление относительно законности его задержания и распорядиться об освобождении, если задержание будет признано незаконным), 10 (если обвиняемые являются несовершеннолетние, то они отделяются от обладающих полной дееспособностью и в кратчайший срок доставляются в суд для вынесения решения).

Императивные для государств-участников нормы о справедливом и беспристрастном правосудии, презумпции невиновности, возможности обжалования судебного решения в вышестоящей инстанции содержит Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года².

Данные принципы нашли своё отражение и в национальных правовых системах. Прежде всего, принципы правосудия закреплены в Конституциях современных государств.

Так, в Российской Федерации конституционные принципы организации и отправления правосудия закреплены в главах 1 «Основы конститу-

---

¹ Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года // Официальный сайт Организации Объединённых Наций // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (Дата обращения: 12.03.2023 г.).

² Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года // Официальный сайт Организации Объединённых Наций // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (Дата обращения: 12.03.2023 г.).

ционного строя» и 7 «Судебная власть и прокуратура» Конституции Российской Федерации³:

1) осуществление правосудия исключительно судебными органами – Конституционным и Верховным судами, федеральными судами общей юрисдикции, арбитражными и мировыми судами субъектов Российской Федерации (статья 118);

2) обязательность образовательного ценза для судей, достижение определённого возраста, отсутствие гражданства другой страны и счетов в иностранных банках (статья 119);

3) независимость судебной власти и судей. Как отмечает Я.Б. Жолобов, принцип независимости судебной власти и судей является многогранным. Он затрагивает проблемы свободного убеждения судей при оценке доказательств, существования действенной системы правовых гарантий, обеспечивающей правовой статус суда и судей, подчинённости судей только закону и т. д.⁴;

4) несменяемость судей (статья 121);

5) неприкосновенность судей, которая рассматривается как одна из гарантий независимости судебной власти⁵ и включает неприкосновенность личности судьи, его жилого и служебных помещений, транспортных средств и багажа, ограждение судьи от влияния извне, недопущение ущемления его прав при осуществлении правосудия, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых и других сообщений;

6) открытость в осуществлении правосудия (ст. 123), которая предполагает повышение уровня информированности граждан о правилах судопроизводства, ознакомление с текстами принимаемых судебных постановлений и их надлежащее понимание. Процесс цифровизации является одним из важнейших условий обеспечения открытости правосудия на современном этапе, поскольку способствует информатизации работы судебной системы, взаимодействию с лицами, участвующими в судопроизводстве, а также с другими государственными органами⁶.

Однако несмотря на то, что принципы правосудия являются фундаментальными правовыми требованиями, определяющими содержание и

---

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации // <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022 (Дата обращения: 12.03.2023 г.).

⁴ Жолобов Я.Б. Правовой статус председателя суда общей юрисдикции в Российской Федерации. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2022. С.88.

⁵ Цараев А.А. Неприкосновенность судьи как гарантия его независимости. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С.185.

⁶ Шарифулин Р.А., Бурганов Р.С., Бикмиев Р.Г. Элементы электронного правосудия // Российский судья. 2018. № 6. С. 57-62.

форму осуществления правосудия, несоблюдение которых влечёт неблагоприятные последствия в виде отмены принятых по делу решений⁷, их наполняемость меняется, эволюционируют с течением времени.

Целью данной коллективной монографии является реконструкция становления и развития принципов правосудия в России и некоторых других странах, а также на международном уровне под воздействием различных процессов политической, экономической, социальной жизни, одним из которых является цифровизация.

---

⁷ Ганижева П.М. Принципы судебной власти и принципы правосудия // Инновационная наука. 2018. № 3. С. 58.

ГЛАВА I

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ПРИНЦИПОВ ПРАВОСУДИЯ

§ 1. Основные направления изучения принципов правосудия на постсоветском пространстве

После распада Советского Союза практически во всех вновь возникших независимых государствах были проведены судебные реформы⁸. Причём многие из них, как и в Российской Федерации, являются многоэтапными и не завершены до сих пор.

Их необходимость была вызвана целым комплексом причин.

Первая – особые условия функционирования судебной системы в СССР и особенности судоустройства.

Привлечение к правосудию народных заседателей, с одной стороны, обеспечивало участие в судебной деятельности общественности, но с другой – возникал вопрос о компетентности принимающих судебные решения.

Кроме того, реформирование было неизбежным, поскольку в СССР отрицалось разделение властей и реализовывалась идея единства государственной власти в совокупности всех её ветвей, поэтому практически во всех бывших республиках Советского Союза началось формирование судебной власти на тех принципах, многие из которых были заложены ещё Судебной реформой 1864 г., а также являлись основой построения судебной системы во второй половине XX века в большинстве стран мира.

Вторая – необходимость формирования национальной системы правосудия в связи с принятием новых Конституций или возвратом к старым, как, например, это произошло в Латвии.

Организации судебной власти, демократическим принципам правосудия были посвящены соответствующие разделы и главы Конституций, предусматривавшие значительное реформирование судоустройства и судопроизводства, существовавших ранее.

Третья – требования международно-правовых стандартов. Сегодня на универсальном уровне сформулированы принципы организации и осу-

---

⁸ См.: Программа судебно-правовой реформы в республике Таджикистан на 2019–2021 годы // sud.tj/upload/medialibrary/ba2/ba2c83ec80192d0d7345c252a104d5b5.pdf; Новый принцип в судебной системе и другие изменения – беседа с заместителем председателя Верховного суда // <https://kun.uz/ru/news/2020/07/29/novyuy-prinsip-v-sudebnoy-sisteme-i-drugiye-izmeneniya-beseda-s-zamestitelem-predsdatelya-verhovnogo-suda>; «Реформа судебной системы: консерватизм или прогресс?» // <https://www.sud.gov.kz/rus/massmedia/reforma-sudebnoy-sistemy-konservatizm-ili-progress-iberzhanova-kazahstanskaya-pravda> и другие.

ществления правосудия. Так, Всеобщая декларация прав человека 1948 г. провозгласила такие базовые права, как равенство всех перед законом (статья 7), право на доступ к правосудию (статья 8), право на беспристрастный и гласный публичный суд (статья 10)⁹. Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. закрепил нормы о справедливом и беспристрастном правосудии, презумпции невиновности, возможности обжалования судебного решения в вышестоящей инстанции¹⁰. 29.11 и 13.12.1985 г. Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН были одобрены принятые VII Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в Милане «Основные принципы независимости судебных органов»¹¹. VIII Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в 1990 г. принял «Руководящие принципы, касающиеся роли лиц, осуществляющих судебное преследование»¹². 26 ноября 2002 г. были провозглашены Бангалорские принципы поведения судей¹³. Перечень международно-правовых документов может быть продолжен, что свидетельствует о том, что на современном этапе принципы правосудия могут уже рассматриваться даже в контексте проблемы соотношения внутригосударственного и международного права¹⁴.

Четвёртая – обязательства государств при вступлении в международные интеграционные организации. Так, к примеру, в 2022 г. статус страны-кандидата на вступление в Европейский Союз получила Молдова,

---

⁹ Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года // Официальный сайт Организации Объединённых Наций // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 29.05.2023 г.).

¹⁰ Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 года // Официальный сайт Организации Объединённых Наций // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 29.05.2023 г.).

¹¹ Основные принципы независимости судебных органов. Приняты седьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшимся в Милане с 26 августа по 6 сентября 1985 года, и одобрены резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/32 от 29 ноября 1985 года // Официальный сайт Организации Объединённых Наций // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/indep.shtml (дата обращения: 29.05.2023 г.).

¹² Руководящие принципы, касающиеся роли лиц, осуществляющих судебное преследование 1990 г. // Электронный фонд правовой и научно-технической документации // <http://docs.cntd.ru/document/901809403> (дата обращения: 30.03.2022).

¹³ Бангалорские принципы поведения судей (резолюция 2006/23 Экономического и Социального Совета от 27 июля 2006 года, приложение) // Официальный сайт Организации Объединённых Наций // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangalore_principles.shtml (дата обращения: 29.05.2023 г.).

¹⁴ Анишина В.И. Международные нормы и принципы в сфере правосудия – влечение времени и правового развития // Мировой судья. 2005. № 11. С. 10-12.

в связи с чем перед ней были поставлены новые задачи, связанные с реформированием области юстиции. Были организованы публичные дебаты «Судебная реформа в Республике Молдова на этапе предоставления статуса кандидата в члены ЕС: концепция, практические действия, последствия, общее восприятие», организованные Информационным агентством IPN, в ходе которых высказывались самые разные мнения, но основная дискуссия велась по вопросам преодоления коррупции в судебной системе¹⁵.

Принципы правосудия стали той основой, которая во многом сближает судебные системы республик, ранее составлявших одно государство. Именно поэтому темы исследований во многом совпадают.

Во-первых, происходит изучение первого опыта СССР по законодательному закреплению принципов правосудия. В частности, изучается опыт конца 1950-х гг.¹⁶, когда благодаря процессам демократизации политического режима в законодательстве появился, к примеру, принцип осуществления правосудия только судом¹⁷. Однако конституционно принципы правосудия были закреплены только в Конституции СССР 1977 г.¹⁸ Вообще, как отмечает Н.Н. Ефремова, принцип историзма очень важен как в теории, так и практике осуществления правосудия¹⁹.

Во-вторых, объединяющим началом в исследовании принципов правосудия являются те ценности, которые они отражают²⁰. Это имеет важное значение и в общечеловеческом контексте, и с точки зрения той общей истории, которые имеют народы, ранее входившие в состав одного государства. В частности, огромное значение, по мнению современных исследователей, имеют принципы Судебной реформы 1864 г.²¹

---

¹⁵ Мнение экспертов о реформе юстиции в 2022 году // <https://noi.md/ru/politika/mnenie-jekspertov-o-reforme-yusticii-v-2022-godu> (Дата обращения: 12.03.2023 г.).

¹⁶ Закон СССР от 25.12.1958 г. «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 15.

¹⁷ Панева Т.К. Принцип осуществления правосудия только судом как руководящий принцип в гражданском судопроизводстве // Международный академический вестник. – 2018. № 11 (31). С. 34-35.

¹⁸ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

¹⁹ Ефремова Н.Н. Принцип историзма в теории правосудия // Международный журнал конституционного и государственного права. 2018. № 1. С. 117-118.

²⁰ Строева О.А. Принципы правосудия в контексте правовых ценностей // Научно-методический электронный журнал "Концепт". 2017. № Т.31. С. 1196-1200.

²¹ Биюшкина Н.И. Принципы правосудия по Судебной реформе 1864 года в Российской империи // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 102-105; Ефремова Н.Н. Исторические этапы становления принципа независимости судебной власти в Российской империи как базовой ценности правосудия // Образование и право. 2021. № 3. С. 234-237.

В рамках данного направления необходимо указать, что в разных странах постсоветского пространства идёт поиск тех идейных основ, которые позволяют принципам правосудия максимально реализовываться. Так, например, исследователь из Молдовы Ана Паладе пишет, что принципы воспринимаются как неизменные естественные законы, глубокие фундаментальные истины, которые при соблюдении сохраняют целостность и ведут к истинному развитию справедливости²².

Общим для части стран постсоветского пространства является и обращение к тем истокам, которые заложили если уж не принципы ювенальной юстиции, то особое внимание к несовершеннолетним при рассмотрении судебных дел. Например, вспоминается опыт Российской империи начала XX века, когда в Санкт-Петербурге 3 декабря 1909 г. была введена должность особого мирового судьи по делам малолетних и состоялись выборы. Как отмечал Н.А. Окунев, первым избранный для рассмотрения подобных дел, «... преобладающей мерой воспитательного воздействия служила система длительности процесса и оставление малолетних (обвиняемых в преступных деяниях, влекущих за собой тюремное заключение) на свободе под присмотром попечителей, состоящих при суде (платных и бесплатных)»²³. При разборе дела обязательно присутствовали родители несовершеннолетнего, потерпевшие и попечители, состоящие при данном суде.

Общие черты прослеживаются в исследованиях об особенностях рассмотрения дел судами с участием несовершеннолетних, построенных на российском и белорусском материале²⁴.

В-третьих, рассматриваются проблемы конституционной гарантии и реализации принципов правосудия²⁵. Прежде всего, таких, как транспа-

---

²² Паладе А. Руководящие принципы организации судебной системы и осуществления правосудия Республики Молдовы // Реформирование российского законодательства: проблемы, тенденции, перспективы. Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Агентство международных исследований», 2019. С.20.

²³ Окунев Н.А. Особый суд по делам малолетних. Отчёт Санкт-Петербургского столичного мирового судьи за 1911 год. СПб.: Санкт-Петербургская городская типография, 1912. С.3.

²⁴ Кравчук Н.В. Правосудие, дружественное к детям: подходы и принципы // Актуальные вопросы в сфере защиты прав ребенка. материалы Всероссийской научно-практической конференции. М.: Академия стратегических инициатив, 2019. С. 80-83; Петрова О.В. Международные принципы дружественного ребенку правосудия и перспективы его реализации в уголовном процессе Республики Беларусь // Криминалистические чтения, посвященные памяти заслуженного юриста Республики Беларусь, доктора юридических наук, профессора Г.И. Грамовича. Материалы Международной научно-практической конференции. Минск: Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 2012. С. 59-60.

рентность²⁶, состязательность²⁷, доступность правосудия²⁸, независимость судебной власти²⁹, неприкосновенности судей³⁰.

В-четвёртых, проводятся сравнительно-правовые исследования, в которых изучаются принципы правосудия нескольких государств, объединённых общей историей в XX веке. В частности, России и Армении³¹.

Предметом исследования очень часто становятся принципы административного судопроизводства, т.к., несмотря на глубокие исторические корни, они стали развиваться только после распада Советского Союза³². В частности, в Российской Федерации административное судопроизводство впервые было закреплено в статье 118 Конституции. В рамках проведения

---

²⁵ Нұрышева Т.С. Сот төрелігінің Конституциялық принципі ретінде кінәсіздік презумпциясын практикада қолдану мәселесі // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2020. № 3 (61). С. 51-57.

²⁶ Ярошенко Н.И. Принцип транспарентности как конституционный принцип осуществления правосудия в России // Вестник Московского государственного университета леса – Лесной вестник. 2013. № 5. С. 125-129.

²⁷ Бытко И.А. Принцип состязательности в системе конституционных принципов осуществления правосудия в Российской Федерации // Молодой ученый. 2023. № 24 (471). С. 230-233.

²⁸ Айрапетян Ю.В. Принцип доступности правосудия как конституционный принцип гражданского процесса республики Армения // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2013. Т. 3. № 4 (04). С. 90-95; Власенко А.А., Ермушова Я.В. Принцип доступности правосудия в системе конституционных принципов организации деятельности судов // Международное и национальное право в условиях интеграции правовых систем. Сборник материалов Международной научно-практической конференции / Под общей редакцией Н.И. Петренко. Чебоксары: Чебоксарский кооперативный институт (филиал) АНООВО Центросоюза Российской Федерации «Российский университет кооперации», 2022. С. 50-55; Романов В.И., Романова Г.В. Принципы конституционного судопроизводства: понятие, особенности и проблемы реализации на примере принципа доступности правосудия // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики. Материалы XVI Международной научно-практической конференции. Тольятти: Волжский университет имени В.Н. Татищева, 2019. Т.2. С. 55-60.

²⁹ Нормуродов Ж.О.У. Важность принципа независимости судебной власти при осуществлении правосудия // Молодой ученый. 2023. № 20 (467). С. 572-574.

³⁰ Обидова М. Конституционный принцип неприкосновенности в системе принципов правосудия // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2017. № 2/4-1. С. 262-265; Ярошенко Н.И. Принцип неприкосновенности как конституционный принцип осуществления правосудия в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2012. № 2. С. 7-16.

³¹ Илюхина В.А. Принцип осуществления правосудия только судом как межотраслевой принцип российского и армянского права (сравнительно-правовое исследование) // Мировой судья. 2022. № 8. С. 8-13.

³² Бородин С.С. Этапы развития административного судопроизводства в России // Молодой ученый. 2021. № 14 (356). С. 178; Саблина Р.Ю. Международно-правовые стандарты и принципы административного правосудия в странах Европы // Синергия Наук. 2021. № 65. С. 205-210.

судебной реформы реализация этой новеллы началась только с 2000-х гг. и завершилась принятием Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в 2015 г.³³

Т.к. часть республик бывшего Советского Союза вошла в состав Европейского Союза, проводятся сравнительно-правовые исследования российского и европейского интеграционного опыта³⁴.

В-пятых, важным направлением исследований учёных постсоветского пространства являются вопросы эффективности правосудия. Эта тема получила развитие в СССР с 1960-х гг., когда сначала в свет вышло несколько важных теоретико-правовых работ В.И. Никитского, И.С. Самощенко, А.Б. Венгерова и других исследователей³⁵, критерии эффективности правового регулирования стали разрабатывать учёные-отраслевники, а затем в качестве отдельной научной проблемы стала изучаться эффективность правоприменения³⁶.

В-шестых, огромное значение в современных исследованиях имеет также тот факт, что Советский Союз сыграл большую роль в формировании принципов международного уголовного правосудия, поскольку Устав Нюрнбергского трибунала создавался при непосредственном участии советских учёных³⁷.

В частности, подробно изучаются сформулированные Комиссией международного права принципы, отраженные в Уставе и приговоре Нюрнбергского процесса, которые были зафиксированы в докладе Организации Объединенных Наций в 1950 г. для дальнейшего развития международного уголовного права и создания на их основе Международного уголовного кодекса: неотвратимость наказания, приоритет норм международного права над внутренним законодательством, индивидуальная персонифицированная

---

³³ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 13.06.2023 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации // <http://pravo.gov.ru> – 14.07.2022 (Дата обращения: 15.07.2023 г.).

³⁴ Сидоркин А.С. Принцип соразмерности в практике российского и европейского правосудия // Методология сравнительно-правовых исследований. Жидковские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции / Под редакцией Г.И. Муромцева, М.В. Немытиной. М.: Российский университет дружбы народов, 2013. С. 404-411.

³⁵ Никитинский В.И., Самощенко И.С. О понятии эффективности правовых норм // Ученые записки. Ученые записки ВНИИСЗ. 1969. Вып. 18. С. 3-19; Никитинский В.И., Самощенко И.С. Изучение эффективности действующего законодательства // Советское государство и право. 1969. № 8. С. 3-11; Глазырин В.В., Кудрявцев В.Н., Никитинский В.И., Самощенко И.С. Эффективность правовых норм. М.: Юридическая литература, 1980. С.19-20 и другие.

³⁶ Пономарев К.Н. Эффективность правоприменения: формирование понятия // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 2. С.106-110.

³⁷ Кравченко К.М. Нюрнбергские принципы как основа международного уголовного правосудия // Право и государство: теория и практика. 2019. № 7 (175). С. 105-107.

ответственность лица, неотвратимость наказания для лица, которое при совершении международного преступления, руководствовалось исполнением распоряжения правительства или выполнением приказа начальника, справедливое судопроизводство на основании права и фактов, а также их влияние на современное уголовное законодательство государств постсоветского пространства³⁸. В частности, отражение Нюрнбергских принципов в Уголовном кодексе Российской Федерации, глава 34 которого предусматривает ответственность за преступления против мира и безопасности человечества, и ещё более конкретно – в статье 354.1 «Реабилитация нацизма»³⁹.

В-седьмых, объединяют исследования постсоветского пространства и те новые вызовы, которые «бросил» системе правосудия процесс цифровизации. На современном этапе термин «электронное правосудие» уже прочно вошёл в современный юридический язык⁴⁰.

Цифровизация рассматривается и как новая модель, позволяющая на новом уровне реализовывать различные принципы правосудия⁴¹, средство реализации доступности правосудия⁴², и как условие оптимизации процесса, обеспечивающее прозрачность, открытость и доступность судопроизводства, равенство, равноправие сторон, гласность судебного разбирательства⁴³, и как предпосылка для изменения механизма реализации некоторых принципов правосудия⁴⁴.

В рамках данного направления необходимо отметить изучение опыта Европейского Союза. Несмотря на существующие сложности во взаимоотношениях на современном этапе продолжают исследования, которые мо-

---

³⁸ Слабкая Д.Н., Новиков А.В. Детерминация принципов отправления международного уголовного правосудия // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11. № 12А. С. 210-218.

³⁹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 10.07.2023 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации // <http://pravo.gov.ru> – 10.07.2023 (Дата обращения: 11.07.2023 г.).

⁴⁰ Кондюрина Ю.А. Принципы цивилистического процесса в системе электронного правосудия. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2020. 25 с.

⁴¹ Чуракова Е.Н., Михайлова М.С. Реализация принципов арбитражного процесса в модели электронного правосудия // Актуальные проблемы развития правовой системы в цифровую эпоху. Материалы Международного юридического научного симпозиума / Отв. ред. С.П. Бортников. Самара: Самарский государственный экономический университет, 2019. С. 129-134.

⁴² Долотин Р.Р. Электронное правосудие как средство реализации принципа доступности гражданского судопроизводства // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 163. № 2. С. 67-75.

⁴³ Софрина З.Ф. Значение в реализации принципов правосудия // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России. 2021. № 2 (21). С. 77-80.

⁴⁴ Томак А.И. Предпосылки изменения механизма реализации принципа состязательности, как базового начала правосудия в информационно-коммуникационном обществе // Право и политика. 2021. № 5. С. 51-59.

гут помочь в осмыслении взаимодействия в судебной сфере государств-членов Содружества Независимых Государств и Евразийского экономического союза. Например, российские юристы анализируют Стратегическую повестку дня Европейского Союза на 2019-2024 гг., в рамках которой было достигнуто соглашение министров юстиции стран Евросоюза о сотрудничестве судов в области оцифровки документов для сбора доказательств. Теперь для судов обмен документами в электронном виде через границы с использованием децентрализованной компьютерной системы стал обязательным⁴⁵.

Таким образом, принципы правосудия на современном этапе являются тем общим предметом исследований, который объединяет учёных разных республик, ранее входивших в состав Советского Союза. Принципы правосудия изучаются и с теоретических, и с историко-правовых, и с международно-правовых, и с наднациональных, и с конституционных, и отраслевых позиций. Дореволюционный и советский опыт анализируется с точки зрения выделения достижений и просчётов, что позволяет говорить о преемственности не только в научном осмыслении принципов правосудия, но и в самой системе организации и осуществления правосудия. Особое внимание уделяется цифровизации правоприменения, позволяющей говорить уже о таком явлении, как электронное правосудие.

§ 2. Российская печать о правопорядке и утверждении практики судебного рассмотрения преступлений в условиях войны (1917-1918 гг.)

Обострение глубочайшего общегосударственного кризиса в России в условиях мировой войны, неминуемо должно было привести к социальному взрыву. Революционные события в Петрограде надломили, а частью разрушили прогнивший самодержавный строй, нарушили устоявшийся порядок, существующие законы. В обстановке поражений на фронтах войны и глубочайших экономических проблем, народная стихия привела к дестабилизации всей жизни в стране и армии. Молниеносно разворачивающиеся события уничтожили самодержавие, а едва пришедшие в себя, и не готовые к произошедшим переменам депутаты распушенной царем Думы и лидеры партий, спешно начали формировать новые органы власти. Сформированное Временное правительство провозгласило курс на демократические преобразования, которые в условиях российской действительности приобрели стихийный, извращенный характер. Государство оказа-

---

⁴⁵ Потемкина О.Ю. Новые стратегические принципы в сфере политики внутренних дел и правосудия // Европейский Союз: факты и комментарии. 2020. № 99. С. 63.

лось в состоянии всеобщего хаоса и произвола. В первую очередь были попораны естественные права человека и гражданина на жизнь, свободу, справедливый суд.

Самую различную фактическую информацию о состоянии правопорядка и правосудия в стране рассматриваемого периода мы черпаем из обширной периодики, которая в условиях революционной свободы становится важнейшим регулятором общественного сознания. Условно все периодическую литературу можно поделить на несколько самостоятельных блоков. К первому можно отнести официальную правительственную прессу, в числе которой «Вестник Временного правительства», «Русский инвалид» и другие. На фоне изложения текущих событий, содержания постановлений государственных органов здесь содержится большой фактический материал о положении на фронте и армии.

Ко второй группе изданий можно отнести официальную печать основных политических партий. Наравне с программными положениями, здесь мы узнаем о перспективах реформирования армии, судебной системы, юстиции в целом. В третью группу можно внести военную печать, издаваемую штабами, военными комитетами, союзами и обществами. На страницах данных изданий мы знакомимся с положением и политическими взглядами различных категорий военнослужащих, проблемами в их взаимоотношениях, о мерах по борьбе с дезертирством и пьянством. Материалы военной прессы дают реальную картину сложнейших процессов в украинских, польских и прибалтийских воинских формированиях. Военная печать анализирует различные взгляды в войсках по вопросам репрессивной политики властей, смертной казни на фронте и в тылу, соблюдению законности при рассмотрении воинских и уголовных преступлений, действенности дисциплинарных и военно-революционных судов. Общественно-политическая и научная периодика, особенно историко-научной и юридической направленности раскрывает содержание реформ военного законодательства, правоотношений в войсках. Без стирания острых углов подает информацию различного толка провинциальная печать Северо-Западного региона. В газетах прифронтовых районов регулярно помещаются материалы о проблемах мобилизационной работы, борьбе с дезертирством и самогоноварением, о бесчинствах отступающих солдат, грабежах и мародерстве. Как можно оценить состояние правопорядка в стране и армии?

«Революционная демократия», граничащая с вседозволенностью и анархией, стремительно распространилась на воинские части Петрограда, участвовавшие в революции и Петроградского гарнизона. Прежде всего, она стала проявляться в неподчинении «граждан солдат» командирам и самосудах над офицерским составом. По докладу члена Государственной

думы В.П. Пепеляева, в ночь на 1-е, 1-го и отчасти 2-го марта только в Кронштадте было убито 40 офицеров. Всего арестованных – 500 человек, из них офицеров и военных чиновников около 230⁴⁶. Но уже 11 марта на заседании бюро Исполкома Петросовета указывалось на 100 убитых офицеров⁴⁷. Без суда и следствия убивали командиров кораблей, офицеров-специалистов: штурманов, минеров, артиллеристов. По данным историка А.Г. Кавтарадзе, 3-4 марта было убито около 200 офицеров Балтийского флота. 4 марта без суда и следствия был приведен в исполнение «приговор революции» над командующему Балтийским флотом адмиралом А.И. Непениным: матросы расстреляли его в спину⁴⁸. В первые дни революции солдатами и вооруженными рабочими на свободу были выпущены все политические заключенные и большая часть уголовных преступников. В целях придания этому стихийному процессу правовой характер, 6 марта издан Указ Временного правительства об амнистии, которая проводилась по трем категориям: политическая и религиозная, общеуголовная и военно – уголовная. Данное решение, принятое уже вслед состоявшихся событий, проводилось без должного контроля. По подсчетам специалиста по уголовному праву П.И. Люблинского, в процессе амнистии было освобождено 4/5 всех заключенных Петрограда⁴⁹, а по мнению основателя военно- морской разведки и связи на Балтийском флоте А.И. Непенина, до официального решения по амнистии восставшим народом могли быть освобождены 8 шпионов и более 200 представителей Финляндской военной организации, обучавшихся в Германии⁵⁰.

В столице развернулась массовая акция несанкционированных арестов, проводившаяся наиболее «бдительными» солдатами. Уже 27 – 28 февраля арестованы бывший товарищ Министра внутренних дел генерал-лейтенант П.Г. Курлов, Министр юстиции Н.П. Добровольский, бывший директор департамента полиции Е.К. Климович, сам сдался охране Таврического дворца Министр внутренних дел А.Д. Протопопов⁵¹. Общее число арестованных в первые недели марта 1917 г. превысило несколько тысяч человек. Возникла проблема их содержания, охраны и обеспечения питанием, что приводило к беспорядкам среди арестованных, для усмирения

---

⁴⁶ Известия Временного комитета Государственной думы. 1917. 1 июня.

⁴⁷ См. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседания. Госиздат. М.-Л. 1925. С.37.

⁴⁸ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль-сентябрь 1917. М., 1991. С. 500.

⁴⁹ См. Люблинский П.И. Мартовские амнистии // Журнал Министерства юстиции. 1917. № 4. С. 4.

⁵⁰ РГИА. Ф.1278. Оп. 10, д.54. С. 33-34.

⁵¹ См. Известия Петроградского совета рабочих депутатов. 1917. 1 марта.

которых привлекались войска⁵². Следственные действия с арестованными проводились наспех составленными комиссиями, качество работы которых было крайне низким. Депутат IV Государственной думы и член одной из таких комиссий кадет С.П. Мансырев вспоминал: «Никакого правильного производства не было, допросы писались на клочках бумаги, которые тут же в беспорядке и валялись, а потом выбрасывались вон»⁵³.

Армия оказалась в эпицентре событий. Практически это была солдатская революция, а посему все свои важнейшие политические решения власти сверяли с позицией нижних воинских чинов, крестьян в солдатских шинелях. Брожение в войсках нарастало. Приказ №1 от 1 марта, а затем Декларация прав солдата 22 мая 1917 года, окончательно погасили чуть теплящиеся огоньки надежды на поддержание законности и дисциплины в армии. Права солдата были поставлены над правами офицеров, командиров, требованиями существующих воинских уставов. В этих условиях утрачивает свои позиции и роль военная юстиция. До Февраля 1917 года она действовала в рамках существующего права и руководствовалась жестоким законодательством военного времени. Безусловно, военные суды царской армии были крайне реакционными, особенно в отношении нижних чинов. Их решения во многом зависели от воли командира, подсудимый лишался защиты и гарантий охраны его процессуальных прав, вызов свидетелей ограничивался, что часто приводило к произволу. Последующие после свержения царизма изменения в государственно – правовой политике, а также рост преступности привели военную юстицию к развалу. Имевшие место попытки властей преобразовать ее в соответствии с изменяющейся политической ситуацией, не увенчались желаемыми результатами. Так, несмотря на то, что в основе судопроизводства все еще лежали Судебные уставы 1864 г., приказом Министра юстиции А.Ф. Керенского 3 марта в Петрограде учреждались временные суды, для устранения печальных недоразумений в городе «...между солдатами, населением и рабочими»⁵⁴. Они действовали в составе мирового судьи и представителей от рабочих и солдат. Все члены суда имели равные права, а решение принималось большинством голосов. Были упразднены военно-полевые суды в Петроградском военном округе и в местах, не входящих в район театра военных действий⁵⁵, подписано Положение о дисциплинарных су-

---

⁵² Вестник Временного правительства. 1917. 18 марта.

⁵³ Мансырев С.П. Мои воспоминания о Государственной думе // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М.: Книга, 1991. С. 109.

⁵⁴ Собрание узаконений и распоряжений правительства (Временного) 1917 г. № 109. С.603.

⁵⁵ Собрание узаконений и распоряжений правительства (Временного). 1917. № 69 С. 393.

дах⁵⁶, изданы постановления Временного правительства «О временных военно-морских судах»⁵⁷, « Об устройстве полковых судов в мирное и военное время»⁵⁸. Для разрешения конфликтов среди солдат и офицеров образовывались примирительные камеры, работали специальные правительственные комиссии⁵⁹. 4 марта 1917 г. Была создана Особая комиссия по подготовке реформ в армии под председательством бывшего военного министра генерала А.А. Поливанова, главная цель которой – «...согласование внутреннего порядка в войсковых частях с новыми правилами и нормами»⁶⁰. Подобная комиссия под руководством эсера В. Л. Утгофа, была образована и в солдатской секции Петросовета. Генералом С.А. Друцким, который в свое время находился на службе в армейских судах, а затем работал экстраординарным профессором Александровской военно-юридической академии, в марте 1917 г. составлены «Основные положения реформы военной юстиции», где автор предлагал оставить ее как самостоятельный институт. 22 марта 1917 г. сформировано специальное «Юридическое совещание» для оказания помощи Временному правительству в законодательной политике, а 25 марта решением Временного правительства при Минюсте была создана комиссия для восстановления основных положений Судебных уставов 1864 г.⁶¹. На неоднократные просьбы военных об учреждении в военных судах института присяжных заседателей⁶², он был введен 28 мая 1917 г.⁶³. Свою роль в этой политике играла и печать. Так, «Журнал Министерства юстиции» регулярно сообщает о решениях правительства, военного министерства в законодательной области. Здесь опубликован Указ об амнистии, постановление «Об отмене наказаний розгами», наложении оков, одевании смирительной рубашки и об облегчении участи лиц, совершивших уголовное преступление, публикуют материалы о необходимости выполнения должностных и служебных обязанностей в условиях войны.

Однако все эти меры чаще всего оставались на бумаге. В реальной жизни действовали законы, присущие революции. В условиях бурно раз-

---

⁵⁶ Русский инвалид. 1917. 16 апреля.

⁵⁷ Собрание узаконений ...№ 109. С. 603.

⁵⁸ Собрание узаконений и распоряжений правительства (Временного). 1917. № 98. С. 541.

⁵⁹ Народная армия. 1917. 19 марта.

⁶⁰ Соболев Г.Л. Приказ военного министра о выборных организациях в армии и флоте (16 апреля 1917г.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. VII. Л., 1976. С. 31.

⁶¹ См. Загорский Г.И. Военно-судебные органы Временного правительства России (февраль-октябрь 1917 года) // Вестник военного права. 2017. № 3. С.24.

⁶² Вестник Временного правительства. 1917. 4 июля.

⁶³ Журнал Министерства юстиции. 1917. № 1. С.5.

живающихся событий в стране, армии и революционном Петрограде, законодатель был обречен на неуспех. Катастрофически быстро падали правопорядок и дисциплина в армии, состояние управляемости воинскими частями. Назовем только некоторые причины данного явления:

– общий политический и экономический кризис в стране, срыв снабжения армии вооружением, продовольствием, обмундированием и обувью, коррупция военных чиновников;

– накопившаяся за годы войны и отступления физическая и психологическая усталость армии. Война из патриотической превратилась в чужую, что приводило к братанию, массовому дезертирству, уклонению от призыва, неповиновению целых частей, членовредительству в окопах, умышленному заражению венерическими заболеваниями, убийствам и грабежам своих же граждан;

– регулярное распространение слухов о разделе земли, в котором не смогут участвовать солдаты действующей армии;

– издание Приказа №1 и Декларации прав солдата, которые законодательно форсировали утверждение чуждой для военной организации демократии и коллективного руководства;

– вносившие раздор конфликты на национальной почве между русскими, украинскими и польскими военными служащими, формирование национальных частей. Комиссар Северного фронта В.Б. Станкевич отмечал: «...Ясно чувствовалось, что речь идет уже не о двух фронтах – против немцев и против большевиков, но и, по крайней мере, о трех, так как национальный украинский вопрос сказывался очень сильно...»⁶⁴;

– негативное влияние демократических процессов в Петрограде и расположенных там запасных полков на ситуацию в действующей армии. По этому поводу 16 июля 1917 г. генерал А.И. Деникин говорил: «Петроград, чуждый армии и не понимающий ее жизни должен прекратить военное законодательство...»⁶⁵;

– призыв на военную службу в 1916-1917 гг. резервистов второго разряда, нежелающих воевать и не отличающихся дисциплиной и организованностью, а также обычных уголовников. В начале 1917 года принимается специальное постановление «Об облегчении участи лиц, совершивших уголовные преступления при призыве на военную службу»⁶⁶. По информации в печати из подобного контингента формировались целые дивизии⁶⁷.

---

⁶⁴ Станкевич В.Б. Воспоминания (1914-1918). Берлин. 1920. С. 301.

⁶⁵ Красная летопись. 1923. №6. С.26.

⁶⁶ РГИА. Ф.1229. Оп.1, д. 2015. Л. 23.

⁶⁷ Голос солдата. 1917. 3 октября.

Серьезным катализатором криминогенной ситуации в армии и ужесточением карательной политики, являлись политические кризисы и, прежде всего, июльский и августовский. Так, в результате событий 3-5 июля в Петрограде расформировывались полки, а мятежные солдаты отправлялись на фронт. На боевых позициях, в окопах прибывшие стремились внести в войсковую среду пацифистские, демократические начала в службу и повседневную жизнь. Но по – своему реагировали на происходящую ситуацию солдаты в окопах. Так, своего однополчанина, уличенного в братании с германцами, возмущенные солдаты без суда и следствия расправились с ним – избили и полуживого закопали в землю⁶⁸. Самосуды, издевательства и расправы над сослуживцами становились повсеместными. В Ярославле солдаты учинили средневековую расправу над сослуживцем, укравшем ботинки. Его водили по территории части с надписью на лбу «Я – вор», в зубах он держал ботинки, а в руках – таз, по которому истязаемый бил палкой⁶⁹. В печати сообщалось о случае убийства пьяными солдатами простого весовщика на почте, «...за неубедительное объяснение причины вскрытых посылок»⁷⁰.

После трагедии в Тернополе и Калуше, которые были подвергнуты жесточайшему погрому отступающими солдатами XI армии, которые убивали мирных жителей и друг друга, грабили, насиловали женщин и детей. Л.Г. Корнилов издает приказ о расстреле преступников без суда. «На месте преступления было расстреляно 14 подлецов»⁷¹. 12 июля 1917г. Временное правительство издает Постановление о введении смертной казни на фронте и учреждении «Военно-революционных судов» при дивизиях для рассмотрения дел, которые не требуют производства предварительного расследования.

Ну а критической точкой событий осени 1917 г. явилось выступление генерала Л.Г. Корнилова. Оно привело не только к изменению всей политической ситуации, но и к серии расправ и самосудов над офицерами и сочувствующими им. Особенно самосуды и бесчинства над офицерами захватили Петроградский и Двинской военные округа, Балтийский флот и Северный фронт. Так, в конце августа было казнено более 20 офицеров штаба 42-го армейского корпуса в г. Выборге. Всех их, во главе с генералами Орановским, Степановым и Васильевым, сбрасывали в воду с Абовского моста и добивали из винтовок⁷². 31 августа офицеры линейного ко-

---

⁶⁸ Петроградская газета. 1917. 25 июля.

⁶⁹ Живое слово. 1917. 30 июля.

⁷⁰ Живое слово. 1917.4 июля.

⁷¹ Русское прошлое.1991. Кн.1. С.110-111.

⁷² Вечернее время. 1917. 1 сентября.

рабля «Петропавловск» Тизенко, Кандыба, Кондратьев и Михайлов отказались подписывать документ, осуждающий действия Л.Г. Корнилова, за что были расстреляны без суда караулом, назначенным для их охраны⁷³. В этих условиях правительство предпринимает шаги для ослабления напряженности и восстановления порядка. В августе был образован и приступил к работе ««Всероссийский союз юристов, призванных на военную службу», цель которого – «...внести в воинскую жизнь элементы правосознания и утвердить правопорядок»⁷⁴. 2 сентября А.Ф. Керенский издает приказ, в котором требует прекратить в армии политическую борьбу, аресты и смещение командиров⁷⁵. Внесудебные расправы вызвали неоднозначную реакцию в армии. В резолюциях полковых комитетов высказываются требования об использовании только мер «судебного преследования, для тех, кто забыл долг»⁷⁶. Военная печать призывает к справедливому суду с привлечением адвокатов над всеми участниками дела Корнилова⁷⁷.

К сожалению, в действительности утвердить право в войсках в обстановке правового нигилизма, не удалось, преобразованные органы военной юстиции не справились, да и не могли полностью выполнить возложенные на них обязанности. Вот примеры судебной практики в действующей армии. Суд присяжных в Минске оправдал 17 из 35 военнослужащих, отказавшихся выполнять боевой приказ, что свидетельствует о явных издержках демократии, а защита в суде еще и подает кассационную жалобу⁷⁸. Далее. В Пскове под давлением масс корпусной суд откладывает дело о 75 солдатах и 3-х офицерах, которые силой оружия воспрепятствовали выполнению приказа о наступлении⁷⁹. Настоящим разгромом над судебными чиновниками закончилась попытка на Северном фронте провести суд над военными преступниками, в количестве около 3000 человек, которые содержались в импровизированной тюрьме. После первого заседания сбежал напуганный священник, которого грозили выкинуть в окно, а для наведения порядка были вызваны казаки⁸⁰.

Низкая эффективность военных судов имела понятные объективные политические причины, но были и чисто технические проблемы. По мнению столичных юристов это, прежде всего низкий профессиональный уровень представителей судов, острая нехватка юридически подготовленных

---

⁷³ РГА ВМФ. Ф.Р-95. Оп.1, д.5. л. 68.

⁷⁴ Сила Земли.1917. 6 августа.

⁷⁵ Армия и Флот свободной России 1917. 2 сентября.

⁷⁶ Армия и Флот свободной России.1917.6, 16 сентября.

⁷⁷ Там же, 7 сентября.

⁷⁸ Живое слово. 1917. 16 сентября.

⁷⁹ Русская воля. 1917. 6 октября.

⁸⁰ День.1917. 28 сентября, 1 октября.

людей, отсутствие необходимого количества персонала для ведения большого количества дел, что приводило к затягиванию их рассмотрения, а «...преступники томятся месяцами без суда и превращаются в мучеников буржуазии»⁸¹. Для улучшения ситуации предлагалось создать сеть «летучих отрядов правосудия», нейтральных для воинских частей, состоящих из мобилизованных юристов, ввести ускоренный порядок производства дел в военно-окружных судах в отношении тех, чья вина не требует особых разбирательств (дезертирство, невыполнение приказа)⁸², устранить как «суррогат правосудия» военно-революционные суды⁸³. Активно обсуждается вопрос о ротных дисциплинарных судах, как не эффективных и передаче их функций в полковые и дивизионные, так как во многих ротах они не были сформированы. 20 октября Временное правительство издает Постановление об усилении единоначалия в армии, согласно которому в частях, где не будут сформированы дисциплинарные суды, дисциплинарная власть полностью возлагается на командиров, а там, где действующие суды не выносят решение в течение 48 часов, дело передавалось на рассмотрение командования⁸⁴. Итак, анализ военно-правовой политики властей в марте-октябре 1917 года в целом, и в области военной юстиции в частности, позволяет сделать вывод, что в стране, раздираемой политическими, социально-классовыми, национальными и иными противоречиями, не имеющей глубоких демократических традиций, живущей в условиях войны, жесточайшего общенационального кризиса и развала государственности, выработать единые, поддержанные обществом правовые основы нового государственного устройства, было невозможно. Значительно усложняла ситуацию обстановка безвластия и беззакония в армии, что явилось прямым следствием и развала военно-судебной системы. Все предпринимаемые попытки ее реформирования не были глубоко продуманны, приобретали крайние недопустимые формы и в итоге провалились.

Придя к власти, большевики стремились пресекать (не всегда успешно) внесудебные расправы в условиях войны и революции, установить хотя бы видимость правосудия, но, прежде всего, в интересах трудящихся. Вся судебная система подверглась радикальному изменению. Ее структура, судейский аппарат, правовая основа, принципы и методы работы были подчинены решению чисто партийных, классовых задач. Юстиция постепенно становилась надежным защитником нового государствен-

---

⁸¹ Вечернее время. 1917. 22 сентября.

⁸² Армия и Флот Свободной России. 1917. 5 октября.

⁸³ Петроградский листок. 1917. 1 октября.

⁸⁴ Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания. 1962. С. 210-211.

ного строя, руководствуясь большевистскими принципами правосудия – революционной законностью, революционным правосознанием и революционной целесообразностью.

Создание новой судебной системы стало одной из первоочередных задач Советской власти. Политика большевиков и, в частности В.И. Ленина, на решительный слом старых судебных учреждений осуществлялась с октября 1917 года при непосредственном участии Наркома просвещения РСФСР Л.В. Луначарского, Наркома юстиции А. Ломова (Г.И. Оппокова), заместителя Наркома юстиции в марте – августе 1917 года П.И. Стучки, и членов коллегии наркомата юстиции, среди которых особенно активной деятельностью выделялись М.Ю. Козловский и Д.И. Курский (с августа 1918 года по январь 1928 года – Нарком юстиции РСФСР).

Наиболее важными в первые месяцы существования новой власти в области преобразования судебной системы были декреты о суде 1917-1918гг. Декрет о суде №1, от 22 ноября 1917 года, провозгласил упразднение всех ранее существовавших в России судебных учреждений (действие института мировых судей приостанавливалось до замены этих судей местными судами, избираемыми в ходе «прямых демократических выборов»). Закон предусматривал создание на местах местного суда, для рассмотрения уголовных дел и гражданских исков до 3 тыс. рублей и революционного трибунала. Предусматривалось создание третейских судов, но после утверждения их специальным декретом.

После издания декрета в период с конца ноября по декабрь 1917 года в Петрограде были упразднены, помимо Сената, Петроградская судебная палата, Окружной суд со всеми департаментами и отделениями, прокурорский надзор, камеры судебных следователей, комиссия по расследованию деятельности бывшего департамента полиции, чрезвычайная следственная комиссия и другие органы.

Ввести жизнь в рамки правового поля стремились и местные Советы. Так, в декабре 1917 года в Кронштадте был образован Суд Общественной Совести, в который вошли три члена от Совета Рабочих и Солдатских депутатов, по одному представителю от меньшевиков, эсеров, большевиков, городского самоуправления, бюро профсоюзов, Совета крестьянских депутатов и три местные судьи, избранных демократическими выборами 6 октября 1917 года⁸⁵. Этому суду были подсудны все уголовные и гражданские дела. В своих решениях суд руководствовался Декретом о Суде СНК. Предварительное следствие по всем судебным делам, производилось Следственной комиссией при Совете рабочих и Солдатских депутатов.

---

⁸⁵ Материалы Народного Комиссариата юстиции, 1918 г. С. 32.

Декрет №1 способствовал распространению, уже сложившегося в годы Февральской революции, института комиссаров, на сферу юстиции. Статус комиссаров был закреплен 19 декабря 1917 года в Постановлении Наркомюста «Об избрании Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов комиссаров юстиции, впредь до создания постоянных судебных установлений и об обязанностях избранных комиссаров».

Единообразной структуры комиссариатов не существовало. В них могли быть следственная часть, кассационное отделение, юрисконсультский и нотариальный отделы и др. Комиссариаты решали задачи не только ликвидации старых судебных и следственных учреждений, но и обеспечивали преемственность их деятельности с новыми. Многие комиссариаты сами разрабатывали и принимали инструкции об организации судов, разрешали споры между местными судами и ревтрибуналами.

После принятия 10 июля 1918 года Конституции РСФСР комиссариаты упразднились, а их функции перешли к отделам юстиции губернских исполкомов.

Ход дальнейших событий привел к появлению Декрета О суде №2, опубликованному 22 февраля 1918 года. Закон предусматривал создание окружных судов для рассмотрения дел, превышающих подсудность местного суда. И учреждал областные народные суды (в качестве кассационной инстанции для окружных судов) и Верховный судебный контроль в Москве.

На основе декрета местные органы власти разрабатывали своеобразные инструкции (наказы, положения), где разъяснялся порядок формирования и деятельности местных судов. Так, 28 марта 1918 года исполнительным Комитетом царскосельского уездного Совета утверждает «Положение о народных Судах», в котором, в частности указывается, что «взамен упраздненных 10 камер мировых судей в царскосельском округе учреждаются местные суды», раскрываются состав, функции и подсудность. В «Наказе Народным Судам Петроградского совета местных народных судей» указывается состав, компетенция, функции суда, об избрании Совета судей в составе 5 – 7 народных судей, которые являются для народных судов данного уезда руководящим и надзирающим органом. Раскрывается порядок разбора и процедура слушания дел⁸⁶. Подавление большевиками восстания левых эсеров в начале 1918 года и решение II Всероссийского съезда губернских и областных комиссаров юстиции, явились основой для принятия СНК РСФСР 13 июня 1918 года Декрета О суде №3.

---

⁸⁶ Материалы Народного Комиссариата Юстиции. 1918 г. С. 60.

Закон расширял полномочия местных народных судов, отменял право руководствоваться старыми законами и вместо областных народных судов и Верховного судебного контроля в Москве временно учредил единый кассационный суд с отделениями по гражданским и уголовным делам. Следственные комиссии передавались в подчинения местным Советам. Кассационные жалобы на решения и приговоры местных народных судов рассматривали Советы местных народных судей, сформированные из постоянных судей нижестоящих судов.

Идея создания единого народного суда была претворена в жизнь на основе Положения ВЦИК от 30.11.1918 года «О народном суде РСФСР». В соответствии с положением народные суды создавались в уездах и городах и рассматривали все гражданские и общеуголовные дела, действуя в составе одного постоянного народного судьи и двух или шести народных заседателей (в зависимости от характера дела).

Число народных судов определяли Исполкомы уездных или городских Советов и утверждались Губернским исполкомом Совета рабочих и крестьянских депутатов. Народные суды в составе губернии составляли судебный округ. Москва и Петроград являлись отдельными судебными округами. Для исполнения решений Народных Судов по гражданским и охранительным делам и для других исполнительных действий, учреждалась Коллегия судебных исполнителей, для которых Президиумом Совета Народных судей была разработана специальная Инструкция⁸⁷.

Выявленные в ходе практической деятельности судов недостатки были частично устранены «Положением о Народном Суде РСФСР» от 21 октября 1920 года. Постепенно в стране сложились две системы судебных органов: общие суды, состоящие из народных судов губернского Совета народных судей и Высшего судебного контроля в лице Народного комиссариата юстиции и революционные трибуналы в крупных центрах и городах и Верховного революционного трибунала при ВЦИК. Одновременное существование двух систем было оправдано особенностями военно-революционного периода.

Изменения военно-политической ситуации дало возможность провести судебную реформу. Новое положение «О судопроизводстве РСФСР» от 11 ноября 1922 года устанавливало трёхзвенную структуру общих судов: народный суд, губернский суд, Верховный суд РСФСР. Упразднялись революционные трибуналы.

Таким образом, было очевидно, что уже к началу 20-х годов большевикам в основном удалось ослабить волну внесудебных расправ как в ар-

---

⁸⁷ См. Материалы Народного Комиссариата Юстиции. 1918 г. С.79-81.

мии, так и в деревне. Все активнее действуют городские и сельские органы советской власти и народного правосудия на основе зарождающегося советского права.

§ 3. Уголовная ответственность за экономические (хозяйственные) преступления по законодательству РСФСР 1920-х гг. (анализ судебных дел и правоприменительной практики)

В начале – середине 1920-х годов в Советской России значительно увеличилось количество преступлений и правонарушений экономической направленности. Сразу следует оговориться, что в изучаемый период отечественной истории таких понятий, как «экономическая преступность», «экономические преступления» в общепринятой современной постановке не приводилось. В Уголовном кодексе РСФСР 1922 года⁸⁸ и последующих его редакциях (далее – УК РСФСР; Кодекс), в комментариях к ним, учебной и научной литературе получило закрепление такое название, как «хозяйственные преступления»⁸⁹.

Анализируя содержание составов преступления, содержащихся в главе 4 УК РСФСР 1922 г. (ст.ст. 126-141), И.М. Мицкевич называет среди прочих следующие:

- нарушение положений, регулирующих проведение в жизнь государственных монополий;
- спекуляция с иностранной валютой;
- неисполнение обязательств по договору, заключенному с государственным учреждением или предприятием;
- расточение арендатором предоставленного ему по договору государственного достояния в виде средств производства;
- искусственное повышение цен на товары путем сговора или стачки торговцев между собой, или путем злостного невыпуска товара на рынок и др.⁹⁰

Следует отметить, что при систематизации материала в Кодексе преступления хозяйственные поставлены непосредственно после преступлений контрреволюционных и против порядка управления⁹¹. И как отмечает

---

⁸⁸ Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. 1922. 1 июня. № 80. Ст.153.

⁸⁹ См., напр.: Никонорова Т.Н. Документы комиссии партийного контроля при ЦК ВКП (б) (1934-1952 гг.) как источник изучения экономической преступности в среде партийной номенклатуры: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2018. С. 6; Сырых В.М. История государства и права России: учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Эксмо, 2007. С. 368.

⁹⁰ Мацкевич И.М. Причины экономической преступности: учебное пособие. М.: Проспект, 2017. С. 9.

⁹¹ Правовые условия торгово-промышленной деятельности в СССР: Сборник статей / Под ред. Н.А. Топорова и Е.В. Меркеля. Л.: Гос. изд-во, 1924. С. 129.

С.В. Изосимов, уголовные нормы хозяйственной направленности были вызваны к жизни конкретной исторической обстановкой⁹².

В главе 6 Кодекса «Имущественные преступления» получили закрепление такие составы, как присвоение вверенного имущества, мошенничество, фальсификация, подделка в корыстных целях как официальных, так и простых бумаг, документов и расписок и др.⁹³

Именно в данный период времени появляются редкие научные дискуссии о социализме и собственности⁹⁴, что в последующем будет закреплено в понятии «социалистическая собственность»⁹⁵.

В настоящее время в связи с переходом к рыночной экономике в понятийный оборот прочно вошли такие специальные словосочетания, как «экономические преступления», «преступления в сфере экономики», «преступления в сфере экономической деятельности», отнесенные исследователями к преступлениям экономической направленности⁹⁶.

Если говорить о хозяйственных и должностных преступлениях периода новой экономической политики (далее – НЭП), то они, как видно из различных научных работ, в силу экономической составляющей занимали особое место в структуре преступности молодого советского государства⁹⁷.

В Уголовном кодексе РСФСР редакции 1926 года⁹⁸ хозяйственные преступления были вынесены в отдельную главу V и представлены статьями 128-135, комментарии к которым были даны группой известных авторов⁹⁹.

---

⁹² Изосимов С.В. Российское уголовное законодательство конца XIX – начала XX в.: преступления служащих коммерческих и иных организаций: учеб. пособие. Н. Новгород: Изд-во Волго-Вят. акад. гос. службы, 2004. С. 30.

⁹³ Мацкевич И.М. Указ. соч. С. 9.

⁹⁴ Алексеев Н.Н. Собственность и социализм: Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства. Париж: Евразийское книгоизд-во, 1928; Рейснер М.А. Частная собственность и социализм. 2-е изд. Петроград: Белопольский, 1917.

⁹⁵ См., напр.: Крыленко Н.В. Об охране и укреплении общественной (социалистической) собственности. М.: Партиздат, 1932; Основные принципы методики расследования дел о растратах и хищениях общественной (социалистической) собственности: Пособие для следователей / Под ред. А.Я. Вышинского. М.: Юрид. изд., 1937.

⁹⁶ Шмонин А.В., Семькина О.И. Преступления экономической направленности: понятие и генезис уголовного законодательства: монография. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 9-21.

⁹⁷ Епихин А.Ю., Мозохин О.Б. ВЧК-ОГПУ в борьбе с коррупцией в годы новой экономической политики (1921-1928). М.: Кучково поле, 2007; Захарцев С.Н. Организационно-правовые основы борьбы с преступностью в РСФСР в 1921-1929 гг.: монография / под ред. А.С. Тумановой. – СПб.: Нестор, 2007. С. 5; Яценко В.Г. Криминальный мир Царицынской – Сталинградской губернии 1920-х годов: репортажи о громких уголовных делах эпохи НЭПа. Волгоград: ВолГУ, 2020. С. 255-269.

⁹⁸ Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. 1926. 6 декабря. № 80. Ст. 600.

⁹⁹ Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года с постатейно-систематизированными материалами / сост. и ред. С.С. Аскарханов, Т.П. Зайцев, А.Н. Иодковский и др. М.: Юридич. изд-во НКЮ РСФСР, 1927. С. 9.

В структуре ВЧК – ОГПУ было учреждено специальное подразделение – Экономическое управление (ЭКУ), осуществлявшее борьбу с хозяйственными преступлениями, а также занимавшееся раскрытием контрреволюционных выступлений, направленных на подрыв хозяйственных органов государства¹⁰⁰.

Вышеперечисленные в обзоре преступления находили адекватную и довольно жесткую оценку со стороны государственного репрессивного аппарата. Наказания за хозяйственные и должностные преступления получали «свое карающее разрешение в суде»¹⁰¹.

Рассмотрим механизм расследования и осуществления социалистического правосудия на документах Ленинградского губернского суда¹⁰². Нами было изучены материалы обвинительного заключения дела № 406, датированного августом 1924 года, по обвинению начальника счетно-материального отдела городского управления (в других источниках – отделения) внутренних водных путей А.Н. Козлова в получении взяток от организованной преступной группы лиц – поставщиков различных товаров для надобностей городского водного хозяйства, и причастных к данным противоправным деяниям лиц¹⁰³.

Из материалов дознания, начатого производством 25 марта 1924 года установлено, что в числе таких поставщиков состоял Н.Ф. Кондаков, ведущий торговые операции без выборки надлежащего патента и производивший поставки не от своего имени, а от имени Северного кооперативного кредитного товарищества (далее – Севкоопкредит; Товарищество), членом ревизионной комиссии и учредителем которого состоял гр. Козлов.

---

¹⁰⁰ Мозохин О.Б. ВЧК – ОГПУ: На защите экономической безопасности государства и в борьбе с терроризмом. М.: Яуза: Эксмо, 2004. С. 100.

¹⁰¹ Мокеев В.В., Лаговиер Н.О. На страже революционной законности: (Очерки работы Прокуратуры РСФСР за 1922-1925 гг.) / Под ред. пом. прокурора Респ. Ф.К. Трасковича. М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1926. С. 82.

¹⁰² Обвинительное заключение по делу № 406-1924 года. Л.: Ленинградский губернский суд, 1924.

¹⁰³ *Историческая справка*: В сентябре 1918 г. был образован водный отдел Комиссариата городских хозяйств Союза коммун Северной области, куда в связи с изданием декрета Совета народных комиссаров РСФСР о национализации флота и имущества, принадлежащего ранее Петроградской городской управе и частным лицам, были национализированы суда и имущество пароходств, частных судовладельцев и мастерских. В 1919 г. переименован в водно-техническое управление отдела благоустройства Совета коммунального хозяйства, в 1921 г. в водно-техническую часть подотдела благоустройства губернского отдела коммунального хозяйства, в 1924 г. в отделение городских водных путей, располагавшиеся в здании Петрогубисполкома на улице Зодчего Росси, д. 1/3. См.: Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.). Ф. Р-3192; Р-9954 <https://spbarchives.ru/infres/-/archive/cga/R-3192>; Сайт «Водный транспорт» <https://fleetphoto.ru/entities/9151/> (дата обращения 30.04.2023 г.).

В связи с возникшими по этому поводу предположениями о прикосновенности администрации Товарищества к злоупотреблениям гр. Козлова и к обходу правил налогового и патентного обложения торговой деятельности частных лиц, в помещении Товарищества 29 марта 1924 года был произведен обыск, а 14 апреля проведено обследование деятельности Товарищества комиссией при участии инспекторов Ленинградского Губфинотдела М.Н. Кункина и Д.И. Люминарского, которые «обнаружили не только серьезные правонарушения указанного характера, но и преступные уклонения всей деятельности администрации Товарищества от принципов кредитной кооперации, в интересах которой должно было быть организовано и должно было функционировать ... Товарищество», – сказано в материалах дела.

Следует отметить, что развитие народного хозяйства в условиях новой экономической политики вызвало к жизни образование целого ряда частных кредитных учреждений. Государственная власть относилась к их возникновению положительно, считая, что при нормальном направлении работы они смогут «выполнить полезную роль». Большинство таких учреждений возникало в виде кооперативных кредитных товариществ. Цель, которую закон определял для этих товариществ, была изложена с достаточной определенностью в п. I Декрета 1922 года «О кредитной кооперации»¹⁰⁴, согласно которому в целях улучшения условий для развития сельского хозяйства и кустарной деятельности граждане РСФСР могут образовывать кредитные ссудо-сберегательные кооперативные товарищества для предоставления своим членам льготных ссуд на удовлетворение их хозяйственных нужд, для планомерного и целесообразного объединения денежных средств отдельных членов Товарищества в целях удовлетворения более крупных хозяйственных нужд, для приобретения требуемых в промыслах и хозяйствах членов Товарищества инвентаря, материала, сырья и предметов оборудования и для посредничества по сбыту продуктов, созданных трудом членов Товарищества. Число членов, согласно п. 2 того же Декрета, не должно быть менее 50 человек.

Понятие кустарной промышленности было установлено постановлением ВЦИК «О мерах содействия кустарной промышленности»¹⁰⁵ и декретом СНК от 7 сентября 1920 г. «О регулировании кустарных промыслов в ненационализированной промышленности»¹⁰⁶, из которых видно, что

---

¹⁰⁴ О кредитной кооперации: Декрет ВЦИК и СНК от 24 января 1922 г. // Собрание узаконений (далее – СУ) РСФСР. 1922. № 12. Ст. 110.

¹⁰⁵ О мерах содействия кустарной промышленности: Постановление ВЦИК от 1919 г. // СУ РСФСР. 1919. № 14. Ст. 140.

¹⁰⁶ О регулировании кустарных промыслов в ненационализированной промышленности: Декрет СНК от 7 сентября 1920 г. // СУ РСФСР. 1920. № 78. Ст. 366.

наличие в том или ином виде наемного труда в предприятии не относит его к разряду кустарных.

В соответствии с указанными законодательными актами Народный комиссариат финансов утвердил 14 сентября 1922 года нормальный устав кредитного (ссудо-сберегательного) кооперативного товарищества, параграф 3 которого содержал толкование п. I Декрета «О кредитной кооперации» 1922 г.

Следствие, проведя тщательную проверку, установило, что летом 1923 года группа лиц, которым хорошо было известно общее направление государственной экономики, содействующей развитию кооперации «как орудия трудящихся в их классовой борьбе», задумали открыть кооперативное кредитное товарищество. В числе наиболее активных участников выступали бывшие присяжные поверенные М.Я. Либерман, М.С. Либенсон, бывший совладелец крупного пароходного предприятия «И.И. Конецкий» Е.И. Конецкий, бухгалтер частной торгово-промышленной конторы «Торготранс», занимавшийся подрядами и поставками И.Ф. Базанов и член коллегии защитников Л.И. Левидов.

Учитывая то обстоятельство, что кредитные кооперативные организации пользовалась благоприятным к себе отношением со стороны властей и особыми льготами в отношении налогообложения операций, гр. Либерман, Либенсон, Конецкий, Базанов и Левидов, тем не менее, пошли на сговор. Обладая достаточными материальными средствами, соучастники решили привлечь в свои ряды иных лиц с имеющимися средствами и капиталами. Для этого они решили организовать кредитное товарищество, рассчитывая, как учредители, играть в нем руководящую роль в собственных интересах путем использования фирмы Товарищества для проведения своих корыстных коммерческих дел, размещая свои капиталы в выгодные для себя финансовые обороты, получая, таким образом, незаконную прибыль.

После предварительного обсуждения своих преступных замыслов произошло объединение гр. Либермана, Ливенсона, Конецкого, Базанова и Левидова в организованную группу, где распределили между собой роли. Так, Левидов, юрисконсульт Губсоюза, знаток кооперативного дела, от имени всех предпринял все необходимые шаги к регистрации предполагаемого ими к учреждению товарищества, при чем официально от всей группы выступал лишь гр. Базанов, совместно с М.М. Силантьевым и Л.А. Уриным, подписавшими заявление о регистрации и список учредителей.

При представлении в Ленинградский Губфинотдел одного экземпляра проекта устава, совершенно тождественного с нормальным уставом, гр. Левидов, как сказано в материалах дела, «провел одну, впрочем, особенность». А именно, согласно ст. 18 Устава открываемого Товарищества, до-

полнительная ответственность каждого члена по обязательствам Товарищества определялась всего лишь в однократном размере открытого члену Товарищества кредита, что в случае несостоятельности Товарищества, могло бы угрожать нанесением ущерба вкладчикам по текущим счетам и другим кредиторам Товарищества¹⁰⁷.

Махинаторы действовали расчетливо и дерзко, выдавая за реальные обстоятельства прямые фальсификации. В представленном гр. Левидовым списке учредителей последние были в подавляющем большинстве, вопреки их действительному социальному положению, поименованы как кустари или служащие, в то время как на самом деле они являлись владельцами мелкопромышленных предприятий, торговцами или лицами свободных профессий. В указанном списке в качестве учредителей значились и главные «вдохновители» организации Товарищества гр. Либерман, Либенсон, Конецкий, Левидов и на первом месте гр. Базанов, который в технических вопросах организации играл главную роль, а в списке, представленном дополнительно, в качестве учредителя значился и гр. Левидов, собственноручно обозначивший себя этим званием в перечне лиц, внесших паевые и вступительные взносы.

Желая представить список учредителей таким образом, чтобы он при рассмотрении его в Губфинотделе производил впечатление состоящего почти исключительно из кустарей и сельских хозяев, т.е. тех лиц, в интересах которых закон допускал учреждение кредитных кооперативных товариществ. Далее, как следует из материалов дела, гр. Базанов напечатал заявление без адреса в какое-либо учреждение, придав ему следующее содержание: «Настоящим изъявляем свое согласие быть учредителями организуемого Северного кредитного кооперативного товарищества «Севкоопкредит», и первый подписал его, скрыв при этом в сделанной им подписи свое действительное социальное положение бухгалтера и доверенного конторы «Торготранс», указав, что он лишь состоит членом земледельческой артели.

С указанным заявлением, имевшим характер подписного листа, гр. Базанов, как это видно из опроса лиц, подписавших заявление, обходил своих сослуживцев по конторе «Торготранс» и других вполне известных ему по своему социальному положению лиц. Он получал подписи будущих учредителей, при чем поощрял большинство именовать себя по образцу собственной подписи рода занятий – либо кустарями, либо огородниками.

Таким образом, старший счетовод счетно-материального отдела управления внутренних водных путей К.Ф. Пахомов подписал заявление,

---

¹⁰⁷ Устав Северного кредитного кооперативного товарищества «Севкоопкредит». Пг., 1924.

как огородник, а в списке учредителей, представленных вторично в Гобфинотдел за подписями гр. Либермана и Базанова, был обозначен как кустарь; безработный и состоявший зарегистрированным на бирже труда Н.И. Трифонов, по своей постоянной профессии конторщик и служивший в Торготрансе кладовщиком, подписал заявление, как огородник, а в списке обозначен как кустарь; сотрудники конторы «Торготранс» и управления внутренних водных путей Борисевич, Керм, Никитин, Лофгаген, Гермер, Лопатинский, Камбурова, Каган, Кацман, Шibaев и др., обозначенные гр. Базановым как кустари в списке, подписывали заявление как огородники, либо совершенно не давали сведений о своем социальном положении.

Равным образом и гр. Козлов указал на свое занятие, как огородника, а в списке он, не взирая на занимаемую им должность начальника счетно-материального отдела, был обозначен хорошо знающим его еще с 1916 года гр. Базановым как кустарь. Таким образом, налицо имела место прямая и умышленная фальсификация документов.

Помимо ложного наименования «кустарями» лиц, которые на самом деле зачастую являлись безработными, скрытыми торговцами, промышленниками и спекулянтами, гр. Базанов также стремился к искусственному увеличению числа учредителей путем внесения за них вступительных взносов и паевых взносов из своих личных средств, не требуя от них возврата внесенных им сумм, а довольствуясь только их официальным заявлением или подписью на последнем. Все эти обстоятельства оформления поддельных документов и заключения незаконных сделок установило судебное следствие.

Лицами, пошедшими на незаконную сделку, являлись гр. Пахомов, Н.А. Густавсон-Кологради, С.И. Гурфинкель, Трифонов, И.И. Красовицкий и И.Н. Борисевич, которые, будучи допрошены в качестве свидетелей, подтвердили факты подделки документов. Проведенное при помощи перечисленных ухищрений через надлежащие инстанции Товарищество открыло свои официальные операции в помещении на просп. 25 Октября, угол ул. Герцена, д. № 16.

Между тем липовое правление Товарищества не упускало случая по тому или иному поводу подчеркнуть, что в состав членов Товарищества входит масса кустарей, однако, те способы, которыми фальсифицировалось их количество, исключали возможность подсчета голосов и др. На данное обстоятельство было указано инспекторами Губфинотдела гр. Кункиным и Люминарским при производстве ревизии. Это стало ясно, исходя из списка членов Товариществ, ведущегося на основании п. 1 § 68 Устава Товарищества.

При проверке данного списка в порядке дознания обнаружено, что, например, член коллегии защитников назывался служащим, подрядчик – кустарем, служащий – маляром, лицо свободной профессии – служащим, мучной торговец и мелкий коммерсант – кустарем, бухгалтер – огородником. Понизили свой трудовой статус арендатор завода и заведующий его коммерческой частью, став в одночасье кустарем и т.п. Налицо был установлен сговор лиц, преследующих корыстные цели путем проведения незаконных действий с целью получения личной выгоды в ущерб государственным интересам.

Анализ списочного состава Товарищества, также проведенный ревизорами, показал, что на день обследования, т.е. на 14 апреля 1924 г., в нем состояло 217 членов с 2372 паями. По тем данным, которые указывались Правлением в официальных докладах или справках, члены Товарищества в процентном отношении распределялись следующим образом: кустари – 42%, торговцы – 28%, служащие – 17%, лица свободных профессий и неизвестного рода занятий – 13%.

При распределении же между этими категориями членов принадлежащих им паев оказалось, что владели из общего количества паев: кустари – 13%, торговцы – 63%, служащие – 21%,⁴ лица свободных профессий и неизвестного рода занятий – 3%.

Несоответствие числа пайщиков и числа принадлежавших им паев имело связь с тем, что администрацией Товарищества не только не были приняты меры к соблюдению правила Устава, согласно которому наибольшее количество паев мог иметь один товарищ, но и допускались умышленные нарушения отчетности и др. В общем собрании 20 января 1924 г. под председательством гр. Левидова возбужден был вопрос об изменении параграфа 25 Устава, хотя и неразрешенный по существу за отсутствием кворума, но проведенный, в обход параграфа 96 Устава, как пожелание. Правление предлагало вновь вступающим пайщикам выбирать по возможности не менее 5 паев, благодаря чему происходило усиление имущей группы членов Товарищества, могущих принять условия кредита, предоставляемого им Правлением.

Становится ясно, что инициаторы злоупотреблений действовали расчетливо, пытаясь обойти нормы Устава Товарищества, а там, где это было очевидно, прибегали к подтасовке документов или же предлагали собранию проголосовать за устраивающее их решение в угоду будущих незаконных личных прибылей.

Обращаясь к предыстории создания Товарищества, следует сказать, что первое общее собрание учредителей состоялось 11 августа 1923 года под председательством также гр. Левидова. Из числа 30 лиц, расписавших-

ся в списке присутствовавших, 8 лиц действовали по доверенности и объединяли по два голоса, в том числе гр. Левидов и брат гр. Либенсона – З.С. Либенсон, а остальные, помимо гр. Либермана, Либенсона, Конецкого и Базанова, состояли из родственников или сослуживцев гр. Базанова.

Таким образом, следствие установило и суд, изучив обстоятельства дела, пришел к выводу, что гр. Базанов, состоя учредителем и членом ревизионной комиссии Северного кредитного кооперативного товарищества, содействовал проведению поставки товара частного крупного торговца гр. Кондакова от имени Товарищества в управление внутренних водных путей, начальником счетно-материального отдела которого состоял гр-н Козлов, за что получал взятки от гр. Кондакова, т.е. в обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ст. 114, ч. 2 УК РСФСР.

Также гр. Базанов, состоя с 20 января по 14 апреля 1924 г. в должности члена Ревизионной комиссии Товарищества, не принял действительных мер к планомерному развитию ревизионной деятельности означенной комиссии. Вследствие чего не оказал противодействия проведению в жизнь всех постановлений Правления, которые, являясь по существу преступными, шли в обход принципов кредитной кооперации. В результате Товарищество понесло значительные убытки, либо ее члены нарушали Устав и обеспечивали решение всех дел Товарищества небольшой группой лиц, «имевших связи с капиталистами в лице крупных вкладчиков и торговцев, состоявших в числе клиентов Товарищества». При чем за участие в заседаниях Ревизионной комиссии гр. Козлов получал по 10 руб. за заседание, т.е. обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ст. 107, ч. 1 УК РСФСР.

В виду вышеизложенного граждане Либенсон, Конецкий, Базанов. Левитан, Розен, Левидов, Смагин, Пороховников, Ольшанский, Зосима Либенсон, Александр Розен, Кондаков, Каттель, Силантьев, Кацман, Никитин, Шпильберг, Иерхо и Козлов, на основании ст. 26 УПК, п. «б» и «в», подлежали преданию суду Ленинградского губернского суда. На основании ст. 211 УПК РСФСР¹⁰⁸ обвинительное заключение в августе 1924 г. было направлено Ленинградскому губернскому прокурору.

Дополнительно к ранее названным характеристикам членам преступной группы можно составить социальный портрет злоумышленников, обвиненных в хозяйственных преступлениях. Большинство проходивших по делу лиц происходило из мещан, в возрасте от 25 до 40 лет, имеющих среднее, незаконченное высшее образование, по профессии – торговые агенты, конторщики, счетоводы, бухгалтеры, по партийной принадлежности – не состоявшие в ВКП (б), как имевшие семьи, так и не состоявшие в

---

¹⁰⁸ Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. 1922. № 20-21. Ст. 230.

браке, некоторые из проходивших по делу ранее привлекались по советскому законодательству к уголовной ответственности.

В соответствии с выпиской из протокола № 54 от 2 сентября 1924 г., вначале дело рассматривалось в составе распорядительного заседания уголовного отдела по судебному отделению Ленинградского губернского суда. Председателем выступал тов. Озолин, членами суда – т.т. Яковченко и Березовский, при прокуроре т. Новикове, при секретаре т. Грауфельд. Затем дело, которому был присвоен № 3964, рассматривалось судебной коллегией уголовного отдела в порядке ст. 381 УПК РСФСР. Обвинения в порядке ст.ст. 80, 105, 106, 116, 193, 138, 114, 108 ч. 1 и 107 ч. 1 и др. УК РСФСР были предъявлены Либенсону Матвею, Конечкому Евгению, Базанову Ивану, Левитану Якову, Розену Герману, Левидову Льву, Смагину Анатолию, Пороховникову Владимиру, Ольшанскому Павлу, Либенсону Зосиме, Розену Александру и др. лицам. Ленинградский Губфинотдел стал гражданским истцом по данному делу.

В результате представшие перед судом были приговорены к значительным срокам тюремного заключения.

Сложившаяся следственная и судебная практика периода начала – середины 1920-х годов свидетельствовала о строгом и беспристрастном отношении правоохранительных органов¹⁰⁹ к коррупционерам, взяточникам, махинаторам, расхитителям социалистической собственности, ради корыстных интересов и личного обогащения за счет государственной казны преступившим советский закон.

§ 4. Цифровизация нотариата как следствие развития принципа самостоятельности и независимости судебной власти в России

Часть 1 статьи 48 Конституции Российской Федерации закрепляет важнейшую норму о праве каждого на получение квалифицированной юридической помощи, которая может быть оказана не только адвокатами, юридическими фирмами, но и правоохранительными органами, нотариусами. Правоохранительная деятельность является одним из видов правоприменения как формы реализации права. В свою очередь, правосудие можно назвать разновидностью правоохранительной деятельности, поскольку судебные органы, рассматривая конкретные юридические дела, тем самым создают условия для реализации субъективных прав и юридических обязанностей участников процесса.

---

¹⁰⁹ См. напр.: Министерство внутренних дел России: страницы истории (1802-2002 гг.) / Под ред. В.П. Сальникова. СПб. : Фонд «Университет», 2001. С. 196.

Несомненно, именно правосудие является наиболее действенным видом реализации правовых норм, поскольку суд обладает широкими возможностями применения и толкования права, а его решения выступают наиболее фундаментальной основой для возникновения, изменения или прекращения субъективных прав и обязанностей. В то же время, деятельность других правоприменительных органов может быть не менее эффективной. В этой связи, особого внимания заслуживает институт нотариата, поскольку, не относясь к правоохранительным органам, нотариусы не связаны строгими процессуальными нормами, готовы в большей степени учитывать позицию каждой из сторон, совершают нотариальные действия в гораздо более сжатые сроки, нежели занимает вынесение судебного решения, при этом юридическая сила ряда нотариальных документов приравнивается к судебным, что также выделяет нотариусов среди других правоприменителей. Нотариусы, также как и суды, действуют от имени Российской Федерации. Особенно востребован становится нотариат в эпоху развития информационных технологий, поскольку он является наиболее «технологичным» из всех правоприменительных органов. В нотариате наиболее развит электронный документооборот, дистанционное взаимодействие с гражданами, применение электронной подписи и т.п., активно развиваются такие действия как осмотр доказательств в сети Интернет, дистанционные сделки и многое другое. Зачастую, при возникновении необходимости в подобных процедурах, люди выбирают именно нотариуса в качестве специалиста, которому доверяют решение своего юридического вопроса.

Следующая особенность квалифицированной юридической помощи, оказываемой нотариусом, тесно связана с рассматриваемой особенностью – это бесспорный характер правоотношений, которые подпадают под "юрисдикцию" нотариуса. Кроме того, нотариусы не разрешают споры о материальном праве — это прерогатива судов.

Оказание квалифицированной юридической помощи нотариусом заключается в: предоставлении условий для возникновения, изменения или прекращения субъективных прав граждан и юридических лиц; содействии беспрепятственному и эффективному осуществлению субъектами правоотношений существующих прав и обязанностей.

Сегодня можно выделить два направления деятельности нотариальной конторы по предотвращению правовых конфликтов и оказанию помощи в их разрешении:

- 1) деятельность нотариата как института превентивного правосудия, т. е. непосредственно обеспечивающего защиту прав и свобод человека и гражданина, что позволяет избежать обращения в суд за защитой тех же прав;

2) деятельность по защите прав граждан и юридических лиц уже находится на стадии судебного рассмотрения и разрешения споров, когда обращения к правосудию избежать не удалось. В данном случае деятельность института нотариата направлена на содействие полному и всестороннему расследованию обстоятельств дела, оптимизацию процесса доказывания, облегчение и упрощение деятельности правосудия¹¹⁰.

В настоящее время все направления нотариальной практики все больше оказываются основаны на применении и использовании цифровых технологий. Так, с 11 января 2023 года вступают в силу важные изменения в нотариальном делопроизводстве. Новая редакция самих Правил и ряд приказов Министерства юстиции Российской Федерации, регулирующих работу нотариусов с документами и Единой информационной системой (ЕИС) нотариата опубликованы в официальных источниках.

Изменения во многом предопределены Федеральным законом от 14.07.2012 № 339-ФЗ, который ввел в законодательство понятие нотариального архива как структурного подразделения нотариальной палаты субъекта Российской Федерации. До этого момента документы, созданные нотариусом, могли храниться только у него лично, а в случае отставки нотариуса они могли быть переданы как часть архива на временное хранение другому нотариусу. Теперь документы нотариусов после 10 лет хранения будут переданы в нотариальный архив при нотариальной палате субъекта Российской Федерации. Централизация в выдаче нотариальных архивных документов обеспечит более надежные условия для их сохранения и создаст удобный механизм поиска и получения гражданами архивных копий.

Одной из важнейших тенденций в развитии института нотариата за последние годы стало включение электронной составляющей в процесс оказания нотариальных услуг. Таким образом, первым глобальным этапом цифровизации нотариата можно считать период с 2014 по 2020 год. Именно в 2014 году была создана Единая нотариальная информационная система (ЕИС нотариата), функционирование которой обеспечивает невозможность существования поддельных нотариальных действий: теперь все нотариальные действия и акты регистрируются в системе, поэтому подделки быстро выявляются путем проверки наличия конкретного акта в системе. пользовательский интерфейс нотариуса. Мы хотели бы сразу подчеркнуть, что любой человек теперь может самостоятельно проверить подлинность нотариального документа – с 29 декабря прошлого года по большинству нотариально заверенных бумажных документов: доверенностям, завещаниям, соглашениям о браке и наследовании, соглашениям об

---

¹¹⁰ Грудцына Л. Ю. Адвокатура, нотариат и другие институты гражданского общества в России. М.: Деловой двор, 2017. С. 74.

алиментах, аренде, залоге, договорам купли-продажи, соглашениям супругов на отчуждение имущество, требования о приобретении долей в уставном капитале, решения о выходе участника из ООО и т.д. – прикрепляется QR-код с информацией об основных реквизитах документа (п. 5.1, ст. 45.1 Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (далее – основы законодательства о нотариате), информация Федеральной нотариальной палаты от 28 декабря 2020 г. "QR-код на нотариальных документах: гарантия цифровой безопасности"). QR-код шифрует информацию о заявителе, типе нотариального действия, его регистрационном номере и дате совершения, о нотариусе, который его совершил, и нотариальном округе. Таким образом, проверка по QR-коду с уникальным идентификационным номером позволяет установить факт наличия или отсутствия документа с такими реквизитами в ЕИС нотариата: если акт зарегистрирован в системе, значит, он подлинный. В то же время следует иметь в виду, особенно при проверке свежих документов, что нотариальные действия вносятся в ЕИС нотариуса в течение суток, но иногда этот срок может незначительно увеличиться¹¹¹.

Развитие электронных сервисов и подключение нотариата к системе межведомственного электронного взаимодействия позволило нотариусам перейти по ряду направлений на предоставление услуг по принципу "единого окна", предполагающему самостоятельное получение необходимой информации из государственных реестров и направление заверенных документов на регистрацию. Например, в случае удостоверения сделок с недвижимостью: после удостоверения договора, на основании которого возникает право на недвижимое имущество, подлежащее государственной регистрации, нотариус направляет электронное заявление о регистрации права и прилагаемые к нему документы в Росреестр. Такой же порядок предусмотрен для выдачи нотариусом свидетельств о праве на наследство и о праве на долю в общем имуществе супругов, выдаваемом пережившему супругу: после выдачи свидетельства нотариус обязан немедленно направить заявление и документы, необходимые для регистрации права на долю в общем имуществе. Росреестр (ст. 73, ст. 75 Основ законодательства о нотариате). Данная процедура не только удобна для граждан, которые освобождены от необходимости обращаться в различные структуры, но и предполагает значительное ускорение регистрации права: в случае поступления в регистрирующий орган в электронном виде заявления о регистрации права на основании нотариально заверенной сделки, свидетельство о

---

¹¹¹ Шувалова М. Современный нотариат: Новый этап цифровизации нотариальной деятельности, 2021. URL: <https://iecp.ru/news/item/429774-Sovremennyj-notariat-Novyj-etap-cifrovizacii-notarialnoj-deyatelnosti> (Дата обращения: 30.04.2023 г.).

праве на наследство, свидетельство о праве на долю в общем имуществе супругов, выдаваемое пережившему супругу регистрация должна быть осуществлена в течение одного рабочего дня, следующего за днем получения документов (пункт 9 части 1, Статья 16 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ "О государственной регистрации недвижимого имущества"). В то же время в ближайшем будущем ожидается переход к регистрации прав фактически онлайн в определенных случаях. Поскольку нотариус действует от имени государства и проверяет их законность перед отправкой документов на регистрацию, в руководстве Росреестра была озвучена позиция, что «с такими документами, как свидетельства о праве на наследство, определенно можно приступить к регистрации документов Росреестром онлайн»¹¹².

Стоит отметить, что в рамках оказания услуг по принципу "одного окна" подается через нотариуса заявление о государственной регистрации юридического лица или физического лица в качестве индивидуального предпринимателя в Федеральную налоговую службу России. Так, нотариус, удостоверивший подлинность подписи на соответствующем заявлении, имеет право направить в налоговую службу заявление и другие документы, необходимые для внесения изменений в ЕГРЮЛ или ЕГРИП по просьбе заявителя, а при создании организации или индивидуального предпринимателя – обязан это сделать. Аналогичные заявления по просьбе заявителей нотариус вправе отправлять и в Росреестр, при внесении изменений и исправлении ошибок в ЕГРН, а также при регистрации прав и обременений на основании сделок, совершенных в простой письменной форме. При совершении нотариального акта или сделки – нотариус обязан направить соответствующие сведения на регистрацию в Росреестр, если стороны договора не возражают против этого.

Без личной явки к нотариусу можно удостоверить верность перевода, передать документы другому лицу, принять наличные деньги и ценные бумаги в качестве вклада, подать заявление о принятии на хранение безналичных денежных средств, сделать исполнительную надпись, сдать документы на хранение, предоставить доказательства в форме проверки информации в интернете, получения выписки из реестра уведомлений о залоге движимого имущества, для удостоверения эквивалентности электронного документа, изготовленного нотариусом.

Заявление о совершении нотариального действия, подписанное усиленной квалифицированной электронной подписью заявителя или его

---

¹¹² Шувалова М. Современный нотариат: Новый этап цифровизации нотариальной деятельности, 2021. URL: <https://iecp.ru/news/item/429774-Sovremennyj-notariat-Novyj-etap-cifrovizacii-notarialnoj-deyatelnosti> (Дата обращения: 30.04.2023 г.).

представителя, необходимо будет направить в Федеральную нотариальную палату (ФНП) через единую нотариальную информационную систему (далее – ЕИС) или единый портал государственных услуг. ФНП отправляет полученное заявление с приложениями нотариусу, который в автоматическом режиме заявил, что готов совершить соответствующее нотариальное действие удаленно. Нотариус получает информацию о заявителе самостоятельно, используя единую систему идентификации и единую биометрическую систему (далее – ЕБС).

Заявитель имеет право выбрать место совершения нотариального действия удаленно, указав нотариальный округ или субъект Российской Федерации, а в некоторых случаях обязан выбрать место совершения нотариального действия удаленно, указав нотариальный округ (например, прием денежных средств и ценных бумаг на депозит совершается нотариусом только по месту исполнения обязательства).

Дальнейшее взаимодействие происходит непосредственно между заявителем и исполнителем, включая оплату нотариального действия и получение в электронном виде готового нотариального документа или отказа от совершения нотариального действия.

Теперь одновременное совместное присутствие сторон сделки станет необязательным для удостоверения сделки: стороны сделки выбирают нотариусов по своему усмотрению и знакомят их с согласованными условиями сделки. Проект сделки, созданный нотариусами в электронном виде через ЕИС, подписывается участником сделки в присутствии "своего" нотариуса в двух экземплярах. Одна копия сделки остается в электронном виде и заверяется простой электронной подписью стороны, вторая копия – на бумажном носителе – остается в файлах нотариальной конторы. Электронный документ, содержащий текст сделки с удостоверяющей надписью и подписанный простой электронной подписью каждого участника сделки, подписывается усиленной квалифицированной электронной подписью каждого нотариуса, участвующего в удостоверении сделки.

Сделка, заверенная таким образом, регистрируется в ЕИС в реестре нотариальных действий, совершаемых дистанционно, и сделок, заверенных двумя или более нотариусами.

По смыслу гражданского законодательства договор, заверенный дистанционно двумя или более нотариусами, считается договором, заключенным в письменной форме путем составления единого документа, подписанного сторонами.

За ущерб, причиненный в результате признания совместно удостоверенной сделки недействительной, нотариусы, как правило, несут солидарную ответственность за дефекты самой сделки и индивидуальную ответ-

ственность за ошибки в идентификации стороны или ее полномочий на совершение сделки.

Наряду с очевидными преимуществами данной формы, следует отметить необходимость удвоения затрат на его совершение: нотариальный тариф будет взиматься всеми нотариусами, участвующими в удостоверении сделки.

Введенная Законом № 480-ФЗ часть 5 статьи 43 Основ законодательства о нотариате дает нотариусам право устанавливать личность заявителя при отсутствии документа, удостоверяющего личность, или при наличии сомнений в отношении гражданина, предъявившего такой документ, с помощью персональных данных, включая биометрические персональные данные гражданина. Эти положения закона были конкретизированы в приказе Министерства юстиции Российской Федерации № 228 от 30 сентября 2020 года. В частности, для установления личности гражданина нотариус получает от гражданина, личность которого устанавливается, информацию о его абонентском номере мобильного радиотелефонного устройства (мобильного телефона, смартфона или планшетного компьютера), содержащегося в единой биометрической системе. Если информация о предоставленном номере не содержится в ЕБС, идентификация таким способом также невозможна.

Если информация об абонентском номере мобильного радиотелефонного устройства, предоставленного гражданином, содержится в ЕИС, нотариус, используя средства биометрической идентификации, обрабатывающие изображение лица и голосовые данные, собирает биометрические персональные данные гражданина, соответствующие типам указанных данных, содержащихся в единой биометрической системе. Нотариус отправляет полученную информацию в ЕИС.

Новая часть 3 статьи 94 Основ законодательства о нотариате позволяет по заявлению истца передавать электронный документ, на котором сделана исполнительная надпись в электронном виде, в ФССП непосредственно нотариусом.

Глава XVIII Основ законодательства о нотариате дополнена процедурой нотариального хранения нового объекта, представляющего собой электронный документ. Заявитель может отправить документ в виде файла в ФНП через ЕИС. В этом случае нотариус не будет иметь доступа к содержанию сданного на хранение документа.

Заявление о принятии электронных документов на хранение и сами переданные электронные документы должны быть подписаны усиленной квалифицированной электронной подписью заявителя. Заявителю выдается свидетельство о принятии на хранение электронного документа в

электронном виде, подписанное квалифицированной электронной подписью нотариуса и содержащее идентификатор хранилища электронного документа.

Получить электронный документ, сданный на хранение любому нотариусу в России, возможно при условии, что заявление о доступе подписано усиленной квалифицированной электронной подписью и содержит информацию об идентификаторе хранилища электронных документов.

Конфиденциальность документа сохраняется даже по истечении срока хранения: через шесть месяцев после истечения срока, после двукратного автоматического уведомления заявителя, он уничтожается.

Глава XX.2 "Основы законодательства о нотариате" дополнена нормой о подтверждении эквивалентности электронного документа, составленного нотариусом в формате, отличном от электронного документа, представленного нотариусу.

Новый вид нотариальных действий совершается только в удаленном формате. Нотариус изменяет формат (конвертирует) электронного документа, предоставленного заявителем, с проставлением квалифицированной электронной подписи нотариуса на подготовленном документе с помощью ЕИС. В результате преобразования нотариусом электронный документ признается идентичным по содержанию и имеющим ту же юридическую силу, что и оригинал документа, представленный заявителем.

Необходимость в таком нотариальном действии может возникнуть, например, для предоставления в государственные органы электронного документа, который по своему формату не соответствует требованиям этого органа, а подтверждение нотариусом подлинности документа устранил возможные сомнения в его подлинности.

Как показывает статистика, опубликованная ФНП, нотариальные действия с цифровой составляющей, такие как перевод бумажных документов в электронные документы с сохранением их юридической силы, становятся из года в год все более популярными, в дополнение к указанному, таким как перевод бумажных документов в электронные документы с сохранением их юридической силы¹¹³.

Такое расширение возможностей в сфере работы с электронными документами является одним из направлений нового этапа цифровой трансформации нотариата, который начался в конце прошлого года. Кроме того, наиболее важной его частью является наделение нотариусов правом совершать нотариальные действия удаленно (ст. 44.3 Основ законодатель-

---

¹¹³ Шувалова М. Современный нотариат: Новый этап цифровизации нотариальной деятельности, 2021. URL: <https://iecp.ru/news/item/429774-Sovremennyj-notariat-Novyj-etap-cifrovizacii-notarialnoj-deyatelnosti> (Дата обращения: 30.04.2023 г.).

ства о нотариате) – важно помнить, что для подачи заявления о совершении нотариального действия в удаленном формате оно отправляется через личный кабинет на сайте ФНП (lk.notariat.ru) – требуется усиленная квалифицированная электронная подпись, а законодательное закрепление возможности удостоверения сделок двумя или более нотариусами (статья 53.1 Основ законодательства о нотариате).

В то же время ФНП все еще ждет принятия определенных законодательных изменений, причем уже в рамках текущей сессии Государственной Думы. К числу таких важных проектов для дальнейшего развития нотариата относятся:

законопроект № 967075-7, предусматривающий оплату нотариальных действий в соответствии с единым нотариальным тарифом, включающим в себя федеральную и региональную составляющие, – региональный тариф, по сути, заменит то, что в настоящее время является платой за оказание услуг правового и технического характера, оказание которых, согласно проекту, становится обязанностью нотариусов (в первом чтении законопроект принят 16 декабря 2020 года).

В заключение стоит отметить, что многолетняя дискуссия по поводу расширения полномочий нотариусов в части удостоверения сделок с недвижимостью пока не прекращается: представители ФНП не отказываются от своего мнения о том, что как минимум сделки с жилыми помещениями должны подлежать обязательному нотариальному удостоверению, и надеются, что рано или поздно соответствующие изменения в законодательство о государственной регистрации недвижимости все же будут внесены. Кроме того, представители ФНП считают необходимым расширение обязательного участия нотариуса и в оформлении корпоративных отношений, в частности – при смене единоличного исполнительного органа ООО.

ГЛАВА II

РОЛЬ ПРИНЦИПОВ ПРАВОСУДИЯ В ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ СУДОПРОИЗВОДСТВА

§ 1. Система принципов правосудия как конституционная основа судебной власти

Как известно, принципы правосудия – это основополагающие и руководящие правовые положения, которые в своей совокупности, объективно определяют наиболее общую характеристику правосудия в государстве в данный исторический период, раскрывают социальное назначение правосудия и показывают уровень его демократичности.

Принципы правосудия исторически изменчивы и имеют тесную связь с национальными и социокультурными особенностями государства. Только во второй половине XX века появились некоторые нормы, выработанные международным правом и ставшие универсальными для всех государств, ратифицировавших соответствующие международные правовые акты. Содержание отдельных принципов и их система в целом сначала осознаются как теоретические положения и определенные нравственные ценности и высказываются как идеи, пожелания к характеристике организации и осуществления правосудия¹¹⁴.

Постепенно они получают нормативное оформление и закрепляются в статуте или судебном прецеденте как обязательное правило. Именно с этого момента юридического оформления теоретические идеи становятся принципом правосудия. Принципы правосудия следует отличать от иных правовых норм, имеющих более конкретный, частный характер. Поэтому понятие принципов правосудия раскрывается через ряд признаков, присущих этим нормам.

Объективность принципов правосудия определяется еще и уровнем экономического развития государства, его организационными, финансовыми, человеческими ресурсами. Именно в силу объективного характера принципы правосудия являются стабильными положениями, обеспечивающими неизменность основ правового регулирования и практики осуществления судебной власти. Но, с другой стороны, именно этим обусловлена их историческая изменчивость: как только меняются объективные условия существования данного государства, возникает необходимость в пересмотре принципов правосудия.

---

¹¹⁴ Жуйков В.М. Судебная реформа: проблемы доступа к правосудию. М.: Статут, 2006.

Например, политические изменения конца XX века в России привели к существенному пересмотру принципов правосудия. Впервые в число принципов были включены такие положения, как признание и гарантированность прав и свобод человека и гражданина, право на жизнь, охрана государством достоинства личности и запрет пыток, насилия, другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения или наказания, равноправие сторон и состязательность судебного разбирательства и ряд других¹¹⁵.

Принципы правосудия определяют основы любой из форм судопроизводства, поэтому в процессуальном законодательстве эти принципы, как правило, также находят свое закрепление, конкретизацию и развитие. Не исключено, что тот или иной из конституционных принципов не находит текстуального повторения в процессуальном законодательстве, но в этом случае он действует как конституционная норма прямого действия и сохраняет свое нормативное и регулирующее значение.

Процессуальное законодательство различается ввиду существенного различия характера рассматриваемых дел, поэтому содержание отдельных принципов правосудия в той или иной форме судопроизводства может приобретать свою специфику. Например, принцип гласности судебного разбирательства и возможность ограничения гласности по-разному регулируются уголовно-процессуальным, гражданско-процессуальным, арбитражно-процессуальным законодательством. Принцип презумпции невиновности актуален только для уголовного судопроизводства, поэтому и свою конкретизацию он получает только в УПК РФ. И все же, несмотря на различия в деталях своего закрепления в специальном законодательстве, конституционные принципы правосудия составляют основу и являются определяющими положениями для характеристики правосудия в современной России в целом. Системный характер принципов правосудия позволяет сгруппировать их по определенным основаниям. Такими основаниями могут служить: а) источник закрепления того или иного принципа и б) содержание принципа.

По источнику закрепления можно выделить три группы принципов¹¹⁶:

- а) закрепленные в актах международного права и являющиеся общепризнанными принципами и нормами;
- б) закрепленные в Конституции РФ;
- в) закрепленные в специальных законодательных актах о судопроизводстве или судопроизводстве.

---

¹¹⁵ Кашепов В.П. О теории судебной власти, судебных реформах и проблемах развития судебной системы. М.: Юриспруденция, 2010.

¹¹⁶ Жуйков В.М. Судебная реформа: проблемы доступа к правосудию. М.: Статут, 2006.

В зависимости от содержания принципа все их также можно разделить на две основные группы:

- а) характеризующие судебную власть и осуществление правосудия;
- б) характеризующие положение личности в государстве при осуществлении правосудия.

В международном праве существует множество актов различного уровня, в которых определяются принципы и стандарты правосудия в демократическом государстве. Применительно к вопросу о принципах правосудия наиболее значимыми являются такие международные акты, как Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года, Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 года. Кроме того, с мая 1998 года для России принципиальное значение приобрел и локальный акт, действующий только в отношении европейских государств – Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года. Положения этого акта обеспечиваются специальным механизмом – Европейским Судом по правам человека. В случае нарушения положений этой Конвенции любой человек может обратиться в Европейский Суд с жалобой против государства, ратифицировавшего Конвенцию, но нарушающего ее положения¹¹⁷.

Одним из наиболее важных и принципиальных положений международного права, характеризующих судебную власть и судебное разбирательство, является право человека на справедливое судебное разбирательство. Российское законодательство не знает такого термина, и среди принципов правосудия он текстуально не закреплен, хотя регулируется ряд положений, составляющих отдельные аспекты данного принципа. В международно-правовых актах это понятие также раскрывается через ряд требований, предъявляемых к организации суда и судебного процесса.

Акты международного права оказали существенное влияние на формирование системы принципов правосудия в Конституции РФ 1993 года, среди которых также необходимо выделить положения, характеризующие судебную власть и осуществление правосудия. В этой группе принципов можно выделить две самостоятельные подгруппы.

Это положения, которые характеризуют организацию и осуществление судебной власти и положения, характеризующие статус судей. Рассмотрим более подробно эти две группы.

Принцип законности вытекает из содержания ст. 15 Конституции РФ. Он является общеправовым принципом и означает, что государство,

---

¹¹⁷ Лебедев В.М., Хабриева Т.Я. Правосудие в современном мире. М., 2013.

все его органы и должностные лица, органы местного самоуправления, общественные организации, а также граждане, юридические лица, т.е. все субъекты общественных отношений должны соблюдать и не нарушать законодательство, действующее в государстве в данный момент.

Принцип законности правосудия имеет сложное содержание:

во-первых, он означает, что правосудие вправе осуществлять только суд, созданный на основании закона. Без соблюдения этого требования судебное разбирательство признается несправедливым (ч. 1 ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод). Следовательно, должны быть соблюдены соответствующие нормы Конституции, законов «О судебной системе РФ», «О статусе судей», «О судах общей юрисдикции», «Об арбитражных судах» и многих других судоустройственных и процессуальных законов;

во-вторых, судопроизводство должно осуществляться в точном соответствии с предписаниями соответствующего процессуального закона. Суд обязан сам соблюдать все процессуальные нормы, а также обеспечивать участникам процесса возможность реализовать свои процессуальные права и требовать от них выполнения их процессуальных обязанностей. За нарушение процессуальных предписаний суд вправе применять к нарушителю меры процессуального принуждения, например удалять из зала судебного заседания, налагать штрафы и т. п. Нарушение судом процессуальных предписаний может привести к обжалованию решения суда, его отмене или изменению. Вышестоящий суд может вынести частное определение в адрес судьи по поводу допущенных нарушений процессуального закона;

в-третьих, разрешая любое дело или правовой вопрос, отнесенный к его компетенции, суд обязан правильно применять нормы материального права. Неправильное применение материального права является основанием к отмене или изменению судебного решения вышестоящей судебной инстанцией¹¹⁸.

Второй принцип, на котором мы остановимся, это – охрана прав и свобод человека при осуществлении правосудия. Своеобразие этого принципа состоит в том, что он вытекает из целого ряда конституционных положений. Так, ст. 2 Конституции провозглашает, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства». Из ст. 17 Конституции следует, что в России права и свободы человека признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией. В ст. 18 Конституции

---

¹¹⁸ Лебедев В.М., Хабриева Т.Я. Правосудие в современном мире. М., 2013.

подчеркивается, что права и свободы человека являются непосредственно действующими и именно они определяют смысл и содержание законов и их применения, смысл и содержание деятельности законодательной и исполнительной власти и обеспечиваются правосудием.

При осуществлении правосудия учитывается многозначность содержания данного принципа. Суть принципа охраны и защиты прав человека состоит в том, что государство, во-первых, признает права и свободы человека не как дарованные ему самим государством, а как данные ему от природы, неотчуждаемые и непосредственно действующие.

Следующий принцип, о котором мы поговорим, это принцип – осуществление правосудия только судом. Появление этого принципа связано с распространением в 20-х и 40-х, а также в 50-х годах XX века в России практики применения особыми, специально создаваемыми органами уголовного наказания к ни в чем не повинным гражданам.

Данный принцип закреплен в ч. 1 ст. 118 Конституции Российской Федерации и конкретизирован в ст. 4 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации». Указанные нормы предусматривают положение, в соответствии с которым правосудие в Российской Федерации осуществляется только судами, учрежденными в соответствии с Конституцией РФ и Федеральным конституционным законом «О судебной системе Российской Федерации». Эти суды осуществляют судебную власть посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Создание чрезвычайных судов и судов, не предусмотренных указанным федеральным конституционным законом, не допускается¹¹⁹.

Следует отметить, что этот принцип обычно рассматривают с разных аспектов.

– во-первых, особую деятельность, именуемую «правосудием», может осуществлять только суд. Это означает, что на какой-либо другой государственный орган не может быть возложена обязанность по осуществлению правосудия;

– во-вторых, судом, имеющим полномочия по осуществлению правосудия, может быть признан только тот орган, который создан исключительно на основании Конституции РФ и ФКЗ «О судебной системе РФ». В связи с этим судебная система России определена исчерпывающим перечнем судов.

Еще один принцип — это принцип независимости судей – важная гарантия самостоятельности судебной власти, действующей независимо от

---

¹¹⁹ Кашепов В.П. О теории судебной власти, судебных реформах и проблемах развития судебной системы. М.: Юриспруденция, 2010.

законодательной и исполнительной властей. В Российской Федерации не могут издаваться законы и иные нормативные акты, отменяющие или умаляющие самостоятельность судов, независимость судей.

Согласно ст. 120 Конституции РФ судьи независимы и подчиняются только Конституции РФ и федеральному закону. Установив при рассмотрении дела несоответствие акта государственного органа закону, суд принимает решение согласно закону. Независимость судей, признанных носителями судебной власти, является гарантией самостоятельности самой судебной власти.

Следующим пунктом будет закрепленный в Конституции РФ принцип – право граждан участвовать в отправлении правосудия (ч. 5 ст. 32). Это право является реализацией положения о непосредственном осуществлении народом своей власти (ч. 2 ст. 3 Конституции РФ) и проявлением более общего права граждан Российской Федерации участвовать в управлении делами государства (ч. 1 ст. 32 Конституции РФ).

Конституция РФ, гарантируя гражданам Российской Федерации право участвовать в отправлении правосудия (ч. 5 ст. 32), непосредственно не устанавливает какой-либо определенный порядок такого участия.

Конкретные формы участия граждан в отправлении правосудия, требования, которым эти граждане должны соответствовать, и их особый правовой статус в период исполнения обязанностей заседателей устанавливаются федеральным законодательством на основании принципов, закрепленных в ст. 32 Конституции РФ и ст. 8 закона «О судебной системе Российской Федерации».

Институт арбитражных заседателей в нашей стране возник сравнительно недавно. Впервые заседатели начали принимать участие в рассмотрении дел арбитражными судами в 1995 г.

В настоящее время статус арбитражных заседателей, порядок их отбора и участия в рассмотрении дел судами регулируются помимо Конституции РФ законом «О судебной системе Российской Федерации» (ч. 1 ст. 1, ч. 2 и 5 ст. 5, ст. 8), законом «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации», АПК РФ (ст. 17, 19) и другими нормативными правовыми актами.

Арбитражные заседатели привлекаются к осуществлению правосудия в арбитражных судах субъектов Российской Федерации в первой инстанции. С их участием подлежат рассмотрению экономические споры и иные дела, возникающие из гражданских и иных правоотношений.

Согласно следующему принципу, ст. 19 Конституции РФ говорит, что все равны перед законом и судом. Содержание принципа проявляется в том, что государство гарантирует равенство прав и свобод человека и

гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности. Мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации.

Данный принцип тесным образом связан с такими принципами правосудия, как осуществление правосудия только судом и обеспечение каждому права на судебную защиту.

Конституция Российской Федерации закрепляет право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45). Одним из таких способов является судебная защита, которая согласно ч. 1 ст. 46 Конституции РФ гарантируется каждому.

Право на судебную защиту относится к основным неотчуждаемым правам и свободам человека и гражданина. Равным образом оно распространяется и на организации как объединения граждан.

Право на судебную защиту включает три обязательных элемента¹²⁰:

- 1) возможность для каждого, чьи права, свободы или законные интересы нарушены либо оспорены, обратиться в суд;
- 2) справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона, и постановление законного и обоснованного решения;
- 3) исполнение судебного решения.

Лишь соблюдение всех трех элементов позволяет в полной мере реализовать право каждого на судебную защиту.

Статья 52 Конституции РФ установила: «Права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба». Это положение впервые вывело упоминание о доступе к правосудию на уровень конституционного регулирования и впервые обозначило конституционную обязанность государства обеспечить доступ к правосудию, а также компенсацию ущерба, причиненного преступлением или злоупотреблением властью. Из этого следует, что ст. 52 Конституции РФ закрепляет положение, имеющее непосредственное отношение к системе принципов правосудия.

Принцип обеспечения доступа к правосудию актуализирует иную, публично-правовую сторону правового регулирования. Этот принцип за-

---

¹²⁰ Лебедев В.М., Хабриева Т.Я. Правосудие в современном мире. М., 2013.

крепляет не столько право человека на обращение в суд, сколько обязанность государства юридически и фактически обеспечить возможность использования права на судебную защиту в реальном процессе.

Действующая в России презумпция знания закона исходит из того, что граждане знают содержание законов и поступают в соответствии с ними. На этой презумпции основано требование ч. 2 ст. 15 Конституции РФ, в силу которой органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы.

Презумпция невиновности, этот принцип закреплен в ст. 49 Конституции РФ, ч. 1 которой гласит: «Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда».

Этот принцип – один из основополагающих, своего рода критерий правового государства. Он закреплен в ряде международных правовых актов. Так, согласно ч. 2 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах: «Каждый обвиняемый в уголовном преступлении имеет право считаться невиновным, пока его виновность не будет доказана согласно закону».

Реализация многих принципов правосудия была бы затруднительной, если режим, в котором осуществляется судопроизводство, имел тайный закрытый негласный характер. В связи с этим в ранг принципов правосудия возведен принцип открытого разбирательства дел во всех судах (гласность в деятельности судов).

Указанный принцип нашел законодательное закрепление в Конституции РФ и многих международно-правовых актах, а также в судопроцессуальных и процессуальных законах РФ.

Россия – многонациональное государство и для нее принцип национального языка судопроизводства имеет особое значение. Этот принцип прямо вытекает из ст. 68 Конституции. На всей территории России государственным языком признается русский язык. Наряду с ним республики вправе устанавливать свои национальные языки, которые могут употребляться в органах государственной власти, местного самоуправления, государственных учреждениях на территории республики наряду с государственным языком.

Проблемы, которые касаются принципа доступности правосудия, составляли и сейчас составляют одну из важнейших тем для многочисленных исследований, посвященных различным вопросам правосудия.

Нужно отметить, что в разные периоды времени ставились различные акценты в исследовании тех или иных вопросов науки гражданского

процессуального права. Так, например, это могло происходить в связи со сменой модели судопроизводства.

Однако, если обратиться к различным источникам, то мы увидим, что проблемы доступности правосудия всегда оставались в числе самых приоритетных проблем правосудия, которые требуют пристального внимания ученых.

Внимание к проблемам судебной защиты прав человека в современном мире сейчас особенно пристальное. Возможность беспрепятственно обращаться в суд за защитой от любых незаконных посягательств на права и свободы граждан, включая неправомерные решения, действия или бездействия государственных или муниципальных органов и должностных лиц – важнейшее условие всякой свободы. Уровень защищенности личности со стороны судебной власти определяет степень гуманности, терпимости и самосознания общества¹²¹.

Таким образом, можно отметить, что возможность обратиться к суду за защитой своих прав и интересов имеет особое значение для граждан, так как является гарантией соблюдения прав и свобод государством.

Что касается России, то среди множества проблем, связанных с организацией и функционированием судебной системы, на первом месте стоит такая проблема, как доступ к правосудию, и эта проблема многогранна.

В связи с этим происходит постоянный поиск эффективной модели правосудия и совершенствование вопросов, связанных с доступом к правосудию.

Как известно, становление гражданского общества невозможно без эффективного и справедливого правосудия, которое не может считаться таковым, если является недоступным для общества.

В связи с этим можно выделить ряд факторов, влияющих на эту проблему:

- с одной стороны, это ухудшение экономических и социальных условий жизни граждан;
- с другой стороны, роль правосудия в современных условиях значительно возросла как в качественном, так и в количественном плане.

Немаловажным является и тот факт, что граждане очень часто пытаются избежать каких-либо длительных и обременительных судебных процедур в связи с возникающими у них конфликтами и спорами.

Последнее время появился ряд факторов, положительно влияющих на доступ к правосудию, такие как: компетенция судебной власти постоянно расширяется; правосудие становится последним прибежищем для тех, кто отчаялся в поисках справедливого разрешения спора или конфликта.

---

¹²¹ Сидоренко В.М. Принцип доступности правосудия и проблемы его реализации в гражданском и арбитражном процессе. Дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002.

Но, несмотря на это, расширение судебной подведомственности стало одной из причин, которые привели к такой проблеме, как перегрузка судебной системы, что отрицательно повлияло на доступ к правосудию.

В настоящее время тема доступности правосудия является одной из самых обсуждаемых в юридической литературе. Достаточно часто об этих проблемах стали высказываться представители судебной системы, но, в основном, в связи с проблемами судебной власти в целом.

Особое внимание к этой теме появилось в последние годы, и многие ученые связывают это со снижением финансирования судебной системы. А как известно, доступность правосудия, напрямую зависит от нормального финансирования судебных органов и их деятельности. Но, к сожалению, это не единственная проблема, связанная с доступом к судебной защите, есть еще ряд организационных проблем.

Так, например, во многих экономически благополучных странах мира, где практически нет проблем материально-технического обеспечения судов, количества судей, заработной платы и социальных гарантий судей и работников суда, проблемы доступа к правосудию все равно существуют¹²².

Изучив этот вопрос и юридическую литературу последних лет, можно сделать вывод, что доступность правосудия понимается многими учеными и практиками по-разному, часто это зависит от места, которое занимают авторы в социальной иерархии общества или в силу разного понимания роли судебной системы в обществе.

Большинство авторов затрагивает отдельные аспекты доступа к правосудию, часто лишь в общих чертах указывая на проблемы доступности правосудия¹²³.

Наверное, одной из главных проблем в этом вопросе, является то, что доступность правосудия часто не включена в систему принципов гражданско- процессуального права в большинстве учебников по гражданскому процессу.

Как известно, право на доступ к правосудию и справедливому разбирательству в разумный срок является одним из основных признаков любого демократического общества.

Конечно, при любой реформе, нужно обращать внимание на промежуточные итоги, выделяя причины, по которым изменения положительно или отрицательно сказались на данную сферу реформирования. В судеб-

---

¹²² Борисова В.Ф. Судебностроительные гарантии доступности правосудия при обращении в суд общей юрисдикции // Право. Законодательство. Личность. 2013. № 1. С. 13.

¹²³ Варламова В.Л. Проблема доступности правосудия как исключительной компетенции судебной власти применительно к российской судебной правовой системе // Мировой судья. 2010. № 4. С. 11.

ной реформе такими отрицательными моментами были: во-первых, это политическая обстановка в данный период времени; во-вторых, реакция самой судебной системы на предстоящие изменения; в-третьих, это возможное влияние международного сообщества.

Более того, важным моментом остается и то, что именно происходит с изменениями и какую пользу они приносят, иначе это можно воспринять не как реформу, а как деформацию уже налаженного процесса. В этом случае, такие изменения не смогут помочь в решении назревших проблем, а наоборот, только ухудшать ситуацию.

Помимо реформирования самой системы, важным остается и тот факт, что необходимо как-то осуществлять и контроль за деятельностью этой системы. В результате чего, необходимо обратить внимание на создание каких-то контрольных органов и наделить их полномочиями по контролю за деятельностью судов и судей, в частности. Это поможет навести порядок и улучшить отношение и доверие граждан к судебной системе.

Еще одним не маловажным моментом, является и то, что система достаточно закрыта, что не позволяет осуществлять контроль изнутри. А новые органы контроля, имели бы возможность требовать отчеты о деятельности судей. Такие изменения были бы удачными в случае поддержки со стороны как общества, так и законодателей, ну и несомненно органами власти.

Делая вывод, можно отметить, что судебная система в России очень разветвленная, что безусловно выгодно для руководства страны. Но в реальности она не способна внушать полного доверия гражданам.

В связи с этим, только радикальное реформирование судебной системы и продолжение судебной реформы, основные принципы которой не реализованы с момента принятия Концепции судебной реформы, может изменить положение судебной власти в стране, сделать ее действительно независимой от исполнительной власти, а правосудие свободным от политики и влияния экономических факторов и тем самым вернуть доверие граждан.

Таким образом, можно отметить, что возможность обратиться к суду за защитой своих прав и интересов имеет особое значение для граждан, так как является гарантией соблюдения прав и свобод государством.

Что касается России, то среди множества проблем, связанных с организацией и функционированием судебной системы, на первом месте стоит такая проблема, как доступ к правосудию и эта проблема многогранна.

В связи с этим происходит постоянный поиск эффективной модели правосудия и совершенствование вопросов, связанных с доступом к правосудию.

Как известно, становление гражданского общества невозможно без эффективного и справедливого правосудия, которое не может считаться таковым, если является недоступным для общества.

В связи с этим можно выделить ряд факторов, влияющих на эту проблему:

- с одной стороны, это ухудшение экономических и социальных условий жизни граждан;

- с другой стороны, роль правосудия в современных условиях значительно возросла как в качественном, так и в количественном плане.

Немаловажным является и тот факт, что граждане очень часто пытаются избежать каких-либо длительных и обременительных судебных процедур в связи с возникающими у них конфликтами и спорами.

Последнее время появились ряд факторов, положительно влияющих на доступ к правосудию, такие как: компетенция судебной власти постоянно расширяется; правосудие становится последним прибежищем для тех, кто отчаялся в поисках справедливого разрешения спора или конфликта.

§ 2. Презумпция невиновности как основополагающий принцип уголовного правосудия: опыт российского и эстонского законодательства

Презумпция – универсальное теоретическое понятие, которое получило достаточно широкое распространение в правотворческой и правоприменительной практике. Толковый словарь С.И. Ожегова определяет ее как «предположение, признаваемое истинным, пока не доказано обратное».

Презумпция являлась и является очень ценным правовым инструментом для защиты прав человека. Иначе говоря, в ее отсутствие оказался бы невозможным механизм защиты прав человека, не говоря уже о том, что возможность применения любых правовых норм связано именно с этим принципом (например, презумпция знания закона).

Вместе с тем, целью данной тематики является рассмотрение презумпции невиновности как основополагающего принципа уголовного судопроизводства, подразумевающего «отсутствие вины у обвиняемого до момента вступления в законную силу соответствующего решения суда» – именно так понимается смысл в большинстве государственно-правовых систем. Всякая презумпция – это предположение, условно юридически принимаемое за истинное суждение. Согласно презумпции невиновности лицо, обвиняемое в совершении преступления, условно предполагается невиновным, пока окончательно не доказано обратное. То есть презумпция невиновности не равнозначна утверждению, что обвиняемый действитель-

но невиновен, – она лишь требует считать его невиновным до тех пор, пока обвинительным приговором суда, вступившим в законную силу, он не будет признан виновным. Окончание действия презумпции невиновности закон, как правило, связывает лишь с вступлением в законную силу приговора суда в отношении конкретного подсудимого¹²⁴. Конечно, говорить о том, что данная презумпция применяется только в контексте уголовного судопроизводства, крайне неверно. На наш взгляд, данный принцип носит междисциплинарный характер и может применяться в различных отраслевых и межотраслевых отношениях.

Говоря о появлении презумпции невиновности в праве, стоит отметить, что точный момент зарождения данного принципа является спорным. «Считается, что формула «презумпция невиновности» возникла во Франции и была закреплена в Декларации прав человека и гражданина 1789 г. Единодушие ученых в этом вопросе породило сомнение, разрешение которого привело к выводам: эта формула использовалась в законодательстве и судопроизводстве древних Афин; вновь она возникла во времена инквизиции в противовес уверенности инквизиторов в виновности преследуемых ими еретиков; буржуазные революции в Англии и ее колониях, происшедшие задолго до аналогичной революции во Франции, не смогли обойтись без нее в силу идентичности предпосылок появления в этих странах буржуазии и целей, которые она преследовала. Не соответствует действительности и утверждение о том, что в законодательных актах «первенцев» буржуазных революций не было упоминаний о презумпции невиновности. В проанализированных положениях нет этого словосочетания, но их содержание соответствует тексту ст. 9 Декларации прав человека и гражданина»¹²⁵.

Тем не менее в правовом материале XX века мы встречаем упоминание о презумпции невиновности в ч. 1 ст. 11 Всеобщей декларации прав человека: «Каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты»¹²⁶; похожие положения можно найти в Конвенции о защите прав и свобод человека и гражданина 1950 г.: «Каждый обвиняемый в соверше-

---

¹²⁴ Малахова Л.И. О сущности принципа презумпции невиновности. Судебная власть и уголовный процесс. 2020. № 4. С. 17-18.

¹²⁵ Барабаш А.С. Возникновение формулы «презумпция невиновности»: разоблачение некоторых мифов. Российский юридический журнал. № 5. 2019. С. 29.

¹²⁶ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948). Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/. (Дата обращения: 14.05.2023).

нии уголовного преступления считается невиновным, до тех пор пока его виновность не будет установлена законным порядком»¹²⁷; также в ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.: «Каждый обвиняемый в уголовном преступлении имеет право считаться невиновным, пока виновность его не будет доказана согласно закону»¹²⁸. Отметим, что формулировки презумпции невиновности различны, данный принцип в разных документах обретает разные очертания, в связи с чем процедура ее опровержения также имеет отличительные черты в указанных ранее документах¹²⁹. В соответствии с положениями Декларации опровержение презумпции невиновности может иметь место только в процессе осуществления судебного разбирательства. Если же рассматривать те определения, которые содержатся в Пакте и Конвенции, то необходимо сказать о том, что опровержение презумпции невиновности может быть осуществлено также и иными правовыми средствами, которые получили свое закрепление в законодательстве.

Международно-правовое признание принципа презумпции невиновности в уголовном процессе реализуется посредством его закрепления в ведущих источниках международного права, а затем и в законодательствах государств. Но, безусловно, в данном случае нельзя говорить о 100-процентном применении указанного принципа на уровне национального уголовного закона и судопроизводства. Тем самым, в ряде случаев и в ряде правовых порядков применяется именно презумпция виновности, когда виновному в совершении преступления или проступка необходимо доказать свою невиновность.

В различных государствах принцип презумпции невиновности трактуется по-разному, но в целом содержательно не отличается: УПК Болгарии излагает презумпцию невиновности как: «Обвиняемый не считается виновным до окончания уголовного производства и введения в силу приговора, в котором устанавливается обратное». В УПК Чехии презумпция невиновности указывается как: «До тех пор, пока вступившим в законную

---

¹²⁷ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) (вместе с "Протоколом [N 1]" (Подписан в г. Париже 20.03.1952), "Протоколом N 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней" (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), "Протоколом N 7" (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)). Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/. (Дата обращения: 14.05.2023).

¹²⁸ Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/. (Дата обращения: 14.05.2023).

¹²⁹ Кэмпбэл П. Презумпции и справедливость. Нью-Йорк, 1993. С. 194

силу приговором не установлена вина, лицо, против которого ведется уголовное производство, нельзя рассматривать как виновное». В УПК Польской Республики говорится, что: «Обвиняемый не считается виновным, пока его вина не будет доказана в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом»¹³⁰.

Говоря о российском уголовном процессуальном праве, то о презумпции невиновности нам говорит ст. 49 Конституции Российской Федерации: «Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его невиновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда»¹³¹. Конституционное положение было продублировано также в ст. 14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹³² и ч. 2 ст. 1.5 Кодекса об административных правонарушениях¹³³. Следует отметить, что ст. 14 УПК РФ не дублирует ст. 49 Конституции РФ, а в определенной степени раскрывает и конкретизирует ее содержание. В частности, указывается, что не только обвиняемый, но и подозреваемый не обязаны доказывать свою невиновность, а бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, которые были приведены в их защиту, возлагается на сторону обвинения. Также конституционные положения принципа презумпции невиновности дополняются нормой о том, что обвинительный приговор не может быть основан на предположениях¹³⁴.

Содержание принципа презумпции невиновности в настоящее время определяется рядом императивных требований закона:

1) подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность (ч. 2 ст. 14 УПК РФ);

---

¹³⁰ См.: Исаев И. Д. Соотношение презумпции невиновности, изложенной в международных нормативно-правовых актах, с презумпцией невиновности, закрепленной в законодательствах РФ и других стран / И. Д. Исаев. // Молодой ученый. 2018. № 17 (203). С. 236-239. URL: <https://moluch.ru/archive/203/48893/> (Дата обращения: 15.05.2023).

¹³¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/. (Дата обращения: 14.05.2023).

¹³² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 28.04.2023). Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/. (Дата обращения: 14.05.2023).

¹³³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 28.04.2023). Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/. (Дата обращения: 14.05.2023).

¹³⁴ Демичев А.А. Презумпция невиновности как принцип российского уголовного судопроизводства. Уголовное судопроизводство. 2020. № 1. Режим доступа: URL: <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=129603&dst=0#LJntGeTQ2ozXzAKw>. (Дата обращения: 15.05.2023).

2) виновность обвиняемого должна быть доказана теми, кто официально выдвинул обвинение (подозрение), при условии опровержения доводов, приводимых в его защиту (ч. 2 ст. 14 УПК РФ);

3) отказ обвиняемого от дачи показаний не является подтверждением доказанности его вины в совершении преступления и не может рассматриваться в качестве обстоятельства, отрицательно характеризующего личность подсудимого при разрешении вопроса о его наказании (ч. 2 ст. 14 УПК РФ);

4) признание обвиняемым своей вины в совершении инкриминируемого ему деяния не может служить единственным или решающим основанием для его обвинения и должно учитываться лишь в той мере, в какой находит подтверждение в совокупности всех имеющихся по уголовному делу доказательств (ч. 2 ст. 14 УПК РФ);

5) недоказанная виновность равнозначна доказанной невинности (полностью либо частично в зависимости от объема фактических обстоятельств, сомнения в существовании которых не устранены) (ч. 3 ст. 14 УПК РФ);

б) установленная вступившим в законную силу обвинительным приговором суда виновность обвиняемого не может быть основана на предположениях (ч. 4 ст. 14 УПК РФ).

Таким образом, основой для признания подозреваемого/обвиняемого является лишь наличие вступившего в законную силу решения суда. В данном случае сложно не согласиться с мнением профессора Барабаша А.С.: «Не подлежит сомнению, что обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и должно быть получено знание о событии прошлого. Но является ли это знание только результатом реализации принципа презумпции невинности, которому в этом случае уже нет места, как и любому другому принципу, так как деятельность по доказыванию закончена и получен познавательный результат? Если другие принципы задают рамки этой деятельности, то презумпция невинности обвиняемого находится за ее пределами. Если же в качестве целей деятельности по доказыванию рассматривать опровержение или подтверждение предположений о невинности или виновности, все становится на свои места. Их существование вытекает из ст. 73 и 74 УПК, их достижение возможно при реализации метода объективности исследования. Эти предположения (или, говоря современным языком, версии) обязательны для субъекта доказывания при расследовании и рассмотрении материалов уголовного дела. Именно они расцениваются как основные и подлежат доказыванию»¹³⁵.

---

¹³⁵ Барабаш А.С. Очерк развития презумпции невинности в России. Часть 3. Презумпция невинности в наше время. Российский юридический журнал. 2020. № 4. С. 40-41.

Реализацией принципа презумпции невиновности в российском уголовно-процессуальном законодательстве послужило и Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 55 от 29 ноября 2016 г. «О судебном приговоре», в котором ч. 19 гласит, что «выводы относительно квалификации преступления по той или иной статье уголовного закона, ее части либо пункту должны быть мотивированы судом. Признавая подсудимого виновным в совершении преступления по признакам, относящимся к оценочным категориям (например, тяжкие последствия, существенный вред, наличие корыстной или иной личной заинтересованности), суд не должен ограничиваться ссылкой на соответствующий признак, а обязан привести в описательно-мотивировочной части приговора обстоятельства, послужившие основанием для вывода о наличии в содеянном указанного признака»¹³⁶.

Более того, принцип презумпции невиновности действует и в отношении оценки представленных доказательств. Так, например, в практике Верховного Суда РФ, постоянно подчеркивающего необходимость судами применения принципа презумпции невиновности в порядке ст. 14 УПК РФ, рассматривалось дело об умышленном убийстве, в котором очень важное значение имела оценка и целесообразность необходимой обороны¹³⁷. «При проверке доводов о необходимой обороне, суд обязан исходить из принципа презумпции невиновности и учитывать, что фигурант не обязан доказывать свою невиновность или наличие в его действиях признаков менее тяжкого преступления. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых обвиняемым в свою защиту, лежит на стороне обвинения, а все сомнения в наличии состояния необходимой обороны толкуются в пользу подсудимого, подчеркивает ВС» – говорится в обзоре. В результате Судебная коллегия принимает решение об отмене апелляционного приговора, поскольку судом были допущены существенные нарушения уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела. Дело направлено на новое рассмотрение, а фигурант освобождён из мест лишения свободы без избрания меры пресечения¹³⁸.

Таким образом, фактически суд не только сам безапелляционно демонстрирует неукоснительное применение принципа презумпции неви-

---

¹³⁶ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 55 от 29.11.2016 г. «О судебном приговоре». Режим доступа: URL: <https://www.vsrif.ru/documents/own/8528/>. (Дата обращения: 15.05.2023).

¹³⁷ Сайт Верховного Суда Российской Федерации. ВС объяснил, какой принцип оценки доказательств недопустим https://supcourt.ru/press_center/mass_media/31235/. (Дата обращения: 15.05.2023).

¹³⁸ Определение суда кассационной инстанции Верховного Суда Российской Федерации от 02.06.2022 г. (Дело № 67-УД22-6-К8). Режим доступа: URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2125786. (Дата обращения: 15.05.2023).

новности, но и указывает в своих решениях и обзорах судебной практики на необходимость сбора с учетом требований уголовно-процессуального закона необходимых доказательств иными правоохранительными органами, задействованными в следственных процедурах. Безусловно, следственные органы проводят значительную подготовительную работу, направленную на сбор качественных доказательств, но именно суд впоследствии несет ответственность за рассмотрение конкретного уголовного дела, принимая его в производство соответствующим определением. В целом, конечно, сбор и оценка доказательств, их грамотное толкование является основанием для правильного и своевременного разрешения дела. По нашему мнению, принцип презумпции невиновности играет значительную роль в осуществлении справедливого как досудебного, так и судебного разбирательства в силу того, что бремя доказывания лежит на стороне государственного обвинения. Реализации данного принципа помогает, в том числе, и статья 51 Конституции Российской Федерации, согласно которой «никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом»¹³⁹.

Велико влияние презумпции невиновности и в процессе доказывания. Наибольший интерес вызывает соотношение презумпции невиновности и принципа объективной истины, каждый из которых оказывает влияние как на процесс доказывания в судебном процессе, так и на его результат¹⁴⁰. Л.Д. Кокорев приводит мнение Я.О. Мотовилова по данному вопросу: «Целевое назначение принципа презумпции невиновности не в том, что он усиливает действие принципа объективной истины, а в том, что он дает ответ на вопрос, каким должен быть юридический результат в той части, в какой не удалось достигнуть познавательного результата, а, следовательно, в ситуации, в какой принцип объективной истины ответа не дает и дать не может. Если бы законодатель не исходил из того, что по отдельным делам истина может быть и не установлена, то... не было бы места для таких проблем, как презумпция невиновности»¹⁴¹.

Представляется справедливым ответное мнение Л.Д. Кокорева о том, что презумпция невиновности определяет не только результат, но и содержание процессуальной деятельности. Значение данной презумпции для

---

¹³⁹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/. (Дата обращения: 14.05.2023).

¹⁴⁰ Омариева А.Н. Презумпция невиновности и ее значение в отправлении правосудия. Вестник Поволжского института управления. 2019. Том № 19. № 2. С. 75.

¹⁴¹ Кокорев Л.Д. Подсудимый в советском уголовном процессе. Воронеж, 1973. С. 35.

решения вопроса о признании человека виновным несомненно и сохранится даже в том случае, если будут исключены судебные ошибки. Пока не проведено расследование преступления и судебное разбирательство, пока приговор суда, постановленный с соблюдением всех процессуальных гарантий прав личности, не вступил в законную силу, человек считается невиновным. В этом и заключается общеобязательное значение презумпции невиновности¹⁴². Однако так ли однозначно определение основной цели доказывания как установление истины?

Доказывание, согласно ст. 85 УПК РФ, состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 данного Кодекса: события, виновности лица в совершении преступления, формы его вины и мотивов, обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого, характера и размера вреда, причиненного преступлением, обстоятельств, исключающих преступность и наказуемость деяния, а также смягчающих и отягчающих наказание и т.д. Таким образом, уголовно-процессуальная деятельность носит познавательный характер и направлена на выявление обстоятельств совершенного преступления¹⁴³.

Конечно, несмотря на правовое закрепление принципа презумпции невиновности в российском законодательстве, в правоприменительной практике возникает ряд проблем, с которыми сталкиваются стороны уголовно-процессуальных отношений: 1) сложность получения тех или иных доказательств в рамках уголовного дела, что, несомненно, вызывает трудности у стороны защиты, тем самым, осложняется реализация принципа презумпции невиновности для подзащитного 2) наличие субъективных факторов, связанных с личностями стороны обвинения, которые могут использовать ограниченный или некачественный объем доказательств для скорейшего раскрытия уголовного преступления, в данном случае остается попытка исправить процессуальные ошибки в апелляционных и кассационных судебных инстанциях. По нашему мнению, в данном случае мы можем говорить об исключительной функции правосудия – проверки юридических фактов, а также правильности применения той или иной правовой нормы в порядке надзора, тем самым сохраняя возможность эффективной реализации принципа презумпции невиновности.

Для сравнительной работы была выбрана Эстонская Республика – государство со схожим правовым устройством и системой источников права. Тем не менее, ввиду членства Эстонии в Европейском Союзе, в ко-

---

¹⁴² Кокорев Л.Д. Подсудимый в советском уголовном процессе. Воронеж, 1973. С. 36.

¹⁴³ Омаријева А.Н. Презумпция невиновности и ее значение в отправлении правосудия. Вестник Поволжского института управления. 2019. Том № 19. № 2. С. 73.

личество правовых источников, действующих и имплементированных актов включается и право Европейского Союза, которое носит наднациональный характер и напрямую воспринимается эстонским законодателем как обязательное и подлежащее применению.

Итак, фундаментальный принцип правового государства – презумпция невиновности, закреплен в Директиве Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2016/343/ЕС в статье 3: «Государства-члены ЕС должны гарантировать, что подозреваемые и обвиняемые считаются невиновными, пока их виновность не будет доказана в соответствии с законодательством»¹⁴⁴; Конституции (Основном Законе) Эстонской Республики в статье 22: «Никто не может рассматриваться в качестве виновного в совершении преступления до вступления в отношении него в силу обвинительного приговора суда. Никто не обязан доказывать в ходе производства по уголовному делу свою невиновность»¹⁴⁵; Уголовно-процессуальном кодексе Эстонской Республики в статье 7: «Никто не может рассматриваться в качестве виновного в совершении преступления до вступления в отношении него в законную силу обвинительного приговора суда. В уголовном процессе никто не обязан доказывать свою невиновность. Не устраненное в уголовном процессе сомнение в виновности подозреваемого или обвиняемого толкуется в его пользу»¹⁴⁶. Более того, директива ЕС конкретизирует данный принцип в следующем: «Государства-члены ЕС должны принимать необходимые меры для того, чтобы гарантировать, что до тех пор, пока виновность подозреваемого или обвиняемого не будет доказана в соответствии с законодательством, публичные заявления органов власти, судебные решения, за исключением вынесенных по вопросу виновности, не будут содержать указания на данное лицо как на виновное. Указанное положение должно действовать без ущерба для обвинительных актов, имеющих целью доказать виновность подозреваемого или обвиняемого, а также для предварительных процессуальных решений, принимаемых судебными или другими компетентными органами власти и основанных на подозрении или доказательстве вины»¹⁴⁷ (ч. 1 ст. 4 Директивы).

---

¹⁴⁴ Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2016/343/ЕС от 9 марта 2016 г. об укреплении некоторых аспектов презумпции невиновности и права присутствовать на судебном процессе в уголовном производстве. Режим доступа: URL: <https://base.garant.ru/71527176/>. (Дата обращения: 18.05.2023).

¹⁴⁵ Конституция (Основной закон) Эстонской Республики (принята на референдуме 28.06.1992 г., ред. от 13.08.2015 г.) // Riigi Teataja. 1992, 26, 349.

¹⁴⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Эстонской Республики от 12.02.2003 г. (Eesti Vabariigi Kriminaalmenetluse seadustik) (ред. от 01.05.2023 г.). Riigi Teataja. Режим доступа: URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/KrMS>. (Дата обращения: 18.05.2023).

¹⁴⁷ Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2016/343/ЕС от 9 марта 2016 г. об укреплении некоторых аспектов презумпции невиновности и права

Проанализировав формулировки норм, иллюстрирующих презумпцию невиновности, мы приходим к выводу, что содержательного отличия между ними нет, как и с формулировками соответствующих правовых норм Российской Федерации.

Презумпция невиновности является одним из фундаментальных принципов эстонского уголовного правосудия. Она играет важную роль в обеспечении справедливости, защите прав обвиняемых и укреплении демократических ценностей. Однако, существуют вызовы и проблемы, связанные с применением презумпции невиновности, которые требуют дальнейшего исследования и доработки.

Презумпция невиновности играет ключевую роль в эстонском правосудии. Она служит гарантом справедливого процесса и защиты прав обвиняемых. Принцип презумпции невиновности помогает сбалансировать отношения между государством и обвиняемым, обеспечивая равноправие и независимость судебного процесса.

Однако, по мнению Европейской комиссии, в Эстонии можно говорить о проблемах с регулированием принципа презумпции невиновности. Речь идет об упомянутой выше Директиве Европейского Парламента от 2016 г. В пресс-релизе отмечается, что «Еврокомиссия считает, что Эстония, Польша и Финляндия лишь частично включили директиву в свое законодательство, при этом некоторые ее положения вообще не отражены в национальном законодательстве. Еврокомиссия привела в пример ситуацию, когда учреждения публичного сектора в публичном заявлении преждевременно или неправильно называет лицо виновным и указала на недостатки, связанные с доступностью надлежащих мер в случае такого заявления»¹⁴⁸.

Тем не менее хотелось бы рассмотреть еще одну правовую проблему, которая на сегодняшний день существует как в Российской Федерации, так и в Эстонской Республике. Для этого обратимся к статистике вынесения оправдательных приговоров в данных государствах. Число оправдательных приговоров в России за 2022 год продолжает снижаться: было осуждено 614726 человек, из них оправдано – 2062 человека (0,33 % от количества осужденных), для сравнения в 2021 г. было осуждено 601148 человек, оправдано – 2190 (0,36 % от количества осужденных)¹⁴⁹.

присутствовать на судебном процессе в уголовном производстве. Режим доступа: URL: <https://base.garant.ru/71527176/>. (Дата обращения: 18.05.2023).

¹⁴⁸ Европейская Комиссия: у Эстонии есть проблема с презумпцией невиновности. Режим доступа: URL: <https://rus.delfi.ee/statja/120075268/evropeyskaya-komissiya-u-estonii-est-problema-s-prezumpciey-nevinovnosti>. (Дата обращения: 18.05.2023).

¹⁴⁹ Из каждых 300 приговоров в России в 2022 году лишь один был оправдательным. (на основании статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Режим

В Эстонской Республике, согласно статистике, приведенной советником по связям с общественностью тюремной службы Министерства юстиции Лийса Лумисте, по вступившим в силу в 2022 году приговорам подсудимого полностью оправдали в 1,1 % случаев. Однако, если рассматривать только общее производство, то в прошлом году 6 % были оправданы. Годом ранее (2021 г.) этот показатель составлял 7 %¹⁵⁰.

Таким образом, количество оправдательных приговоров, вынесенных судами в Эстонии и России, имеет тенденцию снижаться. Указывают ли данные цифры на объективную картину преступления и вины подсудимого? Или это неэффективная работа правоохранительных органов? Или, наоборот, именно низкое число оправдательных приговоров демонстрирует эффективность органов следствия и суда? Считаем, что данная проблема или процессуальный вопрос не имеют правильной объективной оценки.

По мнению профессора И.Л. Петрухина, причинами малого количества вынесенных оправдательных приговоров выступают: 1. снижение стандартов доказывания; 2. понижение качества следствия; 3. профессиональная солидарность судей, органов следствия и дознания. 4. давление на суд обвинительных органов¹⁵¹.

Сложно не согласиться с Н.О. Хакимовой, которая считает, что «Вынесение оправдательного приговора является прямым свидетельством ненадлежащего исполнения своих должностных обязанностей следователями и прокурором. Судья принимает решение по закону и внутреннему убеждению. В данном случае оправдательный приговор говорит о том, что доказательства, предоставленные стороной обвинения, были недостаточны для подтверждения вины человека¹⁵²». Конечно, в данном случае речь идет о некачественной подготовительной работе органов следствия, в противном случае конкретное уголовное дело с конкретным обвинительным заключением на конкретного гражданина не должно было передаваться в суд и рассматриваться в дальнейшем ввиду некачественно полученных доказательств, их недостаточности или субъективных представлений конкретных должностных лиц. Можно ли в данном контексте говорить о не-

---

доступа: URL: <https://ria.ru/20230420/prigovor-1866558681.html>. (Дата обращения: 18.05.2023).

¹⁵⁰ Направленные в суд прокуратурой дела очень редко заканчиваются оправдательным приговором. Режим доступа: URL: <https://rus.err.ee/1608899912/napravlennye-v-sud-prokuratoroj-dela-ochen-redko-zakanchivajutsja-opravdatelnym-prigovorom>. (Дата обращения: 18.05.2023).

¹⁵¹ См. Петрухин И.Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию / И.Л. Петрухин. — Проспект, 2009. — 45 с.

¹⁵² Хакимова Н.О. Причины ничтожно малого числа оправдательных приговоров в России. Уголовный процесс и криминалистика. Новый юридический вестник. 2022. Изд-во «Молодой ученый». С. 43-45.

соблюдении принципа презумпции невиновности? По нашему убеждению, можно, ведь именно задачей государства и правоохранительных органов является его реализация. Именно судья, следователь, прокурор должны всесторонне изучить фабулу уголовного дела, оценить представленные доказательства и вынести взвешенное решение о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица, а впоследствии оценить возможность вынесения объективного приговора.

Конечно, есть и другая причина в снижении количества оправдательных приговоров. Объективное объяснение приводит официальный сайт Верховного Суда РФ: «Дело в том, что при анализе статистики подавляющее большинство людей не учитывает такой основополагающий момент, как применение особого порядка судопроизводства. Это когда обвиняемый заявляет ходатайство, полностью признавая себя виновным. После того, как суд удостоверится, что такое решение принято добровольно и после консультации с защитником, доказательства не исследуются. В этом случае, законодатель гарантирует обвиняемому, что наказание будет назначено не более двух третей от максимальной санкции срока. Соответственно, особый порядок судопроизводства попросту не предусматривает возможности оправдательного вердикта – даже при всем желании судья лишен такого права законом»¹⁵³.

Таким образом, по нашему мнению, для дальнейшего совершенствования презумпции невиновности как России, так и Эстонии следует принимать ряд мер и рекомендаций. Во-первых, необходимо усилить общественное просвещение и осведомленность о презумпции невиновности, чтобы бороться с предрассудками и ошибочными представлениями о судебных процессах. Во-вторых, важно продолжать улучшать процедуры судебного процесса, в том числе правовое регулирование деятельности судей, органов следствия, чтобы обеспечить быструю и эффективную юридическую помощь для обвиняемых и справедливое рассмотрение их дел. В-третьих, законодателям и правоприменительным органам следует разработать и реализовать меры по защите прав обвиняемых в условиях повышенных угроз национальной безопасности, с учетом международных стандартов и передовой практики других стран. И, наконец, сократить возможность конфликта интересов органов следствия, прокуратуры и суда для более эффективного рассмотрения материалов дела и вынесения справедливого решения. Именно этот фактор значительно влияет на эффективность работы всей правоохранительной системы в целом.

---

¹⁵³ Скрытая правда об "оправдательном уклоне" правосудия. Официальный сайт Верховного Суда РФ. Режим доступа: URL: https://www.vsrp.ru/press_center/mass_media/26710/. (Дата обращения: 18.05.2023).

§ 3. Цифровизация процессуальной формы как гарантия реализации принципа доступности российского правосудия

Продолжающаяся в России судебная реформа направлена на совершенствование системы судоустройства и судопроизводства, позволяющей обеспечить надежную защиту прав и свобод российских граждан. Цели и задачи судебной реформы во многом предопределены незыблемыми фундаментальными принципами российского правосудия, среди которых особое значение имеет принцип доступности судебной защиты, предполагающий законодательно обеспеченную возможность беспрепятственного обращения в судебные органы за защитой нарушенных прав и свобод и получения такой защиты.

Право на свободный доступ к правосудию в соответствии с действующим российским законодательством следует из конституционно закрепленной гарантии права каждого на судебную защиту, нашедшей свое отражение в ч. 1 ст. 46 Основного закона Российской Федерации.

Суть принципа доступности правосудия заключается в том, что любой заинтересованный субъект (физическое или юридическое лицо), в случае нарушения его законных интересов, прав и свобод, вправе обратиться за судебной защитой и использовать все предоставленные для этого законом средства, чтобы добиться осуществления такой защиты. Данному субъективному праву корреспондирует соответствующая юридическая обязанность государства – гарантировать реализацию права на судебную защиту, обеспечив для этого необходимые правовые, организационные, информационные и прочие условия.

Вышесказанное приводит к выводу о том, что принцип доступности правосудия порождает субъективное право на доступ к правосудию. С другой стороны, формализация данного права в законодательных нормах является способом воплощения в практику соответствующего правового принципа.

Обеспечение доступности правосудия выступает одной из краеугольных основ правовой системы демократического правового государства. Помимо прочего, эффективное воплощение в жизнь данного принципа содействует реализации иных классических принципов правосудия (демократизма, гласности, законности и др.), выступает важнейшим условием их практической реализации. В этой связи вполне закономерным представляется тот факт, что в качестве основных направлений дальнейшего развития судебной системы России в Федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013-2024 годы», утвержденной Постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406,

названы: «обеспечение доступа граждан к правосудию и обеспечение его максимальной открытости и прозрачности, а также реализация принципа независимости и объективности при вынесении судебных решений»¹⁵⁴.

Помимо непосредственно признания и обеспечения субъективного права на судебную защиту принцип доступности правосудия предполагает отсутствие препятствий (правовых, финансовых, организационных и др.) для обращения в суд за защитой нарушенного права, рассмотрения и разрешения соответствующего дела в судебном порядке. В соответствии с ч. 3 ст. 55 и ч. 3 ст. 56 Конституции РФ, право на доступ к правосудию не может быть ограничено даже в условиях чрезвычайного положения.

Вместе с тем, при реализации данного права по ряду объективных и субъективных причин в социальной жизни и юридической практике могут возникать разного рода препятствия, в значительной степени снижающие уровень доступности правосудия. В качестве таких препятствий могут выступать: физическая удаленность судебных инстанций, высокие судебные пошлины и непосильные судебные расходы (на квалифицированную юридическую помощь, оплату экспертиз и др.), языковые трудности, отсутствие достаточного уровня информированности, низкий уровень доверия к судебной системе и иные. Преодолению подобных препятствий во многом могут способствовать меры государственной судебной политики, формирующие необходимые гарантии для реализации принципа доступности правосудия.

Развитие процессов цифровизации, инкорпорирование информационных технологий в систему государственного управления, в том числе и в процессы судопроизводства в значительной степени качественно изменили ситуацию с доступностью правосудия. За весьма короткий период времени практически все формы реализации правосудия претерпели существенные трансформации в связи с процессами информатизации социальных отношений.¹⁵⁵

В действующем российском законодательстве отсутствует легальное определение понятия «цифровизация». Поэтому в настоящей работе мы отталкиваемся от распространенной в доктринальных источниках «инструментальной» трактовки данного термина, согласно которой, цифровизация правосудия – это «средство обеспечения перехода к системе электронной подачи обращений в суд и автоматизированного распределения дел между судьями; внедрения средств информатизации судебного разбирательства (от использования видеоконференцсвязи и электронных доказательств до применения искусственного интеллекта в оценке дока-

---

¹⁵⁴ URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10 апреля 2023 г.)

¹⁵⁵ См.: Шипилов А.Н. Цифровизация правосудия // Судья. 2019. № 3 (99). С. 21-22.

зательств и вынесения решений); а также онлайн-взаимодействия и электронного оборота между всеми участниками судебного судопроизводства на базе личных кабинетов (судьи, стороны и иные участники судебного процесса)»¹⁵⁶.

По сути, речь идет о цифровизации процессуальной формы, позволяющей посредством информационных технологий дополнить традиционные алгоритмы судопроизводства дополнительными, такими как: подача процессуальных документов и доказательств в суд в электронном виде, электронное извещение, дистанционное участие в судебных заседаниях и др. В этой связи представляется убедительным мнение ряда специалистов о том, что набор подобных приемов наиболее корректно характеризовать терминами «электронное обеспечение правосудия» или «информатизация деятельности суда». Такой подход позволяет отграничить перечисленные средства от цифровизации деятельности по отправлению правосудия с держательской точки зрения, с применением технологий «искусственного интеллекта» (в том числе посредством изменения субъектов оценки доказательств и принятия решений по делу). Данный сегмент цифровизации судопроизводства вполне корректно характеризовать как «электронное правосудие»¹⁵⁷.

Необходимость более широкого внедрения цифровых технологий в работу судебных органов отмечается в положениях Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013-2024 годы. В данном документе в частности говорится, что «реализация мероприятий федеральной целевой программы ... по созданию мобильного правосудия, электронного правосудия, внедрению программных средств аналитического обеспечения деятельности и осуществлению сканирования всех поступающих в суды документов, а также формирование электронных дел и формирование электронного архива судебных дел позволят обеспечить доступ граждан к правосудию, качественную и эффективную работу судов. В целях технического обеспечения прав граждан на участие в судебных заседаниях и повышения уровня доступности правосудия предлагается предусмотреть мероприятия по развитию использования в судах системы видео-конференц-связи»¹⁵⁸.

---

¹⁵⁶ Карасев А.Т., Савоськин А.В., Мещерягина В.А. Цифровизация правосудия в Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 2. С. 73.

¹⁵⁷ См.: Решетняк В.И., Смагина Е.С. Информационные технологии в гражданском судопроизводстве (российский и зарубежный опыт). М., 2017. С. 16-19; Степанов О.А., Печегин Д.А., Дьяконова М.О. К вопросу о цифровизации судебной деятельности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021 № 5. С. 7.

¹⁵⁸ URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10 апреля 2023 г.)

Среди прочих мероприятий в упомянутой Федеральной целевой программе предусматривается необходимость обеспечить «предоставление возможности гражданам использовать информационные технологии как при получении информации о деятельности судов Российской Федерации, так и на каждом этапе судебного процесса, начиная со дня обращения в суд до окончания судебного процесса»¹⁵⁹.

В частности, в целях развития информационно-коммуникационных технологий в Верховном Суде Российской Федерации и судах общей юрисдикции в рамках Программы предполагается осуществление следующих мероприятий:

– «создание современной информационной и телекоммуникационной инфраструктуры единого информационного пространства Верховного Суда Российской Федерации и федеральных судов общей юрисдикции, мировых судей, органов судейского сообщества, системы Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, а также обеспечение высокого уровня ее доступности, эффективности взаимодействия с гражданами и организациями за счет развития и внедрения программно-технических решений государственной автоматизированной системы "Правосудие" в судах общей юрисдикции и системе Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации;

– создание комплекса сканирования и хранения электронных образов судебных документов, а также проведение работ по переводу судебных архивов в электронный вид;

– создание условий для электронного судопроизводства, предусматривающего упрощение процедур подачи в суд исковых заявлений, жалоб в электронном виде, получения копий документов и ознакомления с материалами дела;

– создание технических условий для обеспечения взаимодействия судов общей юрисдикции с информационными системами Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службы судебных приставов, Федеральной службы исполнения наказаний и других ведомств в электронном виде;

– оснащение судов и системы Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации программным обеспечением и ключевыми носителями для ведения электронного документооборота с применением электронной подписи;

– оснащение федеральных судов общей юрисдикции комплектами оборудования для допроса потерпевших и свидетелей без возможности их визуального наблюдения;

---

¹⁵⁹ Там же.

повышение качества работы судов (быстрое и качественное разрешение судебных дел), повышение открытости, доступности и прозрачности деятельности судов, судебных органов и органов судейского сообщества на основе информационно-коммуникационных технологий за счет применения систем видео- и аудиопотоколирования хода судебных заседаний, программно-технических средств оцифровки документов и оборудования видео-конференц-связи¹⁶⁰.

Использование цифровых технологий в деятельности судебной системы, безусловно, имеет множество разнообразных форм и направлений. В рамках настоящей работы нами будут рассмотрены три формы цифровизации правосудия, которые имеют непосредственное отношение к реализации принципа его доступности: электронное информирование о деятельности судов; возможность электронного обращения в суд; применение видеоконференц-связи в судебном процессе.

Электронное информирование о деятельности судов

К настоящему времени в Российском государстве в целом сформировалась электронно-информационная среда, обеспечивающая дистанционный доступ к правосудию и получение необходимой информации о деятельности судебных инстанций различного уровня. Цифровые технологии доказали свою социальную востребованность и продемонстрировали довольно высокий уровень эффективности функционирования.

Среди множества электронных ресурсов, обеспечивающих возможность дистанционно-электронного обращения в судебные органы, наиболее популярным и эффективно действующим является Государственная автоматизированная система «Правосудие» (ГАС «Правосудие»). Данная платформа имеет своей целью поддержание единого информационного пространства в рамках системы судов общей юрисдикции.

ГАС «Правосудие» представляет собой веб-сайт, на главной странице которого представлены функции, доступные пользователю. Информационный ресурс находится в открытом доступе, для его использования не требуется предварительная регистрация. Заполнение специальной формы предусмотрено лишь в случае, когда гражданин желает отправить в судебный орган то или иное обращение.

Автоматизированная система предоставляет пользователям широкий спектр информации о деятельности судебных органов. С данного информационного ресурса пользователь может перейти на электронный сайт интересующего его суда и ознакомиться с информацией о режиме работы канцелярии, порядке обращения в суд, графике рассмотрения дел, отсле-

---

¹⁶⁰ Там же.

дить данные по интересующему его делу (даты назначения слушаний, заявленные по делу ходатайства, принятые промежуточные и итоговые решения и т.д.). При этом в случае возникновения каких-либо затруднений, он имеет возможность обратиться в службу технической поддержки сайта.

ГАС «Правосудие» – не единственная на сегодняшний день информационная система, обеспечивающая дистанционный электронный доступ к правосудию. Для арбитражных судов создана и успешно функционирует онлайн-система «Мой арбитр», обеспечивающая возможность ведения электронного документооборота с арбитражными судами. Через свой личный кабинет пользователь (судебный представитель, адвокат или сторона спора) может взаимодействовать с арбитражными судами в рамках рассматриваемого дела. В отличие от ГАС «Правосудие», данный ресурс предусматривает возможность непосредственного ознакомления с материалами дела. Для участников процесса, после прохождения регистрации в системе «электронный страж», становится доступной рассылка всех процессуальных документов по делу на указанный ими адрес электронной почты.

Для судов города Москвы существует собственная автоматизированная информационная система – Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы (mos-gorsud.ru). С информационной точки зрения она является более содержательной в части информационного контента о работе судебных органов города Москвы, размещенного на портале ГАС «Правосудие».

В рамках национальной программы "Цифровая экономика Российской Федерации" Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации совместно с органами судейского сообщества участвует в работах по созданию суперсервиса «Правосудие онлайн» на портале «Госуслуги», запуск которого планируется на 2024 год. Думается, что данный информационный ресурс существенно расширит возможности удаленного доступа к правосудию.

По словам председателя Верховного суда России Вячеслава Лебедева, запуск данного сервиса «позволит участникам судопроизводства реализовать в дистанционной форме весь объем процессуальных действий, включая подачу документов в суд, уплату государственной пошлины, ознакомление с материалами дела в электронном виде, участие в судебном заседании посредством веб-конференции и получение судебного акта»¹⁶¹.

Основными преимуществами данного сервиса станут следующие:

– все услуги, необходимые для обращения в суд и защиты своих интересов будут собраны в одном месте, т.е. гражданам не придется искать данную информацию на иных судебных сайтах;

---

¹⁶¹ URL: <https://www.vsrp.ru> (дата обращения: 20 апреля 2023 г.)

- система сама определит, в какой суд нужно подавать иск или другие документы, тогда как сейчас граждане должны делать это самостоятельно;
- ключевой особенностью "Правосудия онлайн" будет возможность участия в судебных заседаниях прямо из дома.

При этом предполагается, что новый сервис «Госуслуг» не будет распространяться на проведение уголовных дел. В них участники процесса смогут принимать участие лично, либо через своих представителей¹⁶².

В Постановлении X Всероссийского съезда судей от 1 декабря 2022 г. N 1 "О развитии судебной системы Российской Федерации" говорится: «С целью реализации суперсервиса "Правосудие онлайн" Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации осуществляются мероприятия по разработке сервиса направления юридически значимых судебных извещений; сервиса биометрической аутентификации участника судебного процесса в суде общей юрисдикции; системы веб-конференции через личный кабинет на Едином портале государственных услуг; сервиса взаимодействия суда общей юрисдикции с Единым порталом государственных услуг; сервиса определения территориальной подсудности»¹⁶³.

Возможность электронного обращения в суд

Дополнительной гарантией реализации принципа доступности правосудия стала возможность непосредственного дистанционного обращения в суд. На сегодняшний день для граждан доступна подача в электронной форме в судебные инстанции как процессуальных (исковые заявления и др.), так и внепроцессуальных обращений (жалобы, запросы, вопросы и т.п.) с подтверждением своей личности электронной цифровой подписью или учетной записью, созданной на портале «Госуслуги». Подобные сервисы имеются на сайте каждого суда.

К электронному обращению в суд законом предъявляется ряд дополнительных требований (по сравнению с обычным порядком обращения в суд), которые, по нашему мнению, нельзя рассматривать в качестве формы ограничения права граждан на доступ к правосудию и на судебную защиту, поскольку такие требования закономерно обусловлены спецификой электронной формы подачи документов, необходимостью идентификации личности обращающегося посредством электронной подписи.

В целом возможность «дистанционного доступа к правосудию» на наш взгляд повысила доступность последнего. Особую актуальность дан-

---

¹⁶² URL: <https://www.gogov.ru/articles/super-gosuslugi/sud-online> (дата обращения: 25 апреля 2023 г.)

¹⁶³ URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 10 апреля 2023 г.)

ная форма продемонстрировала в период пандемии новой коронавирусной инфекции, начавшейся в России в марте 2020 года. Этот процесс побудил многих граждан активно использовать возможность подачи документов в суд через портал «Госуслуги» (система скоординирована с ГАС «Правосудие»). Помимо очевидного удобства подобного механизма, для некоторых категорий граждан (например, с ограниченными возможностями передвижения, одиноких, престарелых, временно нетрудоспособных и др.) это фактически единственная возможность обратиться в суд.

Вместе с тем, в числе проблем, которые пока не удалось решить в полной мере, следует отметить недостаточно эффективные механизмы дистанционной обратной связи с участниками судебных процессов. В данном вопросе пока еще идет поиск оптимальных форм.

Так, в 2022 году в виде апробации на портале «Госуслуг» через личные кабинеты пользователей суды стали извещать граждан о дате назначенных судебных разбирательств. Наряду с этим сохраняется ранее применяемый порядок извещения участников процесса путем отправки уведомлений-повесток через «Почту России» либо смс-сообщений (с письменного согласия участников процесса) на номер телефона.

Среди нерешенных на должном уровне проблем можно выделить также отсутствие возможности для участников процесса подать заявку на ознакомление с материалами дела или получение копии судебного акта. Отдельным судам удалось успешно решить эту проблему. Так, на сайте Приморского суда города Санкт-Петербурга гражданин может оставить заявку на получение документов по делу (исполнительного листа, решения и др.), а также заявку на ознакомление с делом. Ответным письмом суд уведомляет гражданина о дате и времени ознакомления с делом, либо получения необходимого документа.

Подобный механизм значительно упрощает процесс взаимодействия гражданина с судебной системой и во многом позволяет разгрузить судебные инстанции от количества посетителей. Думается, что подобный позитивный опыт следует распространять более широко.

Применение технологии видеоконференц-связи в судебном процессе

Процессы цифровизации содействовали использованию в судопроизводстве технологий видеоконференц-связи (ВКС), обеспечивающей дистанционное присутствие участников процесса в судебном заседании посредством передачи аудио и видео данных.

Первоначально видеоконференц-связь наиболее активно использовалась с арбитражном судопроизводстве. Новый стимул к развитию данные

технологии получили в период 2020-2022 годов в условиях профилактики распространения новой коронавирусной инфекции.

8 апреля 2020 года Президиум Верховного Суда РФ и Президиум Совета судей РФ издали постановление № 821 «О приостановлении личного приема граждан в судах»¹⁶⁴, в котором судебным инстанциям при наличии технической возможности с учетом мнений участников судопроизводства было рекомендовано проводить судебные заседания по делам с использованием системы видеоконференц-связи и (или) системы веб-конференции.

Применение последней технологии в судебном процессе законодательно не предусмотрено и ее использование было связано с чрезвычайной ситуацией, сложившейся в период пандемии, когда доступ к правосудию для многих граждан оказался осложнен. Порядок проведения заседаний в режиме веб-конференции детально не был урегулирован вышеупомянутым Постановлением, поэтому на практике они проводились в порядке аналогичном процедуре проведения заседаний в режиме ВКС. При этом одним из главных затруднений стала идентификация личности участников судебного заседания, поскольку во время судебного слушания они не присутствовали непосредственно в какой-либо судебной инстанции.

Основания и порядок применения технологии видеоконференцсвязи в нормативно-правовом отношении регламентирован более обстоятельно. Согласно п. 1 ст. 155.1 ГПК РФ, при наличии в судах технической возможности осуществления видеоконференц-связи лица, участвующие в деле, их представители, а также свидетели, эксперты, специалисты, переводчики могут участвовать в судебном заседании путем использования систем видеоконференц-связи при условии заявления ими ходатайства об этом или по инициативе суда.

Порядок применения видеоконференц-связи регламентирован Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2015 N 401 (ред. от 30.12.2020) "Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний"¹⁶⁵. В пункте 16 Регламента указано, что судебные заседания в режиме видеоконференц-связи могут проводиться только при наличии в судах технической, организационной возможностей и только в залах судебных заседаний, оснащенных программно-техническим комплексом

---

¹⁶⁴ URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 13 апреля 2023 г.)

¹⁶⁵ Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи в федеральных судах общей юрисдикции [Электронный ресурс] : приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28 дек. 2015 г. № 401. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=655747#04671446951353835>. (дата обращения: 17 апреля 2023 г.)

ВКС ГАС «Правосудие», подключенным к ведомственной сети передачи данных ГАС «Правосудие».

На сегодняшний день ходатайство об использовании технологии ВКС во многих судах может быть подано дистанционным образом. Такая возможность имеется в частности при использовании автоматизированной системы «Мой арбитр».

По сравнению с гражданским и арбитражным судопроизводством, технологии ВКС в российском уголовном судебном процессе оказались менее востребованными. В связи со спецификой уголовного судопроизводства некоторые специалисты полагают затруднительной или вовсе невозможной, «какую-либо формализацию доказательств и применение при их собирании и исследовании тех же схем, что и по многим арбитражным и гражданским делам, передачу их в суд в электронном виде. Указанные обстоятельства и публичный характер уголовного процесса делают его более традиционным и консервативным».¹⁶⁶

Вместе с тем, первый опыт использования ВКС в рамках уголовного судопроизводства имел место еще в 1999 году в Челябинском областном суде при рассмотрении кассационной жалобы осужденного, находящегося в следственном изоляторе. В дальнейшем данный опыт расширялся на основании соответствующих изменений, вносимых в действующее уголовно-процессуальное законодательство. В настоящее время технологии ВКС весьма широко используются при рассмотрении апелляционных и кассационных жалоб в ситуациях, когда осужденный находится под стражей, либо отбывает наказание в виде лишения свободы.

Правовые механизмы, связанные с применением технологии ВКС в уголовном судопроизводстве продолжают совершенствоваться. Так, Федеральным законом от 29.12.2022 № 610-ФЗ УПК РФ дополнен новыми статьями, регламентирующими порядок участия в судебном заседании. В данном нормативном акте регламентированы основания и порядок участия в судебном процессе путем использования систем ВКС для всех участников судопроизводства, а также предусмотрена возможность подачи документом в судебную инстанцию посредством электронно-информационных систем, направления таким способом повесток и уведомлений участникам судебного процесса¹⁶⁷.

Ознакомление с вышеуказанными правовыми актами позволяет прийти к выводу о том, что нормативно-правовая регламентация использования технологии видеоконференц-связи является вполне достаточной.

---

¹⁶⁶ Шереметьев И.И. Использование цифровых технологий при рассмотрении уголовных дел в суде: реальность и перспективы // Lex Russica. 2019. № 5 (150). С. 119.

¹⁶⁷ URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 22 апреля 2023 г.)

Использование данной технологии, безусловно, имеет ряд преимуществ по сравнению с обычным порядком проведения судебных заседаний. В числе таких преимуществ следует выделить: экономию бюджетных средств, снижение уровня «загруженности» судов посетителями, сокращение финансовых издержек участников процесса, экономия времени, сокращение сроков судопроизводства.

Вместе с тем, как показывает практика, далеко не все российские суды активно применяют названные технологии. Особенно заметна данная проблема стала в период пандемии. Многие судебные инстанции оказались не готовы к использованию видеоконференц-связи из-за отсутствия технических возможностей (оборудование специальных залов, наличие необходимого программного обеспечения, подготовленных специалистов и т.д.). Вследствие этого участники судебных процессов в таких судах фактически оказались в неравном положении по сравнению с участниками процессов в судах, оснащенных технологиями видеоконференц-связи. Во многих судах довольно остро стоит проблема загруженности залов судебных заседаний, оборудованных технологиями видеоконференц-связи.

Нередко участники процесса жалуются на недостаточно высокое качество связи, в связи с чем возникают трудности в восприятии ими информации. Специалисты также отмечают, что использование видеоконференц-связи «не всегда позволяет лицам, участвующим в судебном процессе, оперативно излагать свою позицию, особенно в сложных делах с большим количеством доказательств или в делах, предполагающих активный допрос участников судебного заседания. Таким образом, видеоконференц-связь может исказить информационный обмен, какие-то фрагменты показаний свидетелей могут быть потеряны, искажены или неправильно интерпретированы».¹⁶⁸

К сожалению, технические препятствия – не единственная причина, сдерживающая распространение использования соответствующих информационных технологий. Специалисты отмечают среди таких причин факт некоторой «психологической неготовности» части судебной системы к их применению, имеющее место недоверие к новым технологиям и как следствие – сопротивление их применению.¹⁶⁹ Отказ от использования ВКС со ссылкой на технические проблемы нередко фактически маскирует простое нежелание ее использования.

---

¹⁶⁸ Данеев А.В., Данеев Р.А. Видео-конференц-связь в судебном производстве // Глаголь правосудия. 2019. № 2(20). С. 58.

¹⁶⁹ См.: Васильева А.А. Некоторые вопросы применения видеоконференц-связи и веб-конференции в гражданском процессе // Вопросы российской юстиции. 2020. Выпуск 8. С. 540.

Одним из факторов, препятствующих более широкому использованию технологий ВКС, является то, что это приводит к изменению графика рассмотрения дел, назначенных к слушанию в суде (в связи с большим количеством дел и ограниченным количеством залов ВКС). В результате увеличиваются интервалы рассмотрения дел, что фактически приводит к увеличению времени ожидания рассмотрения иных дел. На этом основании судьи также нередко отказывают от удовлетворения заявленных ходатайств об использовании ВКС, ссылаясь на отсутствие технической возможности.

В заключении считаем возможным высказать некоторые предложения, направленные на дальнейшую оптимизацию использования электронных технологий в судебном процессе и повышение уровня доступности правосудия.

1. Полагаем необходимым дальнейшее увеличение числа залов, оборудованных системой видеоконференц-связи. Оптимальным представляется оборудование подобной системы в зале каждого судьи, что позволило бы судье самостоятельно планировать график личный график рассмотрения дел независимо от общего графика назначения дел в судебной инстанции.

2. Необходимы законодательные изменения о возможности участия граждан в судебном процессе в режиме веб-конференции. При этом должна быть продумана отдельная и эффективно защищенная технически система проведения таких конференций. Это даст возможность существенно разгрузить судебные инстанции от наплыва посетителей и упростить взаимодействие судов с участниками судебных процессов.

3. Особенно актуальным при использовании электронных технологий в судопроизводстве представляется поиск эффективного технического решения проблемы систему идентификации личности. Возможным механизмом ее решения может стать более широкое применение технологии «электронной подписи». На сегодняшний день все юридические, взаимодействующие с судебными органами, имеют собственную электронную подпись. Граждане оформляют подобные подписи через коммерческие организации, либо через сервис Госуслуг с удостоверением через портал «Сбербанка», в котором имеются личные данные гражданина. Думается, что подобный правовой механизм в целом эффективен и нуждается в более широком практическом применении.

4. Актуальной задачей представляется повышение уровня финансирования и технического оснащения судов общей юрисдикции и мировых судов. В частности, полагаем необходимым вывести оборудование информационных серверов судебных инстанций на более высокий уровень, позволяющий выдерживать необходимые нагрузки и исключая проблемы

с их «зависанием». Целесообразно было бы также рассмотреть вопрос о повышении уровня заработной платы и иных форм материального стимулирования технических работников судов, обслуживающих электронные серверы, что даст возможность привлечь к подобной работе более квалифицированных айти-сотрудников.

§ 4. Справедливость как принцип правосудия

Исследователь, обращаясь к проблеме «справедливости» в праве, сталкивается, не только с тем, что весьма сложно найти полностью совпадающие доктринальные определения самого права, так и с неопределенностью понятия «справедливость». И все же юристы и философы с неутихающим энтузиазмом продолжают искать справедливость в праве или через нее верифицировать явления как юридические.

Современный российский законодатель, поддавшись в свое время вероятно «обаянию» юснатуралистских идей, инкорпорировал справедливость в качестве принципа в УК РФ (правда, понимая ее как соразмерность наказания характеру и степени общественной опасности преступления). Тенденция, закрепления этой категории продолжена законодателем в ст. 6 УПК РФ и в ст. 2 АПК РФ, хотя и не в качестве самостоятельного принципа. Наконец, в ст. 6 КАС РФ понятие «справедливость» вновь использовано как принцип. Беглый и весьма поверхностный анализ российского процессуального законодательства, тем не менее, демонстрирует некоторую интенцию на использование в правовых актах неправовых конструкций. В этом ничего нового мы не обнаруживаем, подобное нередко встречается в гражданском праве, в котором до сих пор заметно влияние германской пандектистики и связанных с ней «каучуковых параграфов».

Ситуацию усложняет и то, что нет и единого подхода к пониманию и того, что понимать под принципами права, чем они отличаются от норм, и трюизмов. Различные толкования термина «принцип» могут иметь не совпадающими значения, какими бы близкими они ни были друг к другу. Эти значения можно понять, принимая во внимание профессию человека, интерпретирующего этот термин: ученый (доктринальное употребление), судья (правоприменительное употребление) и законодатель (легальное употребление). В разговорном русском языке, хотя сегодня и реже, «принцип» используется как синоним «убеждения», а, например, в разговорном итальянском — «начала». Иначе принцип используется как синоним фундаментальной ценности («Это вопрос принципа»), как элемент базового понятия (принципы этики, математики, физики и т.д.) или как прогрессивная абстракция, обобщенная на основе ряда данных и частных случаев. Юри-

сты используют термин «принцип» в разных контекстах: как элемент дисциплины (принципы гражданского права), как ценность (принцип корректности), как инструмент (принцип противоречия), но прежде всего как абстрактное правило, применимое к конкретным случаям¹⁷⁰.

Признание общих принципов права в качестве формы права или правового обоснования судебного решения можно воспринимать как возрождение некой разновидности естественного права, а Х. Перельман видел в этом даже антипозитивистскую реакцию судов на сложившийся правопорядок после окончания Второй мировой войны¹⁷¹.

Легальное определение «принципа права» можно попытаться вывести, анализируя ГПК РФ, в котором оно имплицитно содержится. Так, сопоставляя содержание п. 4 ст. 1, в которой указывается, что в случае отсутствия нормы процессуального права, регулирующей отношения, возникшие в ходе гражданского судопроизводства, федеральные суды общей юрисдикции и мировые судьи (далее также — суд) применяют норму, регулирующую сходные отношения (аналогия закона), а при отсутствии такой нормы действуют исходя из принципов осуществления правосудия в Российской Федерации (аналогия права) с п. 3 ст. 11, где устанавливается, что в случае отсутствия норм права, регулирующих спорное отношение, суд применяет нормы права, регулирующие сходные отношения (аналогия закона), а при отсутствии таких норм разрешает дело, исходя из общих начал и смысла законодательства (аналогия права), под принципом следует понимать общие начала и смысл законодательства. Однако, подобным образом, определяемые принципы создают «почву» для бесконечных и взаимоисключающих интерпретаций, в конечном счете, сводя весь процесс либо к свободному судебскому усмотрению, либо к политической конъюнктуре и классовым интересам, прикрываемым юснатуралистской риторикой.

Несмотря, на заложенную в подобном понимании принципа правовую неопределенность, указанная точка зрения получила широкое распространение в отечественной юридической литературе. М.И.Байтин, в частности, определял принципы права как исходные, определяющие идеи, положения, установки, которые составляют нравственную и организационную основу возникновения, развития и функционирования права, в них отражается его (права) тенденции развития, устремления и цели. Отличие же правовых принципов от правовых норм сводится лишь к большей ста-

---

¹⁷⁰Alpa G. General principles of law // Annual Survey of International & Comparative Law, Vol. 1 [1994], Iss. 1, Art. 2 // <https://digitalcommons.law.ggu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1001&context=annlsurvey> (дата обращения 20.04.2023)

¹⁷¹Perelman C. Logiquejuridique.Nouvelle rhétorique.Paris, 1976. P. 137.

бильности первых, которые могут не трансформироваться в течение длительного времени¹⁷². При этом как-то незамеченным остается ненормативная природа принципа, в вышеуказанной трактовке. Надо отметить, что подобное понимание принципов права в целом носит весьма распространенный характер¹⁷³. Правда, среди отечественных юристов были и сторонники признания за принципами права нормативной природы. Но, даже, признавая нормативность принципов, теоретики права расходились в вопросе о необходимости их закрепления в правовых формах, или же они имплицитно присутствуют в правопорядке в целом и могут быть из него выведены¹⁷⁴.

Очевидно, что, с одной стороны, в научном сообществе идет перманентная дискуссия (которая то активизируется, то стихает) о сущности и роли принципов права в правовой системе, с другой, в целом признается необходимость выделения принципов права. Правда, ряд современных направлений в юридической науке не признает важность принципов для функционирования правовых систем. Так, Р. Познер утверждал, что право имеет понятную структуру, которую следует описывать, не используя «рабочий словарь» самих юристов, а при помощи языка экономики. Структура закона лучше всего описывается такими понятиями, как дефицит, эффективность, благосостояние и рациональность, сводящая к минимуму расточительство. Экономическая концепция права в значительной степени подрывает ценность правовых принципов и когнитивной модели, поскольку утверждает, что язык права на самом деле не имеет значения. Р. Познер считает, что юристы пребывают в состоянии самообмана, и объясняет это состояние тем, что профессиональное сообщество упорно придерживается своих архаичных правовых концепций, которые включают в себя как правовую доктрину, так и правовые принципы.¹⁷⁵ Критические юридические исследования были столь же скептически настроены по отношению к принципам права, но их предпочтительным оружием является политика, а не экономика. Примечательно, что это движение утверждает, что организующие принципы права являются конкурирующими между собой индивидуализмом и альтруизмом. Соответственно, независимо от существования юридического вопроса, юристы всегда будут приводить один из несколь-

---

¹⁷² Байтин М. И. О принципах и функциях права: новые моменты // Правоведение. 2000. № 3. С. 4.

¹⁷³ См., например Лазарев В. В. Пробелы в праве и пути их устранения. М., 1974. С. 79; Лукашева Е. А. Принципы социалистического права // Советское государство и право. 1970. № 6. С. 23.

¹⁷⁴ Скурко Е. В. Правовые принципы в правовой системе, системе права и системе законодательства: теория и практика // Правоведение. 2006. № 2. С. 56.

¹⁷⁵ Posner R. A. *Overcoming law*. Harvard University Press. 1995. P. 68.

ких доступных стереотипных аргументов, причем каждый отдельный аргумент сводится к балансу между индивидуализмом и альтруизмом¹⁷⁶. Поэтому каждое юридическое заключение должно быть функцией политического баланса, и, в конечном счете, юридическая аргументация не может быть автономной от морального, экономического и политического дискурса¹⁷⁷. Воображаемый судья в истории, описанной Д. Кеннеди, достигает желаемого исхода дела, который отличается от очевидного результата, предполагаемого прямым применением закона¹⁷⁸. Судья использует ряд уловок, чтобы преподнести закон и факты в выгодном для себя свете и с триумфом вынести решение по делу в соответствии со своими личными взглядами. Его мастерство в достижении этого результата описывается с точки зрения его способности влиять на участников процесса, используя свою собственную политическую интерпретацию закона, фактов и прецедентов. Вывод, который нам предстоит сделать, заключается в том, что правовые нормы и принципы никогда не определяют исход дела, поскольку все переменные в юридической аргументации неопределенны и могут быть истолкованы в зависимости от собственной политики судьи. Они просто реагируют на трудные дела «юридической болтовней», то есть, апеллируя к концепциям и делая вид, что они решили дело за него.¹⁷⁹ В отличии от судей, в академических кругах научные юридические аргументы «просто выдуманы из ничего, чтобы скоротать вечер, или получить должность, или узаконить статус-кво, или создать красивые узоры, или унять зуд экзистенциалистского страха перед непознаваемостью самых важных вещей в жизни»¹⁸⁰.

Несмотря на критику в свой адрес, принципы по-прежнему обладают мощным очарованием: они производны от ценностей и отсылают к ним. Если принцип передается из поколения в поколение, если он переходит из одного столетия в другое, из одной правовой формы в другую и из одной системы в другую, он окружен такой аурой престижа и авторитета, что кажется почти неоспоримым и неотвратимым. Другими словами, принцип, по-видимому, приобретает легитимность сам по себе. Его существование, его обоснованность и его сила являются одновременно оружием убеждения и оружием стандартизации. И действительно, поскольку его часто присоединяют к этическому правилу или путают с ним, он может казаться

---

¹⁷⁶ Kennedy D. Form and Substance in Private Law Adjudication// Harvard Law Review Vol. 89. 1976. P 1713.

¹⁷⁷Id.at 1724.

¹⁷⁸ Kennedy D. Toward a Critical Phenomenology of Judging / Critical legal studies. J. Boyle (ed). New York. NYU Press, 1994. P. 71.

¹⁷⁹Kennedy D. Form and Substance in Private Law Adjudication.P. 1732.

¹⁸⁰ Kennedy D. Toward a Critical Phenomenology of Judging P. 65.

оплотом цивилизации и прелюдией к ней. Но нужно обратить внимание: не все формулы, которые выдают себя за принципы, действительно являются таковыми; не все принципы имеют одинаковое значение; не все принципы используются таким же образом. Как юристы используют этот термин? Обычно они понимают это в разговорной речи как синоним «фундаментального понятия». В данном случае, однако, мы имеем дело не с простыми понятиями, а с понятиями несколько искусственно сложными, которые отсылают к квинтэссенции, к дистилляции системы или к сектору системы. Философы, социологи, экономисты и представители точных наук в течение прошлого столетия — все они возводили архитектуру знаний систематическим образом, скрупулезно опираясь на фундамент принципов. Возвращаясь к этому пути, принципы системы понимаются также как существенные характеристики системы, ее способ существования и появления, ее физиогномика, ее душа или дух¹⁸¹.

При этом, как уже не однократно говорилось, понятие принципов имеет различные значения в правовой практике и в доктринальных текстах. Некоторые авторы, как например определяют правовые принципы как нормы. Например, М. Ван Хук считает принцип нормой, которая выражена в общих терминах, имеет широкую сферу применения и включает в себя ценность, являющуюся более или менее основной для правовой системы или ее частей, подчеркивая при этом, что в обществе присутствует множество правовых правил, но количество правовых принципов ограничено. Еще одной особенностью принципов является, по мнению исследователя, их частичное выражение в неопределенных терминах (например, «добросовестность», «правовая безопасность», «честный суд»), которые в свою очередь относятся к превалирующим моральным ценностям и общечеловеческим принципам. При этом М. Ван Хук утверждает, что на практике, по сути, нельзя различить правило и принцип, поскольку нет понимания того, что может считаться достаточно конкретным или общим, чтобы быть. Это всего лишь вопрос степени. Некоторые принципы эксплицитно сформулированы непосредственно в нормативных правовых актах, особенно в кодексах, которые призваны регулировать широкие сферы права, другие относятся к «давней доктринальной традиции и сформулированы как максимы, часто на латинском языке». Возникают также сложности по определению их правового статуса, поскольку принципы иногда встречаются в законах в виде минимум одного или двух положений, например, существующей в большинстве

---

¹⁸¹Alpa G. General principles of law // Annual Survey of International & Comparative Law, Vol. 1 [1994], Iss. 1, Art. 2 // <https://digitalcommons.law.ggu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1001&context=annlsurvey> (дата обращения 20.04.2023)

правовых систем презумпцией невиновности. А также они могут отвергаться в силу положений закона и не могут считаться действительными в данной правовой системе. В конце концов, принципы выступают в виде правил толкования и применения закона, являясь при этом не обязательно истинными высказываниями (например, «Мать всегда достоверно известна» или «Толкование прекращается, когда смысл ясен»). Наконец, некоторые из них являются скорее высказываниями о юридической науке, а не о праве как таковом, и поэтому, строго говоря, не могут восприниматься как «правовые принципы»¹⁸².

Трюизмы в праве представляют собой очевидные истины, которые выступают ключами, помогающими нам идентифицировать объект и его описывать. Трюизмы бывают об основных правовых институтах («Во всех правовых системах есть суд», «Одна из функций судов — это разрешение споров» и др.), о правовых нормах («Некоторые законы налагают обязанности», «Законы и применяются к тем, кто их создал»), о законной власти («Органы государственной власти имеют право налагать обязанности, даже если их решения ошибочны»), о мотивации («Можно соблюдать закон, даже если человек не думает, что он морально обязан это делать»), об объективности («Суды иногда допускают ошибки в толковании закона») и т.д.¹⁸³.

Таким образом, очевидно, что далеко не все конструкции в отношении, которых используется юристами термин «принцип», таковыми являются, представляя собой порой лишь афоризмы и трюизмы, которые могут иметь определенную ценность для идентификации определенного правового порядка.

Столь широкое использование термина «принцип» порождает у исследователей стремление по аналогии с конструкциями «система права» и «правовая система» разграничить «принцип права» и «правовой принцип».

Например, такую точку зрения высказывает Е.В. Скурко, предлагая понимать под правовыми принципами исходные идеи правовой системы и их воплощение в правосознании, «нормативном компоненте», в правотворчестве, в реализации права и в правоприменительной практике. Он считает, что, будучи субъективными по своей природе, идеи и положения, получая признание в качестве правовых принципов, должна получить объективное воплощение во всех сопряженных с их реализацией сферах общественных отношений и компонентах правовой системы. При этом Е.В. Скурко предостерегает нас о недопустимости отождествления право-

---

¹⁸² Ван Хук М. Право как коммуникация. СПб., 2012. С. 216-217.

¹⁸³ Шапиро С. Законность М., 2021 С.55-57.

вых принципов ни с целями, ни с презумпциями в праве, ни с юридическими гарантиями¹⁸⁴. Автор, тем не менее, не смог продемонстрировать чем правовые принципы (которые он с энтузиазмом, достойным Аккурсия, подвергает детальной классификации¹⁸⁵) отличаются от упомянутых выше конструкций. Также не очень понятен механизм, посредством которого субъективная идея превращается в объективный правовой принцип. Принципы права же (в рассматриваемой интерпретации) предстают в виде нормативно закрепленных в этом качестве базовых идей, как нормы-принципы, которые не имеют самостоятельного значения и/или являясь «вырожденной» нормой права, состоящей только из диспозиции. И тут же Е.В. Скурко отмечает, что принцип права можно рассматривать как специфический прием законодательной техники¹⁸⁶. Вряд ли можно принцип права считать приемом, но можно согласиться с тем, что фиксация в статье закона лишь одного или двух элементов логической структуры нормы права, является результатом использования законодателем приемов юридической техники. Определяя в конечном счете разграничение между «правовым принципом» и «принципом права» указывается единственное различие — «нормативность» последнего¹⁸⁷. Однако исследователь, тем не менее, утверждает, что принцип права не может непосредственно воздействовать на поведение субъектов, что делает спорной мысль о его нормативной природе. Несмотря на то, что в данной работе попытка сепарировать друг от друга эти две конструкции представляется скорее как упражнение в схоластике, тем не менее, не означает что подобное их разграничение невозможно. Так, например, по мнению В.В. Ершова «правовой принцип» в отличие от «принципа права» категория неправовая, представляющая собой направление правовой политики¹⁸⁸, и поэтому относящееся скорее к политологии.

Признание за принципами права «нормативности» порождает ряд проблем, без решения которых данное утверждение будет плеоназмом. Поэтому чаще всего мы видим в юридической литературе стремление ограничиться только констатацией факта, о том, что принцип — это лишь норма, выраженная максимально абстрактно. Но в чем тогда «сакральный» смысл их выделения, если это просто разновидность норм?

Поэтому следует формулировать более четкие отличия принципов права от норм.

---

¹⁸⁴ Скурко Е.В. Указ. соч. С. 56-57.

¹⁸⁵ Там же. С. 59.

¹⁸⁶ Там же. С.57.

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Ершов В.В. Принципы права: сущность и функции. // Российское правосудие. 2019. № 2. С.8

Р. Дворкин предложил вариант решения проблемы соотношения норм (правил) и принципов, который пользуется среди юристов заслуженной популярностью. Он чаще всего термин «принцип» употребляет в самом общем смысле — как обозначающий все множество тех стандартов, которые не являются нормами, проводя различие между принципами и стратегиями. «Стратегией» Р. Дворкин называет «стандарт, формулирующий необходимость достижения некоторой цели, обычно связанной с улучшением каких-то экономических, политических или социальных условий в обществе (хотя некоторые цели являются негативными — в том смысле, что они требуют защиты существующего положения от неблагоприятных изменений)». «Принципом» обозначается стандарт, «который следует соблюдать не потому, что он способствует изменению или сохранению некоторой экономической, политической или социальной ситуации, а потому что он выражает некоторые моральные требования, будь то требования справедливости, честности и т. д. Таким образом, стандарт, гласящий, что количество автомобильных аварий должно уменьшаться, есть стратегия, а стандарт, гласящий, что человек не может извлекать выгоду из совершенного им правонарушения, есть принцип»¹⁸⁹.

Различие же между правовыми принципами и правовыми нормами является логическим. И те, и другие стандарты говорят о конкретных решениях по поводу юридических обязанностей в конкретных обстоятельствах, но действуют по-разному. Нормы применяются по принципу: все или ничего. Если обстоятельства, которые оговариваются нормой, имеют место, то либо норма действительна — и тогда предлагаемый ею ответ должен быть принят, либо она не действительна — и тогда она ничего не дает для принятия решения. Принципы функционируют иначе, даже те из них, которые в наибольшей мере похожи на нормы, не указывают юридических следствий, автоматически вытекающих из них при наличии соответствующих условий. Например, если в нашей правовой системе признается тот принцип, что ни один человек не может извлечь выгоду из совершенных им правонарушений, то мы можем наблюдать на практике, как люди часто и совершенно законно извлекают выгоду из своих правовых нарушений. Так, если кто-то в течение долгого времени нарушает границы чужих земельных владений, то он однажды приобретет право проходить по чужой земле, когда сочтет нужным¹⁹⁰. Из этого первого различия между нормами и принципами вытекает еще одно различие, принципы обладают особенностью, отсутствующей у норм, — они могут быть более или менее весомыми или важными. «Когда два принципа приходят

---

¹⁸⁹ Дворкин Р. О правах всерьез. М., 2004. С.45.

¹⁹⁰ Там же. С. 48.

в столкновение, те, кому приходится разрешать этот конфликт, должны учитывать относительный вес каждого из этих принципов. Здесь нельзя, конечно, произвести точного измерения, и решение в пользу большей важности какого-то конкретного принципа или стратегии часто вызывает споры. Тем не менее, в самом понятии принципа содержится указание на то, что у него есть такая особенность и что имеет смысл говорить о том, насколько он весом или важен. Если две нормы вступают в конфликт, одна из них не может быть действительной нормой. Решение о том, какая из них имеет силу, а какую необходимо отбросить или изменить, должно опираться на соображения, выходящие за рамки самих этих норм. Правовая система может разрешать такие конфликты посредством других норм, предписывающих, например, предпочесть норму, установленную более высокой инстанцией, или норму, установленную позднее, или более конкретную норму или что-то в этом роде. Правовая система может также предписывать предпочесть ту норму, которая поддерживается более важными принципами»¹⁹¹.

При этом Р. Дворкин считал, что из формулировки стандарта не всегда ясно, является ли он нормой или принципом. Утверждение «Завещание недействительно, если оно не заверено тремя свидетелями» по своей форме не слишком отличается от утверждения «Человек не может извлекать выгоду из совершенного им правонарушения». В качестве индикаторов, позволяющих отличать нормы от принципов, следует считать слова типа «разумный», «небрежный», «несправедливый» и «значительный». Когда один из этих терминов входит в формулировку какой-то нормы, он делает применение этой нормы до некоторой степени зависящим от принципов и стратегических соображений, лежащих за рамками данной нормы, и, таким образом, саму норму делает похожей на принцип. Однако он не превращает полностью норму в принцип, поскольку даже малейшее уточнение, касающееся этих терминов, сразу же налагает ограничения на тот вид принципов и стратегий, от которых зависит данная норма. Если существует норма, устанавливающая, что «неразумные» договоры являются недействительными или что явно «несправедливые» договоры могут не выполняться, при ее применении приходится значительно больше полагаться на оценку, чем в тех случаях, когда эти слова опущены¹⁹².

В некоторой степени идеи о принципах права Р. Дворкина получили развитие в исследованиях Р.Алекси. Вместо понятия «стандарта» как общего обозначения регулятора исследователь использует термин «норма». Нормы могут быть либо правилами, либо принципами. Его концепция

---

¹⁹¹ Там же. С. 54.

¹⁹² Там же. С. 51.

принципов права основывается на трех основных постулатах: тезис оптимизации, закон коллизионности и закон взвешивания. Принципы— это предписания, закрепляющие то, что нечто может реализоваться в относительно высокой степени, исходя из фактических и правовых возможностей. Они представляют собой предписания оптимизации, которые характеризуются тем, что они могут реализовываться в различной мере и что мера их реализации зависит не только от фактических, но и от правовых возможностей (обстоятельств), в свою очередь, область которых определяется конкурирующими принципами и правилами. В отличие от этого правила — это нормы, которые постоянно только реализуются либо не реализуются, т.е. они содержат установления в рамках правовых и фактических возможностей¹⁹³. Различия между правилами и принципами становятся более понятными в случае возникновения коллизий между принципами и коллизий между правилами, поскольку существенно различаются по способам их разрешения. Коллизия между двумя правилами разрешается либо путем внесения в оба коллидирующих правила соответствующих исключений, либо путем признания, по меньшей мере, одного из правил недействительным. Иначе разрешаются коллизии между принципами. В целом закон коллизионности означает тот факт, что между принципами права, функционирующими в одной правовой системе, «существуют не абсолютные отношения, а только отношения относительного (условного) приоритета». И в процессе оптимизации мы лишь должны верно установить приоритет одного принципа над другим, исходя из возникшего конкретного случая. На практике теория принципов права находит свое реальное выражение в форме тезиса оптимизации и прежде всего — через посредство его эквивалента, обозначаемого принципом пропорциональности, который имплицитно присущ теории принципов права, и наоборот. «Тот факт, что теории принципов имплицитен принцип пропорциональности, означает, что таким образом из этой констатации логически вытекают три важнейших принципа, составляющих основу этой теории: принцип пригодности (допустимости), принцип необходимости и принцип пропорциональности в строгом смысле этого слова»¹⁹⁴. Таким образом, «закон взвешивания», пригоден для рассмотрения всех возникающих в этой сфере случаев: чем выше степень неисполнимости или ущемления одного принципа, тем большее значение должна иметь реализация другого принципа¹⁹⁵.

Определенную сложность для российского юриста представляет использование термина «норма» для общего обозначения регулятора, в силу

---

¹⁹³Алекси Р. О структуре принципов права// Российское правосудие. №3. 2017. С. 20-21

¹⁹⁴Там же. С.22-23.

¹⁹⁵ Там же. С.24.

того, что в отечественной науке принято отождествлять нормы именно с правилами, от которых Р. Алекси достаточно убедительно сепарирует принципы. Поэтому даже не самая удачная конструкция, как «стандарт» представляется более корректной.

Проблема определения валидности и эффективности принципов права, при этом, не отождествляя их с нормами, может быть решена признанием их в качестве первичных регуляторов общественных отношений¹⁹⁶. При этом В.В. Ершов дает и более развернутую оценку сущности принципов права, указывая, что они являются: «основаниями всеобщей связи элементов единой системы форм национального и международного права; первичными и наиболее абстрактными элементами единой системы форм национального и международного права, в процессах конкретизации которых вырабатываются нормы права и обеспечивается ее существование; первоначальными правовыми регуляторами общественных отношений».¹⁹⁷

Корнев В.Н., обобщая современные концепции принципов права, делает вывод, что они формулируются как специфические нормы поведения, характеризующиеся универсальностью и всеобщностью, высшей юридической силой, важностью, градацией при реализации, возможностью разрешения коллизий, возникающих между принципами через процедуры «взвешивания», «балансировки» или «гармонизации» несовместимых (коллидирующих) принципов, когда необходимо принять точное и недвусмысленное решение¹⁹⁸. Предлагает исследователь и собственное определение принципа права как обязанности, установленной правом и адресованной субъекту правотворчества или правоприменения, предписывающей совершение определенных действий, которые имеют деонтическое или аксиологическое содержание¹⁹⁹.

Кирпичев А.Е., развивая вышеизложенные идеи, обосновано считает, что применимость принципа права производна от его способности его к регулированию общественных отношений и, продолжая свою мысль, исследователь выделяет следующие характеристики принципа: он должен, во-первых, быть прескриптивным высказыванием; во-вторых, должен быть способным к субсумции и, в-третьих, быть деонтическим оператором;²⁰⁰

---

¹⁹⁶ Ершов В.В. Указ. соч. С. 14.

¹⁹⁷ Там же. С. 13-14.

¹⁹⁸ Корнев В.Н. Эволюция доктрины принципов права в отечественной юридической науке // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1 (41). С. 68.

¹⁹⁹ Там же. С. 29.

²⁰⁰ Кирпичев А.Е. Методология выявления имплицитных принципов права // Правосудие. 2019. Т. 1, С. 122

в-четвертых быть адресованным правоприменителю или правотворцу и, в-пятых, выражать ценностное измерение права²⁰¹.

Важным представляется и вопрос о том, каким образом применяются принципы права судами. Р. Дворкин при применении принципов судами выделяет два пути. Согласно первому пути, принципы права носят обязательный характер и ими должны руководствоваться судьи и законодатели, выносящие решения по поводу юридических обязанностей. В таком случае мы признаем, что, «право» включает в себя как принципы, так и нормы. Другой путь: не признавать, что принципы столь же обязательны, как некоторые нормы. Вместо этого мы могли бы сказать, что в трудных делах, судья выходит за рамки норм, которые он обязан применять (то есть выходит за рамки «права»), и обращается к внеправовым принципам, которым при желании может следовать. При первом подходе мы трактуем принципы как обязательные для судей, при втором подходе принципы трактуются как обобщение того, что большинство «считает за принцип» делать, когда вынуждено выходить за рамки обязательных стандартов. Выбор между этими подходами окажет влияние, возможно, даже решающее влияние, на то, как мы ответим на вопрос: обеспечивает ли судья в сложных делах исполнение уже существующих юридических прав и обязанностей? Если мы принимаем первый подход, то мы все еще вольны утверждать, что поскольку судьи применяют обязательные правовые стандарты, постольку они обеспечивают исполнение юридических прав и обязанностей. Но, если мы принимаем второй подход, мы уже не вправе этого утверждать и должны признать, что решение принято судьей по своему усмотрению и примененного *ex post facto*²⁰².

М. Ван Хук выделяет два вида правовых принципов: эксплицитно сформулированных в законах, к которым (с некоторыми оговорками) мы можем отнести права и свободы человека, и неписанных принципов, возникших в результате восполнения пробелов в законодательстве судами и которые используются не только для восполнения явных пробелов в законодательстве, но и для ограничения сферы применения правовых норм, эксплицитно сформулированных в законах. Причем, как отмечает ученый, данная судебная практика порождает два основных вопроса. Первый вопрос— где судья может найти данные принципы? Ведь как таковые они не встречаются, не закреплены в правовых формах. Второй вопрос— как судья аргументирует применение этих принципов при ограничительном применении положений писаного закона, находящихся в конфликте с весьма нечеткими общими принципами, которые как таковые никогда не формулировались за-

---

²⁰¹ Там же. С 120.

²⁰² Дворкин Р. Указ. соч. С. 55.

конодателем? Понятно, что проблема судебного применения принципов права не исчерпывается постановкой только этих двух указанных вопросов. В конечном счете, необходимо определить и степень внедрения подобной практики в когерентную теорию применения права судами²⁰³.

Вслед за М. Ван Хуком следует признать неоднородность неписаных принципов права. Можно выделить те принципы, которые можно назвать «имплицитными», или «структурными», принципами, которые происходят из писаного права, и те принципы, которые можно назвать (чисто) «идеологическими» и которые имеют неправовое, а моральное, политическое происхождение²⁰⁴.

Структурные принципы – это скрытые аксиомы логической структуры правовой системы, или одной из ее отраслей. Их принятие является как минимум желательным, для установления оптимальной взаимосвязи внутри данной правовой системы. Эти принципы имплицитно присутствуют в правовой системе, даже если законодатель не имеет о них ясного представления. Идеологические принципы представляют собой применение судами внеправовых ценностей или норм, их использование связано с ограничением некоторых правовых норм. «Они «корректируют» применение правил, которые при наличии каких-либо особенных обстоятельств считаются необоснованными, неразумными, неприменимыми в соответствии с общепринятой идеологической точкой зрения. Только в случае явного несоответствия общепринятому моральному или политическому принципу юридическое правило не будет принято во внимание, а внеправовой принцип будет применен в форме заново сформулированного общего принципа права. Вместе с тем структурные принципы часто имеют более широкую сферу применения. Это делает их ведущими принципами, тогда как идеологические принципы всегда выступают в роли корректирующих принципов»²⁰⁵.

Принципы права не могут быть произвольными, они когерентны и соответствуют связанной идеологии и непротиворечивой политической теории. Правда, М. Ван Хук полагает, что для разрешения коллизий между принципами необходимо полагаться на некоторое количество метапринципов, в случае, когда его невозможно определить, то следует хотя бы опираться на общепринятые «процессуальные принципы», что означает, например, применение таких правовых принципов, которые считаются основанием для принятия судебного решения или предоставляют преимущество более когерентной теории²⁰⁶.

---

²⁰³ Ван Хук М. Указ.соч. С. 219-220

²⁰⁴ Там же. С. 220.

²⁰⁵ Там же. С.222.

²⁰⁶ Там же. С.226.

Представляется, что принцип права должен быть выводим из присутствующих конкретному обществу ценностей и представлять перформативное высказывание и выражаться вовне посредством деонтических модальностей, но применяться судом ситуативно с учетом процедуры «взвешивания» в каждом конкретном деле.

Принцип справедливости по своей природе является идеологическим принципом, а не структурным. Применение его возможно в исключительных случаях, когда применение правовой нормы очевидно контрастирует с общепринятыми в социуме ценностями. Опасность же эксплицитного закрепления этого принципа заключается в том, что в таком случае мы должны дать легальное определение справедливости в отсутствие «даже намека» на доктринальный консенсус в этом вопросе.

§ 5. Принцип справедливости как стандарт отправления правосудия и гарантия защиты прав граждан

Современное правовое государство, одной из характеристик которого является самостоятельная и независимая судебная система, способная эффективно обеспечивать защиту прав и интересов граждан и государства, основывается на фундаментальных демократических принципах. В свою очередь указанные принципы являются основой формирования правовой базы и некими ориентирами при защите прав и свобод человека и гражданина.

Принципы права – одна из основополагающих категорий юридической науки, представляющая интерес не только для теории права, но и для юридической практики, так как с одной стороны, они отражают сущность самого права, а, с другой стороны, выступают формой (источником) права.

Наряду с общеправовыми существуют определённые отраслевые принципы, отражающие специфику той или иной сферы общественных отношений: принципы гражданского права, уголовного права, конституционные принципы и другие, среди которых особое место занимают принципы правосудия, так как от их реализации зависит эффективность механизма защиты прав каждого человека.

Относительно категории «принципы правосудия» среди ученых нет единства. Так, под принципами правосудия подразумеваются стандарты, определяющие вектор развития правосудия; основополагающие правовые идеи, определяющие сущностные стороны судебной деятельности²⁰⁷; руководящие начала, отражающие основные характеристики деятельности по осуществлению правосудия; гарантии соблюдения прав и законных инте-

---

²⁰⁷ Кашепов В.П. Преобразование системы принципов судопроизводства при осуществлении судебной реформы // Журнал российского права. 2017. № 2. С. 139.

ресов лиц при осуществлении правосудия;²⁰⁸ исходные нормативные положения наиболее общего характера, выражающие демократическую сущность правосудия и определяющие организацию и деятельность судебной власти²⁰⁹, императивные правовые требования к процедуре осуществления правосудия²¹⁰.

Таким образом, принципы правосудия, можно определить как обобщенные требования, руководящие начала, закладывающие основы функционирования правосудия, как отдельного вида государственной деятельности.

В настоящее время основные принципы правосудия законодательно закреплены в:

– главе 7 Конституции РФ: осуществление правосудия только судом (ч. 1 ст. 118), независимость (ч. 1 ст. 120), открытое судебное разбирательство (ч. 1 ст. 123) и т.д.;

– 1 и 2 главах Закона о судебной системе: гласность (ст. 9), самостоятельность судов (ч. 1 ст. 5) и т.д.;

– статье 5 Федерального конституционного закона от 07.02.2011 № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации»: равенство всех перед судом, состязательность и равноправие сторон и т.д.

Кроме того, принципы правосудия находят и доктринальное закрепление в трудах различных ученых, специализирующихся в области юриспруденции.

Признание основных принципов правосудия на международном уровне и формирование международно-правовых стандартов в этой сфере происходит уже к середине XX в. Они представляют собой некий образец, ориентир и оказывают влияние на процесс национального правотворчества и правоприменительную практику.

В настоящее время в актах международных организаций регламентированы основные стандарты правосудия (независимость судебной власти; справедливое судебное разбирательство и т.д.), получившие конкретизацию во внутригосударственном законодательстве посредством закрепления определенных процессуальных гарантий.

В целом же, правосудие представляет собой механизм судебной защиты прав и свобод граждан посредством различных видов судопроизводства (конституционного, административного, уголовного, гражданского,

---

²⁰⁸ См.: Караева А.А. Понятие и основные принципы правосудия в Российской Федерации // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 2 (31). С. 358.

²⁰⁹ См.: Безуглов С.В., Бутурлина Е.С. К вопросу о понятии, системе и классификации принципов правосудия // Власть Закона. 2018. № 1 (33). С. 94-95.

²¹⁰ См.: Шамардин А.А. Правоохранительные органы (Судоустройство): учебник для вузов / А.А. Шамардин. – ООО ИПК «Университет», 2021. С. 31.

арбитражного), который является конституционным правом каждого человека в силу ч. 1 ст. 46 Конституции РФ.

Среди принципов правосудия, детерминирующих надлежащее применение норм права, особое место занимает принцип справедливости, который рассматривается в юридической науке как общеправовой, специально-юридический и конституционно-правовой.²¹¹

Понятию справедливость уделяется большое внимание в правовой доктрине и в юридической практике. Сущность и содержание данной категории в правовой науке исследуется многопланово: с точки зрения критериев, ценностного смысла, свойств, качеств и функций, при этом единого определения в науке нет. Все это свидетельствует о сложности, многоаспектности, абстрактности и в тоже время универсальности данной категории, которая не может принадлежать только праву.

Существующие точки зрения относительно соотношения справедливости и права можно разделить на четыре подхода. Так, в рамках позитивистского подхода справедливость неприменима к правовым вопросам, так как носит моральный характер, тогда как в рамках естественно-правовых концепций справедливость является сущностной характеристикой права, его внутренним свойством. Согласно психологической теории, справедливость отождествляется с интуитивным правом и представляет собой психическое явление²¹². В рамках четвертого подхода справедливость – категория, не совпадающая с правом и не входящая в него целиком, но имеющая тесную связь с правом²¹³, включающая ценностные и регулятивные компоненты. Таким образом, мы видим, что в правовых исследованиях нет единого мнения относительно соотношения категории справедливости и права.

Также различается понятие «справедливое правосудие», фундамент которого составляют такие принципы как независимость судебной власти, несменяемость судей, доступность и открытость правосудия, состязательность судебного процесса и другие, и непосредственно «принцип справедливости», определяющий процесс реализации права.

---

²¹¹ См.: Цыбулевская О.И., Милушева Т. В. Справедливость в праве: аксиологический подход // Вестник Поволжского института управления. 2017. Т. 17. № 5. С. 52 – 59; Мутасова М.А. Проблема законодательного закрепления принципа справедливости // Социально-экономические явления и процессы. 2015. № 7. Т. 10. С. 172-183; Пресняков М. В. Конституционный принцип справедливости: юридическая природа и нормативное содержание: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2010. 46 с.

²¹² См.: Ралько В.В. Соотношение понятий права и справедливости с позиции концепции интуитивного права Л.И. Петражицкого // История государства и права. 2011. № 23. С. 16-19.

²¹³ Воробьев А.С. Соотношение справедливости и права // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 11 (84). С. 25.

М.В. Пресняков в своем диссертационном исследовании, разрабатывая конституционно-правовую концепцию принципа справедливости, наличие сложностей при определении справедливости связывает с отсутствием разграничения ценностной и регулятивной составляющей данной категории²¹⁴.

Категория справедливость является не только объектом научных исследований, но имеет и законодательное закрепление. В международных актах и в европейском законодательстве справедливость рассматривается как основополагающая категория для судопроизводства и судоустройства. Так, в международных актах подтверждается, что права и свободы человека и гражданина реализуются с учетом справедливости правосудия.

Принцип справедливости в международных актах выражается через процессуальный статус лица. Так, право каждого на основе полного равенства на то, чтобы его дело было рассмотрено гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом, предусмотрено во Всеобщей декларации прав человека (ст. 10)²¹⁵.

В Конвенции о защите прав человека и основных свобод содержится право на справедливое судебное разбирательство в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основе закона (ст. 6)²¹⁶.

В Международном пакте о гражданских и политических правах также закрепляется положение, согласно которому каждый имеет право при рассмотрении любого уголовного обвинения или при определении его прав и обязанностей в каком-либо гражданском процессе, на справедливое и публичное разбирательство дела (ст. 14)²¹⁷.

Аналогичные требования закреплены и в национальном законодательстве. Так, в Конституции РФ в ч. 1 ст. 46 закреплено право каждого на судебную защиту его прав и свобод²¹⁸.

---

²¹⁴ Пресняков М. В. Конституционный принцип справедливости: юридическая природа и нормативное содержание: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2010. С. 11.

²¹⁵ Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года. // Организация Объединенных Наций. Официальный сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения 15.03.2023).

²¹⁶ Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 5 (Рим, 4 ноября 1950 г.) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1000003045> (дата обращения 15.03.2023).

²¹⁷ Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. // Организация Объединенных Наций. Официальный сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения 15.03.2023).

²¹⁸ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования

Таким образом, мы видим, что право каждого на судебную защиту, на справедливое судебное разбирательство в разумный срок независимым и беспристрастным судом декларировано и гарантируется на международном и внутригосударственном уровне.

Что касается принципа справедливости, то, чтобы раскрыть сущность и определить его значимость для отправления правосудия, необходимо обратиться к самому понятию «справедливость». Данная категория относится к оценочным понятиям, в связи с этим возникают сложности с ее однозначным определением.

Справедливость – это сложная социальная и философская категория и духовная ценность, которая пронизывает различные сферы жизнедеятельности людей (материальные, социальные, политические и правовые).

Некоторые исследователи рассматривают понятие «справедливость» не только как юридическое (правовое), но и в качестве социального и этического критерия права, а также обосновывают его политическую природу и связь с государством.²¹⁹ Также отмечается необходимость разграничения справедливости в правовом и социальном аспекте²²⁰.

Отправной точкой формирования этического подхода к пониманию справедливости послужили труды древнегреческих философов – Гесиода, Демокрита, Сократа, Платона, Аристотеля, Эпикура.

В трудах Аристотеля (384-322 гг. до н.э.), в частности в его работе «Никомахова Этика», V книга которой была посвящена справедливости, прослеживается связь права и справедливости через закон²²¹.

По мнению Аристотеля, понятие «справедливость» означает законное и равномерное, тогда как «несправедливость» – противозаконное и неравное отношение. Так, «несправедливым называют, как нарушающего закон, так и берущего лишнее с других, и человека, не равно относящегося к другим.... справедливым называют то человека, поступающего по закону, то равно относящегося ко всем людям».²²² Аристотель рассматривал два уровня справедливого: общий и частный. Он ввел такие понятия спра-

---

01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (дата обращения 14.03.2023).

²¹⁹ См.: Цыбулевская О.И., Милушева Т. В. Справедливость в праве: аксиологический подход // Вестник Поволжского института управления. 2017. Т. 17. № 5. С. 52 – 59.

²²⁰ Соловьева А.А. Категория справедливости в правовом регулировании: историко-теоретическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. С. 8.

²²¹ См.: Акиева П. Х. Справедливость и право: проблемы дефиниций и практики // Либерально-демократические ценности. 2021. № 4. Т. 5. URL: <https://liberal-journal.ru/PDF/02UNLD421.pdf> (дата обращения 15.04.2023).

²²² Этика Аристотеля : пер. с греч. / С прил. "Очерка истории греческой этики до Аристотеля" Э. Радлова. – Санкт-Петербург : Филос. о-во при Имп. С.-Петерб. ун-те, 1908. С. 83.

ведливости как распределяющую (общую), связанную с распределением общих благ для все граждан, основанную на тождественности, и уравнивающую (частную), связанную с ограничением произвола и основанную на пропорциональности и эквивалентности²²³.

По его мнению, под справедливым понимается применение закона или следование ему, или сам закон: «идти в суд значит обратиться к справедливости». В свою очередь «справедливость есть середина выгоды и ущерба, ограничивающая произвол», она стремится к тому, чтобы каждый имел равное.²²⁴ Таким образом, Аристотель справедливость отождествлял с законностью, а также с равным отношениям к людям²²⁵.

По мнению А.А. Соловьёвой, концепция справедливости, сформулированная в трудах Платона и Аристотеля, объединяла этические, социальные и правовые аспекты содержания справедливости. Также автор отмечает, что в этой концепции были заложены основы представлений о таких элементах справедливости, как равенство, дифференциация и индивидуализация²²⁶.

Впервые справедливость как категория права осознается в Древнем Риме. В латинском языке для обозначения справедливости используется два слова: *justitia* и *aequitas*. Для римлян право воспринималось как порожденное справедливостью, при этом различалось понятие «*aequitas*» (лат. равенство, соразмерность, справедливость), которое использовалось для обозначения естественного порядка и трактовалось как нравственное понятие – добродетель; и понятие «*justitia*» (лат. справедливость, законность) связывалось с практической справедливостью (и означало воздавать каждому свое)²²⁷.

Однако сами древнеримские юристы, как отмечают некоторые исследователи, не объясняли разницы между этими понятиями. Попытки раз-

---

²²³ Соловьёва А.А. Роль справедливости в правовом регулировании (теоретический и историко-правовой аспекты) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2006. Вып. 7. № 5. С. 93.

²²⁴ Этика Аристотеля : пер. с греч. / С прил. "Очерка истории греческой этики до Аристотеля" Э. Радлова. – Санкт-Петербург : Филос. о-во при Имп. С.-Петербур. ун-те, 1908. С. 86-89, 91.

²²⁵ Колотыгина Ю.О. Аристотелевская концепция правосудия и справедливости // Практические задачи философии: ретроспектива и перспектива : материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых (г. Екатеринбург, 4-6 апреля 2011 г.). — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2011. С. 137.

²²⁶ Соловьёва А.А. Роль справедливости в правовом регулировании (теоретический и историко-правовой аспекты) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2006. Вып. 7. № 5. С. 92.

²²⁷ Кирюхин Д.И. Справедливость как *aequitas* и *justitia* в философско-правовой мысли Древнего Рима // Вестник московского университета. Сер. 7. Философия. 2013. № 3. С. 64, 68.

граничить эти понятия впервые были предприняты в эпоху Средневековья Исидором Севильским (ок. 570 – 636 гг.), который связывает справедливость с понятием права и закона: «Справедливым называется тот, кто чтит право и живет по закону»²²⁸.

В рамках социального подхода, который сформировался в эпоху перехода к Новому времени, справедливость рассматривается, как требование, предъявляемое не к личности, а к государственным, правовым, общественным институтам и процессам²²⁹.

Что касается политической справедливости, то она понимается как этическая основа государственного строительства²³⁰.

Понимание справедливости как социальной категории обуславливается рядом факторов, включая уровень культурного и общественного развития в конкретный исторический период, и на разных этапах развития общества понимается по-разному: как всеобщее равенство (Платон и Аристотель), как полезность (И. Бентам), как честность (Дж. Роулз)²³¹.

Таким образом, справедливость – это морально-правовая категория, имеющая конкретно-историческое содержание и самостоятельную правовую ценность, которая заключается в возможности ее выражения через правовые средства. Также необходимо отметить, что справедливость немыслима без свободы и равенства – общечеловеческих ценностей, которые являются составляющими социальной справедливости. Свобода является объективным условием справедливости, а справедливость выступает результатом воплощения свободы в социальной жизни²³².

Принцип справедливости, понимание которого обусловлено конкретно-исторической эпохой, является качественной составляющей элемента права. Для определения сущности данного принципа его необходимо рассматривать в двух аспектах: в рамках содержательного аспекта он характеризует содержание правовых норм, а в рамках формального аспекта, он характеризует процесс реализации права.

Поскольку представление о справедливости меняется в зависимости от эволюции государства, законодательства и общества в целом, а также от

---

²²⁸ Цит. по: Марей Е.С. Понятие справедливости в трудах Исидора Севильского // СХОЛН (Scholae) Философское антиковедение и классическая традиция. 2014. № 2. С. 366, 367.

²²⁹ Цыбулевская О.И., Милушева Т. В. Справедливость в праве: аксиологический подход // Вестник Поволжского института управления. 2017. Т. 17. № 5. С. 53.

²³⁰ Гапоненко С.С. Политическая справедливость: становление понятия // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 1. С. 56.

²³¹ См.: Джон Роулз Справедливость как честность // URL <https://gtmarket.ru/library/articles/2663> (дата обращения 15.03.2023).

²³² Цыбулевская О.И., Милушева Т. В. Справедливость в праве: аксиологический подход // Вестник Поволжского института управления. 2017. Т. 17. № 5. С. 58-59.

ракурса ее изучения, то при исследовании данной категории в правовом аспекте важно рассмотреть ее законодательное закрепление, а также выявить особенности реализации на практике.

Нормативное закрепление принцип справедливости получил в Уголовном кодексе РФ, где он понимается как принцип соразмерности наказания общественной опасности деяния личности правонарушителя обстоятельствам дела (ст. 6), а также как цель: «наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости...» (ч. 2 ст. 43).²³³ В Уголовно-процессуальном кодексе РФ закрепляется справедливость приговора (ст. 297)²³⁴ и в Кодексе административного судопроизводства РФ закрепляется законность и справедливость при рассмотрении и разрешении административных дел (ст. 9)²³⁵, при этом не раскрывается сущность самого понятия.

В Конституции РФ до внесения поправок в 2020 г. категория «справедливость» не была закреплена (за исключением преамбулы, в которой отражена вера в справедливость), а в настоящее время упоминается и в ч. 6 ст. 75, в которой говорится о системе пенсионного обеспечения граждан на основе принципа всеобщности, справедливости и солидарности поколений²³⁶. Что касается гражданского, гражданского процессуального, арбитражного процессуального кодексов, то в них указанный принцип не закрепляется.

Таким образом, мы видим, что на законодательном уровне отсутствует легальное определение справедливости, как общеправового принципа, выражающего сущность и содержание права.

Анализ судебной практики по гражданским и уголовным делам, показывает, что суды в своих решениях часто ссылаются на справедливость. Высшими судами выработаны подходы к пониманию справедливости, при этом как отмечают в своем исследовании И.Р. Ашрафзянов и Р.Ф. Степаненко, однозначного понимания справедливости в цивилистическом

---

²³³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 24.04.2023) // СПС «КонсультантПлюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 13.04.2023).

²³⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. 28.04.2023) // СПС «КонсультантПлюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 15.04.2023).

²³⁵ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 г. № 21-ФЗ (ред. 17.02.2023) // СПС «КонсультантПлюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/4200ab35887502d82e41db49d402363ee301c848/ (дата обращения 15.04.2023).

²³⁶ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (дата обращения 14.03.2023).

аспекте не сформировано. Так, в практике Верховного Суда РФ справедливость понимается как баланс интересов сторон договора, а также отождествляется с добросовестностью и обоснованностью. Конституционный Суд РФ определяет справедливость через баланс прав и законных интересов всех участников гражданского оборота. Таким образом, Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ имеют разные подходы к пониманию данной категории, по мнению авторов, подход Конституционного Суда РФ является наиболее прогрессивным, так как в рамках этого подхода справедливость понимается как принцип гражданского права²³⁷.

Конституционный Суд РФ регулярно в своих постановлениях и определениях указывает на важность соблюдения принципа справедливости, им выработаны правовые позиции относительно права на справедливое судебное разбирательство по уголовным делам.

Так, в Постановлении № 20-П/1998 от 02.07.1998 г. указывается, что «правосудие по самой своей сути признается таковым лишь при условии, если оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах»; в Определении № 237-О/2004 от 08.07.2004 г. отмечается, что «реализация права на справедливое судебное разбирательство невозможна, если суд не выслушал и не оценил по существу все аргументы, представленные в ходе судебного процесса его участниками со стороны обвинения и защиты, и не обеспечил им равные процессуальные права»; в Определении № 1002-О/2016 от 12.05.2016 г. указывается на то, что «личное участие обвиняемого в судебном разбирательстве является элементом механизма обеспечения его права на справедливую судебную защиту на основе состязательности и равноправия сторон»; в Определении № 506-О/2019 от 28.02.2019 г. отмечается, что «суд как орган правосудия призван обеспечить справедливую процедуру принятия решения о применении меры пресечения в виде заключения под стражу исходя из одинаковой природы и значения судебных гарантий для защиты прав и законных интересов личности при принятии решений, связанных с ограничением свободы и личной неприкосновенности, вне зависимости от того, на какой стадии уголовного судопроизводства эти решения принимаются»²³⁸.

Суд, ссылаясь в своих позициях на принцип справедливости связывает его с понятием равенства и соразмерности.

---

²³⁷ См.: Ашрафзянов И.Р., Степаненко Р.Ф. Принцип справедливости в практике высших судов: цивилистический аспект // Образование и право. 2020. № 9. С. 235.

²³⁸ Право на справедливое судебное разбирательство по уголовным делам (собрание правовых позиций Конституционного суда РФ, декабрь 2021 г.) // СПС Гарант – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403230349/> (дата обращения 15.04.2023).

Права и свободы человека и гражданина реализуются с учетом справедливости правосудия, которая выражается через процессуальный статус лица²³⁹.

Условием обеспечения справедливости правосудия и гарантией права граждан на судебную защиту, выступает принцип независимости суда, который также необходим для обеспечения принципа верховенства права и тесно взаимосвязан с принципом беспристрастности. Так, в соответствии с Бангалорскими принципами поведения судей, одобренными резолюцией Экономического и Социального Совета ООН 2006/23 от 27 июля 2006 г., независимость суда определяется как предпосылка обеспечения правопорядка и гарантия справедливого разрешения дела в суде.

Успешная реализация принципа справедливости в судебном процессе зависит от наличия законодательно закрепленных процессуальных гарантий. Одним из важных аспектов реализации принципа справедливости в правоприменительной деятельности является четкая формулировка нормы права.

Существует тесная связь законности и справедливости, поскольку законность является предпосылкой и условием соблюдения справедливости. Таким образом, ориентирами правоприменительной деятельности должны выступать законность, целесообразность и справедливость.

Соглашаясь с мнением М.А. Мутасовой, стоит отметить, что качество права зависит от реализации принципа справедливости и лишь законодательное закрепление данного принципа как на общеправовом (конституционном) уровне, а также конкретизация в отраслевом законодательстве, будет служить его гарантией в правоприменительной деятельности²⁴⁰. Следовательно, указание в законе на принцип справедливости должно обеспечивать его реализацию в правоприменительной деятельности.

Обобщая вышеизложенный материал, следует отметить, что категория справедливости исследуется с точки зрения этического, культурологического, аксиологического и правового подходов, что позволяет говорить о многоаспектности данного понятия. Справедливость в рамках правового подхода рассматривается в двух аспектах, как особое свойство, внутренне присущее праву, и как принцип, характеризующий процесс реализации права. Обязательным условием реализации права в соответствии с принципом справедливости является обеспечение формального равенства.

---

²³⁹ Мутасова М.А. Проблема законодательного закрепления принципа справедливости // Социально-экономические явления и процессы. 2015. № 7.Т. 10. С. 174.

²⁴⁰ Мутасова М.А. Проблема законодательного закрепления принципа справедливости // Социально-экономические явления и процессы. 2015. № 7.Т. 10. С. 178.

Постоянное развитие системы принципов правосудия, включая принцип справедливости, понимание которого зависит от конкретно-исторической эпохи, направлено на совершенствование системы отправления правосудия, на оптимизацию механизма защиты прав и свобод граждан и обеспечение его эффективности. Реализация принципов независимости и беспристрастности суда является основой обеспечения справедливого правосудия, гарантии права граждан на судебную защиту. Принцип справедливости имеет определённое значение как для правотворческой, так и для правоприменительной деятельности, и выступает стандартом отправления правосудия и гарантией защиты прав граждан.

ГЛАВА III

ПРИНЦИПЫ СУДОПРОИЗВОДСТВА В НАЦИОНАЛЬНОМ И МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

§ 1. Реализация принципов правосудия при разрешении споров в области наследственных отношений, осложненных иностранным элементом

Гражданский процесс также как и иные виды судопроизводства в Российской Федерации основывается на определенных началах, в доктрине именуемых принципами. Принципы имеют огромное значение при отправлении правосудия, в частности, при разрешении споров в области наследственных правоотношений.

Как справедливо отмечает А.А. Шагриев, «...принципы права – одна из основных категорий юриспруденции, всеобъемлющий характер которой определяется шириной использования и применения. На основе принципов права правоприменитель выносит решение по конкретному делу. Также у принципов права есть важная функция – использование их в качестве источников права при пробелах, когда отдельные отношения не урегулированы нормой права. В соответствии с принципами права строится вся система действующего законодательства, они определяют вектор развития правовой политики»²⁴¹.

Одним из важнейших требований справедливости судебного разбирательства, осуществление его на основе принципа состязательности и полного юридического равенства сторон. Как отмечает Ю.А. Курохтин, «...состязательность – это подлинно демократический принцип, неотъемлемый от права на защиту, гарантирующий его осуществление и обнаружение истины»²⁴².

Важность данного принципа обосновывают Н.Ф. Данилов и О.Г. Попов, говоря о том, что «...осуществление правосудия по гражданским делам на основе состязательности, означает то, что: – судебное разбирательство может быть начато только при наличии заявления истца; – истец и ответчик выступают в суде в качестве сторон, т.е. таких участников судебного разбирательства, у которых имеется определенный процессуальный интерес и ко-

---

²⁴¹ Шагриев А.А. Соотношение и взаимосвязь принципов состязательности и равноправия сторон // Школа науки. 2021. № 5 (42). С. 74.

²⁴² Курохтин Ю.А. Принцип состязательности и процесс равноправия как концептуальный фундамент судебной защиты гражданских прав // 25 лет Гражданскому кодексу Российской Федерации: традиции и новации частноправового развития. Материалы международной научно-практической конференции. Изд-во: Принт-Сервис. С. 29.

торым закон предоставил равные права для обоснования своих утверждений и выводов и для оспаривания утверждений и выводов другого участника судебного разбирательства (противоправной стороны); – решение всех возникающих в деле вопросов принадлежит только суду (судье), который не связан доводами сторон, свободен в оценке представленных ими доказательств, не зависит от любых посторонних влияний и действует исключительно как орган правосудия. Таким образом, состязательность в гражданском процессе как конституционный принцип правосудия в современной России выступает как демократическое организационное и процессуальное начало, создающее максимально благоприятные условия для отыскания истины и вынесения справедливого судебного решения»²⁴³.

Вопросы, связанные с наследованием, всегда вызывали и будут вызывать горячие дискуссии как среди научного сообщества, так и среди обычных граждан различных государств. Споры о наследовании занимают отдельную нишу дел в рамках судебных разбирательств, среди которых особое место отведено делам, с наличием в их составе иностранного элемента, поскольку возникает ряд дополнительных проблем, связанных с их разрешением и, как следствие, защиты прав и законных интересов лиц, имеющих право на имущество наследодателя.

Поскольку такие отношения связаны с правопорядками нескольких государств (например, наследодатель являлся иностранцем или проживал на территории другого государства, либо наследственное имущество находится на территориях разных государств и т.д.), правоприменителю необходимо решить так называемый «коллизийный вопрос», т.е. вопрос о выборе компетентного применимого права. Для этого, в первую очередь, необходимо квалифицировать само правоотношение: относится ли оно к наследственному либо к иному, например, к правоотношениям между супругами. От этого будет зависеть выбор необходимой коллизийной нормы, посредством которой и определяется наследственный статут.

А.М. Абдухаликов также указывает, что на выбор применимого права для регулирования конкретного правоотношения влияет решение проблемы квалификации самого общественного отношения. В частности, важно понимать, что к одной области отношений могут применяться различные коллизийные нормы, выбор между которыми будет зависеть от урегулирования данного вопроса²⁴⁴.

---

²⁴³ Данилов Н.Ф., Попов О.Г. Состязательность в гражданском процессе как конституционный принцип правосудия современной России // Правовые вопросы современности: теория и практика. Материалы всероссийской научно-практической конференции. 2009. С. 72.

²⁴⁴ Абдухаликов А.М. Проблема охраны наследственных прав с иностранным элементом // Судебная система и гражданское общество России. 2015. С.53.

Подтверждением вышесказанного может служить Определение Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) от 21.01.2014 № 78-КПЗ—35, которым отменено определение судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 30 июля 2012 г., а Решение Выборгского районного суда г. Санкт-Петербурга от 12 апреля 2012 г. оставлено в силе. Принимая решение по делу, судебная коллегия по гражданским делам ВС РФ указала на следующее: «Судом установлено, что ** декабря 2006 г. умер Д.В.Г., гражданин Финляндии, наследниками первой очереди которого являются его дочь Д.Э.О., гражданка Финляндии, супруга умершего У.Л.Б., гражданка Финляндии и России, состоявшая в браке с Д.В.Г. с 1991 г. по день его смерти и проживавшая совместно с ним, а также сын Д.А.В., место нахождения которого не установлено. После смерти Д.В.Г. на территории Финляндии составлена опись наследственного имущества, согласно которой спорный земельный участок является личной собственностью У.Л.Б., о чем Д.Э.О., присутствовавшая при оформлении описи, была ознакомлена.

Также судом установлено, что 9 августа 1991 г. в Финляндии между Д.В.Г. и У.Л.Б. был заключен брачный договор, по условиям которого супруги не имеют права на имущество друг друга, которым они владеют в настоящее время или приобретают позднее, а также на доход от этого имущества. Данный договор составлен в соответствии с требованиями законодательства Финляндии. В последующем супругами был приобретен земельный участок, право собственности на который зарегистрировано за супругой-ответчицей на основании договора купли-продажи от 18 октября 2004 г.

Разрешая спор по существу, суд первой инстанции пришел к выводу об отказе в удовлетворении иска Д.Э.О., поскольку положения п.1 ст. 161 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ), регулирующие имущественные права и обязанности супругов, отсылают к применению норм семейного законодательства Финляндии как места их совместного места жительства, устанавливающих режим раздельной собственности. Также известно, что в силу положений брачного договора спорный земельный участок является личной собственностью ответчицы У.Л.Б. и не подлежит включению в наследственную массу после смерти умершего Д.В.Г.

Однако, суд апелляционной инстанции отменил данное решение и удовлетворил требования дочери умершего, ссылаясь на то, что согласно п. 2 ст. 161 СК РФ стороны брачного договора при его заключении не избрали право, подлежащее применению к их правам и обязанностям, в результате чего применил положения п. 1 ст.1205 ГК РФ, согласно которым

содержание права собственности и иных вещных прав на недвижимое и движимое имущество, их осуществление и защита определяются по праву страны, где это имущество находится. Также были применены положения п. 3 ст. 1209 ГК РФ, касающиеся формы сделки в отношении недвижимого имущества.

В результате судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации приходит к выводу, что постановление суда апелляционной инстанции принято с нарушением норм материального права и согласиться с ним нельзя по следующим основаниям. В силу п. 1 ст. 161 СК РФ личные неимущественные и имущественные права и обязанности супругов определяются законодательством государства, на территории которого они имеют совместное место жительства...». Также, согласно ст. 1224 ГК РФ, «...отношения по наследованию определяются по праву страны, где наследодатель имел последнее место жительства, если иное не предусмотрено настоящей статьей». Судом первой инстанции установлено, что супруги имели совместное место жительства на территории Финляндии. Таким образом, суд первой инстанции пришел к правильному выводу о том, что к их имущественным правам и обязанностям подлежат применению нормы семейного законодательства Финляндии. Согласно § 34 гл. 2 ч. 2 Закона о браке 13.6.1929/234 Финляндии собственность, которая была у супруга/супруги до вступления в брак, продолжает оставаться его/ее собственностью. Также является его/ее собственностью то, что он/она нажил/нажила во время брака. В соответствии со ст. 103 Закона о браке 13.6.1929/234 Финляндии при разделе имущества супругов, который осуществляется после смерти того из супругов, кто умер первым, переживший супруг не обязан передавать свое имущество наследникам супруга, умершего первым. Таким образом, у суда апелляционной инстанции отсутствовали законные основания для отмены решения суда первой инстанции и принятия по делу нового решения об удовлетворении иска Д.Э.О.

Вывод судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда о том, что заключенный между супругами брачный контракт, не распространяется на недвижимое имущество, расположенное на территории Российской Федерации, основан на неправильном толковании норм материального права и не мог повлечь отмену решения суда, поскольку режим раздельной собственности супругов в Финляндии определен законом. Кроме того, суждения суда апелляционной инстанции о том, что при определении права, подлежащего применению к данным правоотношениям, необходимо руководствоваться российским законодательством, а именно, положениями п. 1 ст. 1205, п. 3 ст. 1209 ГК РФ, несо-

стоятельны, поскольку в данном случае спор вытекает из семейных правоотношений²⁴⁵.

После того как мы квалифицировали правоотношение и избрали компетентный статут, может возникнуть проблема квалификации тех понятий, которые образуют объем и привязку коллизионной нормы. Так, в частности, может встать вопрос об отнесении наследственного имущества к движимому или недвижимому, что может существенным образом повлиять на раздел наследства и его переход к наследникам. Российская Федерация в данном вопросе, в первую очередь, исходит из принципа *lex fori*, т.е. применяет российское право, если иное не вытекает из закона. Однако это далеко не все трудности, с которыми может столкнуться судья при разрешении наследственного спора. В процессе применения коллизионной нормы может возникнуть так называемая «обратная отсылка», которая происходит из того, что в праве различных стран существуют коллизионные нормы одинаковые по объему (регулирующие одни и те же правоотношения) и различные по коллизионным привязкам (указывающие на применение иного принципа выбора применимого права). Что касается разрешения данной проблемы, то каждое государство имеет свой подход к ее урегулированию. Российская Федерация исходит из общего положения о непризнании обратной отсылки, за исключением вопросов, связанных с определением правового положения физического лица (ст. 1190 ГК РФ). Можно привести пример, свидетельствующий о реализации данного нормативного закрепления.

Так, рассматривалось дело № 2-1904/2020, по которому истцы обратились в суд с иском о признании за ними права собственности на денежные вклады в порядке наследования после смерти их отца, сославшись на невозможность рассмотрения возникшего спора во внесудебном порядке. Проблема заключалась в том, что их отец, являясь гражданином России, постоянно проживал в Германии и имел денежные вклады на счетах в российском банке, на которые претендовали истцы, являясь согласно ст. 1142 ГК РФ наследниками первой очереди. Поскольку наследодатель умер в Германии, в этой же стране было открыто наследство, а также выдано свидетельство о праве на наследство на имущество (денежные вклады) по месту последнего жительства умершего. Коллизия в указанном деле заключается в том, что российское законодательство, а именно ст. 1224 ГК РФ, указывает, что отношения по наследованию должны определяться в соот-

---

²⁴⁵ Определение Верховного Суда РФ от 21.01.2014 № 78-КПЗ—35// [http://bstudy.net/935984/pravo/sudebnaya_praktika_delam_nasledovaniy_uchastiem_inostran_nogo_elementa?ysclid=lgm/\(дата обращения 18.04.2023\)](http://bstudy.net/935984/pravo/sudebnaya_praktika_delam_nasledovaniy_uchastiem_inostran_nogo_elementa?ysclid=lgm/(дата обращения 18.04.2023))

ветствии с правом того государства, где наследодатель имел последнее место жительства, т.е. в соответствии с правом Германии. В свою очередь, законодательство Германии, наоборот, согласно ст. 25 Вводного закона к Гражданскому уложению Германии, обязывает применять к данным отношениям право той страны, гражданином которой в момент смерти являлся наследодатель. Исходя из материалов дела, истцы приняли наследство в Германии и получили свидетельство о праве на наследство. Когда они в качестве наследников обратились в российский банк для получения наследства в виде денежных вкладов, банк им отказал, мотивировав это тем, что для выдачи наследства необходимо предоставить банку свидетельство о праве на наследство, выданное в России, а не в Германии. Данное требование было обусловлено тем, что в настоящем деле наследственные отношения должны рассматриваться именно по российскому праву, т.к., по их мнению, действует обратная отсылка, которая отсылает к праву России, устанавливающему правовое положение физического лица. Российский нотариус отказал в получении свидетельства на том основании, что умерший постоянно проживал в Германии, и в связи с этим открытие наследства было произведено там.

Суд, признав наличие коллизии в законе, из-за которой истцы не смогли нотариально оформить наследственные права по российскому праву, принял решение об удовлетворении иска о признании права собственности за истцами на все денежные вклады, принадлежащие наследодателю²⁴⁶. Таким образом, как отмечает Д.А. Васильев, возникшая ситуация является ярким примером обратной отсылки, которая мешала реализовать наследникам свои наследственные права и затрудняла им процесс принятия наследства, которое было связано с правопорядками нескольких стран²⁴⁷.

Однако, на наш взгляд, нельзя согласиться ни с утверждением представителей банка, о том, что в данном случае возникла проблема обратной отсылки, поскольку вопрос не касался правового положения физических лиц, ни с решением нотариуса, который отказал наследникам в открытии наследства на территории Российской Федерации и таким образом лишил их возможности получить свидетельство о праве на наследство в России. На случай, если наследодатель, обладавший имуществом на территории Российской Федерации, имеет место жительства за ее пределами или место его жительства неизвестно, российский законодатель предусмотрел воз-

---

²⁴⁶ Решение Ленинского районного суда Курской области от 30.01.2020 по делу № 2-1904/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: / (дата обращения: 18.04.2023)

²⁴⁷ Васильев Д.А. Особенности рассмотрения гражданских дел с иностранным элементом (на примере института обратной отсылки) // ЭПОМЕН. 2021. № 54. С.133.

возможность открытия наследства на территории нашей страны. Так, в соответствии со ст. 1115 ГК РФ «...местом открытия наследства признается место нахождения такого наследственного имущества...».

Как мы видим, посредством применения коллизионной нормы в качестве применимого может быть избрано иностранное право. В этом случае наступает следующий сложный этап для правоприменителя – по установлению его содержания.

Как справедливо отмечает А.В. Грибанов, установление содержания иностранного права является «болезненным вопросом» судебного разбирательства не только в России, но и за рубежом. Как известно, от судьи, рассматривающего спор, нельзя требовать знания норм иностранного права наравне с нормами национального права, действующего в стране, где осуществляется разбирательство²⁴⁸.

Наш законодатель ставит перед судьей еще более сложную с практической точки зрения задачу, поскольку установление содержания норм иностранного права не должно ограничиваться обращением к переводам соответствующего нормативного источника – необходимо учитывать его официальное толкование, практику применения подлежащей применению нормы, а также научную доктрину. Очевидно, что, используя предоставленные способы, закрепленные в п. 2 ст. 1191 ГК РФ, получить достоверную совокупную информацию о содержании иностранного права, достаточно трудно. Однако российский законодатель в данной ситуации предусматривает возможность применения российского права (*lex fori*), если все же предпринятые судом усилия в разумные сроки не привели к положительному результату (п. 3. ст. 1191 ГК РФ).

Как отмечает Л.Д. Зазулина, довольно естественной реакцией правоприменителей на складывающуюся ситуацию становится стремление уйти от сложностей, связанных с применением иностранного права в пользу хорошо знакомого своего-российского права. У правоприменителя возникает мысль: какое из зол окажется меньшим – применить иностранное право даже в случае неуверенности в его полном и правильном установлении либо российского права несмотря на указание коллизионной нормы в пользу иного?

С одной стороны, применение «суррогата» иностранного права незаконно и может привести к неадекватным результатам правопреемства. С другой стороны, применение вместо предписанного иностранного права национальных норм подрывает как правовую определенность, необходи-

---

²⁴⁸ Грибанов А.В. Установление содержания иностранного права при разрешении споров в государственных судах и в международном коммерческом арбитраже // Вестник международного коммерческого арбитража. № 1. 2012. С. 9.

мую гражданам для планирования наследственной передачи в соответствии с собственной волей, так и смысл коллизионного регулирования наследования в целом²⁴⁹.

Сегодняшние реалии современного мироздания все чаще вынуждают общество привносить в нашу жизнь новые конструкции регулирования тех или иных отношений, среди которых наследственные правоотношения не являются исключением. Доказательством и ярким примером данного факта выступают нововведения, касающиеся наследования по завещанию в Российской Федерации, заимствованные из права зарубежных государств. Однако на первый взгляд, кажущиеся позитивными новые возможности для граждан распоряжения своим имуществом на случай смерти, содержат в себе много вопросов и не разрешенных проблем, которые могут в результате повлечь дополнительные споры между наследниками.

Одной из таких новых конструкций в наследственном праве России является совместное завещание супругов, которое разрешено совершать с 1 июня 2019 г., в связи с вступлением в силу Федерального закона № 217 от 19 июля 2018 года «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации». Данный вид завещания уже давно существует во многих странах (Англии, Латвии, Германии, Украине).

В законодательстве зарубежных стран имеются такие типы совместных завещаний, как «общее завещание» и «взаимное завещание». Так, согласно ГК Украины о совместных завещаниях супругов, до тех пор, пока супруги живы, они могут совместно отменить ранее составленное такое завещание. Однако если один из супругов умирает, то с имуществом, указанным в завещании супругов, уже ничего нельзя сделать – ни продать, ни оформить наследство. Второй супруг не вправе совершать какие-либо действия с имуществом. Исходя из жизненных обстоятельств это весьма здраво. Например, умирает один из родителей, второй через определенное время регистрирует новый брак, и возникают проблемы. Если же наследник указан в завещании супругов, то после смерти одного из супругов он в любом случае гарантированно наследует имущество. В этих странах уже давно и успешно реализуются завещания от двух лиц, причем в некоторых случаях граждане могут не являться супругами и не иметь никакого родства между собой.

Вроде бы все должно быть хорошо. Теперь супруги могут совместно завещать, в частности, их общее имущество кому-либо из указанных ими

---

²⁴⁹ Зазулина Л.Д. Установление содержания иностранного права в трансграничных наследственных делах: международная правовая помощь и альтернативные пути преодоления трудностей // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 4. С. 45.

лиц, тем самым нотариусу не придется сначала выделять в таком имуществе доли каждого из супругов для призвания к наследству их потенциальных наследников. Но не все так просто.

Во-первых, в абз. 5 п. 4 ст. 1118 ГК РФ указано, что один из супругов вправе совершить последующее завещание, а также отменить совместное завещание, в том числе и после смерти другого супруга. На первый взгляд, все логично, соблюдено правило о свободе завещательных распоряжений, однако при таком условии сама конструкция совместного волеизъявления по передаче имущества определенному назначенному совместно лицу, теряет всякий смысл и не содержит правовых гарантий распределения имущества. Такого же мнения придерживается Н.Н. Костюк, говоря о том, что данное изменение абсолютным образом создаст почву для увеличения споров по наследованию уже в ближайшее время. Внесенное законодателем правило имеет деструктивный характер, так как нарушает суть и логику совместного завещания, что, в свою очередь, противоречит справедливой системе наследования²⁵⁰.

Следует также отметить, что законодательство разрешает супругам составлять последующие индивидуальные открытые или закрытые завещания, которые могут изменять наследственную массу, ее распределение между наследниками, изменять состав наследников. Становится непонятной ситуация: будет ли новое, личное завещание отменять совершенное совместно только в той части, в которой оно противоречит предыдущему или полностью? Гражданский кодекс не содержит прямого ответа на данный вопрос, только устанавливая, что в случае составления иного завещания одним из супругов, нотариус должен уведомить другого супруга об этом²⁵¹. Более того, законодатель нигде не зафиксировал порядок и способы уведомления нотариусом второго супруга о данном факте.

Во-вторых, в п. 2 ст. 1119 ГК РФ говорится о том, что завещатель не обязан сообщать кому-либо о содержании, совершении, изменении или отмене завещания. Таким образом, следовало бы дополнить его положениями, что при совершении последующего завещания при наличии совместного завещания, супруг должен быть уведомлен о новом завещании надлежащим образом.

В-третьих, если проанализировать смысловую часть совершения совместного завещания супругов, то, конечно, на первый план выходит

---

²⁵⁰ Костюк Н.Н. Инновационные изменения в наследственном праве РФ, влияющие на степень защищенности имущественных прав граждан / Н.Н. Костюк // Электронное сетевое издание «Международно-правовой курьер». 2020. № 5. С. 22

²⁵¹ Костикова Г.В. Институт совместного завещания в российском и зарубежном праве / Г.В. Костикова // Нотариус. 2019. № 7. С. 29.

идея наследования общего совместно нажитого имущества, распределение которого происходит автоматически, без выделения супружеских долей, в руки того наследника, который указан в таком завещании. Однако и в данной ситуации могут возникнуть дополнительные проблемы, которые только усложнят процесс наследования, а не облегчат его. Так, если у одного из супругов был обязательный наследник, который находился на его иждивении, и он не упомянут в совместном завещании, в итоге нотариусу все равно придется разбираться с упорядочением таких отношений. Наследственное имущество должно подвергнуться дроблению, чтобы четко определить наследственную массу одного из супругов из которой должна быть выделена обязательная доля.

Тоже самое касается случаев признания одного или нескольких наследников недостойными и, соответственно, лишения их части наследства того или иного супруга. Поэтому, на наш взгляд, совместное завещание супругов еще не скоро займет приоритетное место среди иных видов завещательных распоряжений. Факт того, что сами нотариусы пока еще не совсем готовы к оформлению таких завещаний, является тому подтверждением.

Особое внимание следует уделить коллизионному регулированию данного инструмента. Наше законодательство содержит всего одну статью – 1224 ГК РФ, касающуюся разрешения коллизионных вопросов в сфере наследования. Так, вопросы, относящиеся к способности лица к составлению и отмене завещания, а также формы такого завещания или акта его отмены определяются по праву страны, где завещатель имел место жительства в момент составления такого завещания или акта. К сожалению, законодатель не побеспокоился и не предусмотрел варианта выбора применимого права на случай совершения совместного завещания супругов.

Конечно, можно провести аналогию применения закона и в качестве коллизионного принципа воспользоваться принципом совместного места жительства супругов, но что делать когда такого совместного места жительства супруги не имеют или не имели?

Следующим правовым институтом, заимствованным из зарубежного права, в частности, Германии, является наследственный договор, который, по сути, стал третьим основанием наследования. Да, конечно, данная конструкция наиболее удобна с позиции ее сравнения с завещанием тем, что указанные в нем наследники могут требовать исполнения обязанностей по данному договору сразу после смерти наследодателя, не дожидаясь выдачи свидетельства о праве на наследство, т.е. только через шесть месяцев.

Как отмечает И.Н. Перемышленникова, наследственный договор представляет собой форму прижизненного распоряжения имуществом его

собственником (на случай своей смерти) по согласованию с потенциальными наследниками и иными лицами, которые могут призываться к наследованию.

Важно отметить, что права и обязанности, изложенные в договоре о наследовании, не могут быть отчуждены или иным образом переданы. Последствия, предусмотренные в договоре о наследовании, могут быть получены в зависимости от событий сторон, от времени заключения наследственного соглашения и открытия наследства.

С помощью наследственного договора стало возможным распоряжаться имуществом не только в одностороннем порядке, но и путем двусторонней сделки. Таким образом, наследник может приобретать имущество путем выполнения определенного обязательства или наступления определенного события.

Однако, на наш взгляд, данный институт также содержит ряд недоработок. Как отмечает Е.С. Путилина, следует обратить внимание на тот факт, что ст. 1140.1 ГК РФ содержит нормы о душеприказчике, которым по смыслу ст. 1134 ГК РФ является лицо, указанное в завещании («исполнитель завещания»), а не в наследственном договоре.

Поскольку с учетом рассматриваемых изменений в ГК РФ в каждом заключенном наследственном договоре и совершенном завещании наследодателем может быть назначен отдельный душеприказчик, представляется, что необходима корректировка соответствующих норм права с целью более точной конкретизации правового статуса такого субъекта как «душеприказчик»²⁵².

Немаловажным аспектом с практической точки зрения является понимание иерархии действия того или иного составленного акта о наследовании: индивидуального завещания, наследственного договора, а также совместного завещания супругов. Причем каждый из этих актов может быть совершен не единожды. И какой из них в итоге будет действовать при открытии наследства – вопрос, на который четкого ответа законодатель не дает.

Как указывает Н.Н. Костюк²⁵³, наследственный договор будет иметь приоритет над завещанием. При этом, в отличие от завещания, где действуют правила о главенстве последнего составленного завещания (в той части, в которой оно отменяет предыдущее), в отношении наследственного

---

²⁵² Путилина Е.С. Наследственный договор как основание наследования: анализ новелл законодательства / Е.С. Путилина // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 12 (103). С. 102

²⁵³ Костюк Н.Н. Инновационные изменения в наследственном праве РФ, влияющие на степень защищенности имущественных прав граждан / Н.Н. Костюк // Электронное сетевое издание «Международно-правовой курьер». 2020. № 5. С. 24

договора складывается обратная ситуация, а именно, действительным признаётся наследственный договор, который был составлен первым.

Однако в полной мере с таким утверждением согласиться нельзя, поскольку законодатель, указывая о приоритете наследственного договора перед завещанием, упоминает только о совместном завещании супругов (абз. 3 п. 5 ст. 1140.1). Данная коллизия может серьезно осложнить разрешение наследственных отношений, выходящих за рамки одного государства, помимо того, что их регулирование и так является крайне сложным и трудоемким процессом, в рамках которого могут возникнуть различные трудности, начиная с выбора компетентного источника, применимого права, а также, связанные с возможной постановкой предварительного (побочного вопроса), установлением содержания иностранного права и др.

После заключения такого договора наследодатель вправе совершать любые сделки в отношении принадлежащего ему имущества, что, безусловно, вызывает определенные сомнения у профессиональных юристов.

Таким образом, можно сделать вывод, что наследственный договор в том виде, в котором он представлен на данном этапе, в значительной мере оберегает права именно наследодателя, при этом фактически ставит наследников в достаточно шаткое положение.

Наследственный договор как новый инструмент совершения волеизъявления наследодателя в отношении своего имущества представляет собой своего рода опыт, для которого, по сути, еще не подготовлена правовая почва и отсутствует сама необходимость появления данного института в российском наследственном праве²⁵⁴.

На наш взгляд, совершенно необходимо в ГК РФ предусмотреть самостоятельную главу, посвященную наследованию по наследственному договору и более тщательно проработать нормативный потенциал в данной сфере.

Вводя такой институт в российское право, законодатель должен был позаботиться и о полноценном его коллизионно-правовом регулировании, внося соответствующие дополнения в Раздел VI Части III Гражданского кодекса Российской Федерации. Следует согласиться с Э.Г. Пилипсоном²⁵⁵, с тем, что, по сути, наследственный договор имеет двойственную правовую природу, включая в себя элементы завещания и договора, и не может быть урегулирован исключительно классическими наследственны-

---

²⁵⁴ Гаджиев А.А. Наследственный договор в правопорядках различных стран / А.А. Гаджиев, Г.В. Гудименко // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 3. С. 194

²⁵⁵ Пилипсон Э.Г. Договорное наследование – необходимость создания специфического правового регулирования / Э.Г. Пилипсон // Государство и право. 2017. № 2. С. 90

ми коллизионными привязками «lex personalis» и «lex rei sitae». Более логичным в этом случае было бы обращение к коллизионным принципам договорного права, основным из которых выступает, несомненно, автономия воли сторон – «lex voluntatis».

Таким образом, внесенные новеллы наследственного права, по мнению Л.В. Щенниковой, вступают в противоречие положениям цивилистической теории. Отечественное регулирование основывается на выделении имущественных отношений, а представленные конструкции нивелируют их самостоятельность, превращая их в гибрид с обязательственными²⁵⁶.

На наш взгляд, законодателю в любой сфере регулирования отношений, а тем более в наследственной, необходимо очень четко понимать и осознавать значение своих действий, которые могут повлечь крайне негативные последствия для граждан не только своей страны, но и в контексте трансграничных правоотношений – для лиц, состоящих в другом гражданстве (или в отсутствии него) и не спешить с их реализацией.

В заключении следует отметить, что процесс разрешения наследственных споров, осложненных иностранным элементом, является крайне трудоемким и многогранным, что, в свою очередь говорит о необходимости постоянного анализа принципов судопроизводства и судебной практики для наиболее эффективной реализации наследственных прав.

§ 2. Установление содержания иностранного права судом: новые возможности в условиях правовой информатизации

В последние десятилетия отечественные суды, в особенности арбитражные, рассматривают все больше дел с участием иностранных лиц.

В таких делах к существу спора может применяться не только отечественное, но и иностранное материальное право. В частности, коллизионные нормы допускают применение иностранного права в следующих случаях:

к правам и обязанностям по договору – применяется право, выбранное сторонами, право страны, где на момент заключения договора находится место жительства или основное место деятельности стороны, которая осуществляет исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора, и т.д. (ст. 1210, 1211 ГК РФ²⁵⁷), к обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда, – применяется право страны, выбранное сторонами обязательства; право страны, где имело место дей-

---

²⁵⁶ Щенникова, Л.В. Новеллы наследственного права в свете сравнительного анализа и перспектив нотариальной практики / Л.В. Щенникова // Нотариальный вестник. 2015. № 11. С. 13-14

²⁵⁷ Гражданский кодекс РФ (часть 3) от 26.11.2001 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства. 2001. № 49. Ст. 4552.

ствие или иное обстоятельство, послужившие основанием для требования о возмещении вреда, и т.д. (ст. 1219 ГК РФ),

к обязательствам, возникающим вследствие неосновательного обогащения, – применяется право страны, выбранное сторонами обязательства; право страны, где обогащение имело место, и т.д. (ст. 1223 ГК РФ),

к личным неимущественным и имущественным правам и обязанностям супругов – применяется законодательство государства, избранное супругами при заключении брачного договора или соглашения об уплате алиментов; законодательство государства, на территории которого они имеют совместное место жительства и т.д. (ст. 161 СК РФ²⁵⁸).

При этом следует отметить, что количество двусторонних коллизионных норм, а также случаев допущения выбора применимого права самими участниками частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, с принятием части 3 ГК РФ и СК РФ, внесением изменений и дополнений в часть 3 ГК РФ в 2013 г. существенно возросло, в связи с чем отечественные суды столкнулись с проблемой установления содержания иностранного права²⁵⁹.

Законодательство называет несколько способов установления судом содержания иностранного права:

1) обращение в установленном порядке за содействием и разъяснением в Министерство юстиции Российской Федерации и иные компетентные органы или организации в Российской Федерации и за границей,

2) привлечение экспертов,

3) содействие лиц, участвующих в деле (ст. 14 АПК РФ²⁶⁰, ст. 1191 ГК РФ, ст. 166 СК РФ).

Однако, закрепляя способы установления содержания иностранного права, законодательство не указывает на генеральный способ. Представляется, что для его определения следует исходить из той цели, которую преследовал законодатель при формулировании соответствующих положений. Она видится в стимулировании самих сторон в условиях состязательного процесса предоставлять сведения о применимом праве. Поэтому по спорам, связанным с осуществлением сторонами предпринимательской деятельности, генеральным способом установления содержания иностранного права должно выступать содействие лиц, участвующих в деле. В том случае, если

---

²⁵⁸ Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

²⁵⁹ Алешина А.В., Косовская В.А. Разрешение российскими судами частноправовых споров, осложненных иностранным элементом: проблемы применения иностранного права // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2022. № 2 (46). С. 43.

²⁶⁰ Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства. 2002. № 30. Ст. 3012.

спор не связан с осуществлением сторонами предпринимательской деятельности, либо хотя и связан, но сторонами представлены противоречивые сведения о содержании норм иностранного права либо не представлены вовсе, суд может прибегнуть к иным способам установления его содержания: обратиться в компетентные органы либо привлечь экспертов²⁶¹.

В последние годы участники споров, прежде всего, в сфере предпринимательской деятельности, все чаще содействуют суду в установлении норм иностранного права. Объясняется это несколькими причинами:

1) доступностью для сторон сведений об иностранном праве. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом»²⁶² разъяснено, что к сведениям о содержании норм иностранного права могут относиться: тексты иностранных правовых актов, ссылки на источники опубликования иностранных правовых актов, заключения о содержании норм иностранного права, подготовленные лицами, обладающими специальными познаниями в данной области (п. 44).

2) большей предсказуемостью исхода судебного разбирательства при заблаговременном установлении содержания применимых норм. Наличие у стороны информации о содержании иностранного права до возбуждения дела в суде позволяет ей заранее оценить степень обоснованности своей правовой позиции и избежать подачи бесперспективного иска;

3) невозможностью без знания содержания иностранных норм права предъявить исковое заявление. В исковом заявлении, подаваемом в арбитражный суд, должны быть указаны требования истца к ответчику со ссылкой на законы и иные нормативные правовые акты (ч. 2 ст. 125 АПК РФ). Получается, что истец, составляя исковое заявление, должен располагать сведениями о содержании норм иностранного права.

4) возможностью возложения на стороны обязанности по предоставлению сведений об иностранном праве. По требованиям, связанным с осуществлением сторонами предпринимательской деятельности, обязанность по предоставлению сведений о содержании норм иностранного права может быть возложена судом на стороны (п. 2 ст. 1191 ГК РФ, ч. 2 ст. 14 АПК РФ).

Сторона, не исполнившая возложенную на нее судом обязанность по представлению сведений о содержании норм иностранного права, не впра-

---

²⁶¹ Малкин О.Ю. Установление содержания иностранного права судом: проблемы правового регулирования и правоприменения // Российское правосудие. 2015. № 7. С. 21.

²⁶² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом" // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 8.

ве впоследствии ссылаться на неустановление арбитражным судом содержания норм иностранного права, если арбитражный суд предпринял достаточные меры для его установления (п. 44 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23).

5) сокращением срока рассмотрения дела в суде. Подготовка документов, подтверждающих содержание норм иностранного права, может осуществляться до предъявления иска в суд, указанные документы могут быть приложены к исковому заявлению (отзыву на иск) либо приобщены в предварительном судебном заседании, в связи с чем у суда не будет необходимости откладывать судебное разбирательство или приостанавливать производство по делу (что может иметь место в случае обращения с запросом в компетентные органы или привлечении экспертов для установления содержания иностранного права);

Круг субъектов реализации права на содействие суду в установлении содержания иностранного права процессуальным законодательством не ограничен. Соответствующие документы вправе представлять как стороны, истец и ответчик, так и иные лица, участвующие в деле. Практический интерес содействие суду в установлении содержания иностранного права может иметь для третьих лиц, поскольку вынесенное по спору судебное постановление может иметь преюдициальное значение при рассмотрении другого дела (ст. 61 ГПК РФ, ст. 69 АПК РФ).

Наиболее часто стороны предоставляют в подтверждение своих доводов и возражений заключения иностранных специалистов, в связи с чем возникает вопрос о содержании и оформлении данных документов.

При определении требований к содержанию заключения иностранного специалиста представляется возможным руководствоваться разъяснениями Верховного Суда РФ применительно к заключению эксперта о том, что недопустима постановка перед ним вопросов не о содержании норм иностранного права, а о правовой оценке отношений сторон и представленных доказательств (п. 45 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 № 23). Поэтому содержанием заключения специалиста также не может выступать правовая оценка отношений сторон и представленных доказательств, в нем должны быть ссылки на нормы права, практику их официального толкования и применения, включая разъяснения судебных инстанций, примеры разрешения сходных конфликтных ситуаций, поддержки из правовой доктрины.

По мнению Д.А. Хоцанова, исходя из буквального толкования ч. 6 ст. 75 АПК РФ аффидевит иностранного частного лица, в том числе адвоката, должен быть легализован. Вместе с тем следует учитывать, что хотя Конвенция, отменяющая требование легализации иностранных документов

1961 г.²⁶³, распространяется исключительно на официальные документы, в числе последних названы и нотариальные акты (ст. 1 Конвенции), поэтому аффидевит, составленный иностранным частным лицом, может быть освобожден от легализации и апостилирован при условии его нотариального удостоверения. Если же между Россией и иностранным государством заключен международный договор, отменяющий требование легализации и апостилирования, для представления аффидевита достаточно его нотариально удостоверить²⁶⁴.

Иного мнения придерживается Ю.А. Тимохов. Он считает, что нет оснований для требования о легализации аффидевита или удостоверения посредством проставления апостиля, поскольку юрист не является органом или должностным лицом, подчиняющимся юрисдикции государства в смысле ст. 1 Конвенции 1961 г.²⁶⁵

В последние годы именно такая позиция все чаще находит подтверждение в судебной практике.

Так, по одному из дел суд указал, что являются необоснованными доводы ответчика о необходимости легализации путем проставления апостиля перевода представленного истцом юридического заключения, подготовленного для суда компанией «Бервин Лейтон Пейзнер ЛЛП».

Легализация или проставление апостиля в силу положений п. 1 ст. 255 АПК РФ необходима в отношении документов, выданных, составленных или удостоверенных компетентным органом иностранного государства в отношении российских организаций и граждан или иностранных лиц.

Заключение, представленное истцом, по применимому иностранному праву, не относится к указанным документам, выданным в отношении организации или лиц, а относится к доказательствам в силу ст. 75 АПК РФ и абз. 2 ч. 2 ст. 1191 ГК РФ, следовательно, к порядку его оформления подлежит применению положения ч. 2 ст. 255 АПК РФ о необходимости предоставления документов, составленных на иностранном языке, с надлежащим образом заверенным переводом на русский язык. Заключение представлено с нотариально удостоверенным переводом на русский язык и является в силу ст. 75 АПК РФ надлежащим и допустимым доказательством по делу, устанавливающим содержание норм применимого английского права²⁶⁶.

---

²⁶³ Конвенция, отменяющая требование легализации иностранных документов (Гаага, 05.10.1961 г.) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=home> (дата обращения: 10.05.2023).

²⁶⁴ Хоцанов Д.А. Установление содержания иностранных правовых норм в международном частном праве. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 180-182.

²⁶⁵ Тимохов Ю.А. Иностранное право в судебной практике / Ю.А. Тимохов. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 99-100.

²⁶⁶ Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 10.11.2010 г. № КГ-А40/13062-10. См. также: Решение Арбитражного суда г. Москвы от 8.11.2010 г. по делу № А40-91200/10-10-693. Все документы см.: Справочно-

Законодательство не ограничивает круг лиц, от имени которых может составляться заключение. Как правило, это адвокаты, но судом вполне может быть принято заключение иных специалистов, в том числе научных работников.

Например, при рассмотрении одного из дел судебная коллегия при установлении содержания норм турецкого законодательства не нашла оснований считать недостоверным источником представленное истцом юридическое заключение адвоката Айчи Аранчи относительно содержания отдельных статей Кодекса обязательств Турции 1926 года.

Довод апелляционной жалобы относительно отсутствия сведений о регистрации в реестре адвокатов иностранных государств лица, заключение которого представлено истцом, не был признан состоятельным. Суд указал на то, что закон (ст. 1191 ГК РФ) не предусматривает обязательных квалификационных требований к источнику установления содержания норм иностранного права²⁶⁷.

При представлении стороной заключения специалиста о содержании иностранного права, а особенно, если в деле имеются противоречивые сведения о содержании иностранного права, арбитражный суд должен всесторонне оценить представленные заключения. В этой связи следует поддерживать подход судов, выясняющих стаж и другие обстоятельства, характеризующие квалификацию специалиста, подготовившего заключение о содержании иностранного права.

Так, по одному из дел суд отметил, что в обоснование требований по нормам права Англии истец сослался на заключение английского адвоката (солиситора) Верховного суда Англии и Уэльса, действительного полного члена Юридического общества Англии с 2005 года, магистра прав Оксфордского университета, автора ряда публикаций по вопросам английского права в журналах Британии Александра Трухтанова (компания Эйкин, Гамп, Страус, Хауэр энд Фэлд ЛЛП)²⁶⁸.

Вместе с тем при установлении содержания норм иностранного права следует иметь в виду, что для последней четверти XX века характерна цифровизация и информатизация системы права. Компьютерные технологии активно используются при представлении законодательства в элек-

---

правовая система «Консультант Плюс»: URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=home> (дата обращения: 10.05.2023).

²⁶⁷ Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.03.2009 г. по делу № А36-1180/2008 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=home> (дата обращения: 10.05.2023).

²⁶⁸ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.02.2011 г. № 09АП-34133/2010-ГК // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=home> (дата обращения: 10.05.2023).

тронной форме (реестр, банк данных, в том числе интернет-ресурс), при опубликовании и вступлении в юридическую силу нормативных правовых актов, при обеспечении доступа к действующему законодательству (в том числе опубликование принятых нормативных правовых актов в неофициальных информационно-справочных системах, на сайтах государственных органов, негосударственных организаций), в деятельности по систематизации законодательства²⁶⁹.

В этой связи сведения об иностранном праве становятся все более доступными для участников споров, в большинстве случаев им достаточно обратиться к официальным сайтам соответствующих государственных органов иностранного государства или официальным порталам правовой информации. При этом в ряде стран тексты законов публикуются не только на языке соответствующего государства, но и на английском языке, например, в Эстонии, что существенно облегчает перевод текстов.

Так, в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) ООО АК «ДерВейс» (далее – должник) ООО «Джили-Моторс» (далее – общество) обратилось в арбитражный суд с заявлением о включении в реестр требований кредиторов должника основного долга.

При первоначальном рассмотрении дела суды первой, апелляционной и кассационной инстанций (суд округа) отказали в удовлетворении требований.

Определением Верховного Суда РФ от 11.03.2021 г. судебные акты отменены, обособленный спор направлен на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Из обстоятельств дела следовало, что компании «Джили Интернэшнл Корпорейшн» (продавец), «Джили Интернэшнл Корпорейшн Тайчжоу Брэнч» (продавец) и должник (покупатель) заключили контракты на приобретение товаров (комплектующие для автосборочного производства легковых автомобилей марки GEELY на заводе покупателя в г. Черкесске).

В дальнейшем продавцы заключили с третьим лицом – российским обществом ряд соглашений уступки прав (требований) к должнику задолженности по договорам купли-продажи комплектующих для автосборочного производства легковых автомобилей.

Ссылаясь на неисполнение должником обязательств по оплате поставленного товара, общество обратилось в суд с заявлением о включении в реестр требований кредиторов должника основного долга.

---

²⁶⁹ Липень С.В. Законы о нормативных правовых актах стран СНГ – индикаторы процессов информатизации и цифровизации системы законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8. С. 22 – 33.

Должник заявил о пропуске обществом срока исковой давности для обращения с заявлением о взыскании задолженности.

Суды установили, что по вопросам исковой давности подлежит применению право Королевства Швеция.

В материалы обособленного спора представлен текст Закона Швеции от 29.01.1981 об исковой давности (1981:130) (Preskriptionslag (1981:130)). Данный текст Закона размещен на официальном сайте Парламента Швеции (Риксдага) <https://www.riksdagen.se/>.

Согласно разделу 2 указанного Закона срок исковой давности истекает через 10 лет после ее возникновения, если его действие не было прервано ранее. Срок исковой давности составляет три года для иска против потребителя, если иск касается товаров, услуг или других благ, которые коммерсант в рамках своей профессиональной деятельности предоставил потребителю для его индивидуального пользования. То же самое относится к иску к лицу, которое обратилось к поручителю для оплаты такого требования.

Согласно заключению специалистов по праву Швеции от 18.10.2019 по вопросам исковой давности с приложением к нему – шведским Законом об исковой давности, а также дополнительному заключению от 28.05.2020 по вопросам шведского права с запросом о его предоставлении и нотариально заверенным переводом, нормы права Швеции в отношении сроков исковой давности кодифицированы в Законе об исковой давности (1981:130). Основная норма Закона об исковой давности (1981:130) предусматривает, что никакой иск не может быть предъявлен по истечении десяти лет с момента возникновения основания для него (раздел 2 Закона). Кредитором также представлено заключение ведущего научного сотрудника Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук доктора юридических наук Толстых В.Л. от 29.05.2020. В соответствии с данным заключением вопросы исковой давности регулируются Актом Швеции об исковой давности 1981 года (Preskriptionslag (1981:130)). Срок исковой давности по общему правилу составляет 10 лет с момента возникновения права требования. Специальный срок исковой давности (3 года) установлен для исков потребителей, связанных с недостатками товара или услуги.

Оценив положения Закона Швеции об исковой давности (Preskriptionslag (1981:130)), учитывая заключения специалистов права Швеции, суды пришли к выводу о том, что в рассматриваемом случае срок исковой давности по требованию компании «Джилли Интернейшнл Корпорейшн» составляет 10 лет.

Согласно разделу 5 Закона Швеции об исковой давности течение срока исковой давности прерывается в следующих случаях: если должник

осуществляет платеж или признает требование иным образом; получает письменное требование долга или письменное напоминание о требовании от кредитора; кредитор предъявляет иск к должнику в суде, в королевской прокуратуре или в арбитражном разбирательстве, в деле о банкротстве или при заключении публичного соглашения.

Из заявления общества от 17.02.2015 о проведении обществом одностороннего зачета встречных однородных требований следует, что остаток задолженности перед кредитором составил 145 399 777,71 доллара США.

В письме от 03.03.2015 должник выразил согласие на проведение зачета встречных однородных требований, но на условиях перерасчета долга в рублях по курсу 1 доллар – 29 рублей.

Общество и должник 02.06.2015 подписали меморандум о намерениях, из которого следует, что должник также не возражает против зачета встречных однородных требований, но на условиях перерасчета долга в рублях по курсу 1 доллар – 29 рублей.

В письме от 28.10.2015 должник предлагал произвести зачет встречных однородных требований на его условиях.

Каждый из указанных документов представляет собой признание должником долга перед кредитором, что в силу раздела 5 Закона Швеции об исковой давности влечет за собой прерывание срока исковой давности и начало нового срока исковой давности.

Принимая во внимание, что заявление кредитора поступило в суд первой инстанции 15.08.2019, суды пришли к выводу о том, что срок исковой давности заявителем не пропущен²⁷⁰.

Из приведенного примера видно, что для кредитора было возможно представить непосредственно текст закона Швеции об исковой давности, который размещался на официальном сайте Парламента Швеции. Но он представил также несколько заключений иностранных и отечественных специалистов по вопросу применения исковой давности в соответствии с правом Швеции.

Другой способ установления содержания иностранного права – обращение в компетентные органы и организации также имеет свои преимущества:

1) достоверность представляемой информации. Компетентные орган или организация взаимодействуют с судом, в связи с чем практически исключена возможность оказания влияния на них лиц, участвующих в деле.

---

²⁷⁰ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 18.03.2022 по делу № А25-755/2019 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc> (дата обращения: 10.05.2023).

2) нецелесообразность возложения по спорам, не связанным с осуществлением предпринимательской деятельности (наследственным, семейным и т.д.), на стороны обязанности по предоставлению сведений, содержащих информацию о применимом законодательстве, поскольку они не обладают соответствующими ресурсами.

Правовой режим предоставления информации о законодательстве зарубежных стран и практике его применения различается в зависимости от запрашиваемых государств и органов (организаций).

В соответствии с Конвенцией СНГ о правовой помощи 1993 г.²⁷¹ правовая помощь оказывается, в том числе в части предоставления сведений о действующем или действовавшем на их территориях внутреннем законодательстве и практике его применения учреждениями юстиции. При этом органы юстиции взаимодействуют между собой через свои центральные, территориальные и иные органы, а запрашиваемая информация предоставляется на государственном языке договаривающихся сторон или на русском языке. Конвенция СНГ о правовой помощи 2002 г.²⁷² устанавливает в целом аналогичный режим предоставления правовой информации, однако для Российской Федерации данная конвенция в силу не вступила.

В двусторонних договорах о правовой помощи также могут содержаться положения о предоставлении правовой информации, при этом в некоторых договорах установлен упрощенный порядок предоставления правовой информации. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 3 Договора о правовой помощи с Монголией 1999 г.²⁷³ центральные органы по взаимному согласию вправе решить, что по отдельным вопросам учреждения юстиции Договаривающихся Сторон (в том числе суды) в приграничных регионах могут сноситься друг с другом непосредственно. Такой опыт оказания правовой помощи: не через центральные учреждения юстиции, а путем непосредственного взаимодействия с соответствующими учреждениями юстиции другой страны следует оценить положительно, поскольку его

---

²⁷¹ Конвенция СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минск, 22.01.1993 г.) (в ред. протокола от 28.03.1997 г.) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=home> (дата обращения: 10.05.2023).

²⁷² Конвенция СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Кишинев, 07.10.2002 г.) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=home> (дата обращения: 10.05.2023).

²⁷³ Договор о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам между Российской Федерацией и Монголией (Улан-Батор, 20.04.1999) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=home> (дата обращения: 10.05.2023).

применение способствует сокращению сроков предоставления правовой информации. В этой связи целесообразно при заключении или изменении (дополнении) договоров о правовой помощи с другими приграничными странами (Финляндией, Эстонией) закреплять в них правило о возможности непосредственного взаимодействия учреждений юстиции.

Кроме названных соглашений, действуют также межправительственные соглашения об обмене правовой информацией, соглашения о сотрудничестве и взаимодействии, обмене правовой информацией высших судебных органов отдельных стран СНГ.

Перечень органов и организаций, к которым может обратиться суд за содействием и разъяснением в порядке, установленном п. 2 ст. 1191 ГК РФ, является открытым. Прямо названо в их числе только Министерство юстиции РФ, но на основе анализа судебной практики в литературе называются также такие органы и организации в России и за рубежом, как Министерство иностранных дел РФ, посольства иностранных государств, научные учреждения, Торгово-промышленную палату РФ. Наиболее часто суды обращаются в Министерство юстиции РФ, что, однако, не всегда приводит к желаемому результату²⁷⁴.

Следует отметить, что когда компетентный орган или организация в России или за границей составляют свой ответ о содержании норм иностранного права, они также могут обращаться к сведениям, содержащимся в электронных ресурсах (официальных сайтах государственных органов, справочных правовых системах и т.д.), а не только к материалам на бумажных носителях. Поэтому можно говорить о том, что правовая информатизация облегчила составление ответов компетентными органами и организациями и, как следствие, реализацию данного способа установления содержания иностранного права судом.

Экспертиза как еще один способ установления содержания иностранного права обладает следующими преимуществами:

1) экспертное заключение содержит взаимосвязанные выводы о содержании норм права иностранного государства, а не разрозненную информацию, часто получаемую от компетентного органа или организации в ответ на запрос суда.

Так, в ходе разбирательства дела № А40-32173/97-46-538 судья Арбитражного суда г. Москвы направил в Министерство юстиции РФ запрос, в котором просил представить нормы материального права государства Израиль, регулирующие способы защиты гражданских прав, расторжение договоров, прекращение обязательств, обязательства купли-продажи и по-

---

²⁷⁴ Тимохов Ю.А. Указ. раб. С. 89-93.

ставки, ответственность за неисполнение обязательств, сроки исковой давности и дать разъяснения к этим нормам.

Ю.А. Тимохов, комментируя данное дело, указывает, что «ответ на такой запрос потребует огромного объема нормативного и иного материала»²⁷⁵. Очевидно и то, что кроме огромного объема материала, ответ на такой запрос может быть представлен в виде информации из различных источников, самостоятельно сопоставить которую для суда может оказаться затруднительным. В связи с этим запрос в компетентные органы и организации как способ установления содержания норм иностранного права имеет смысл использовать прежде всего в таких делах, по которым установлению подлежат нормы одного или нескольких институтов иностранного права, а структура иностранного права понятна для судьи. Если же речь идет о сложных случаях установления содержания иностранного права, целесообразно привлекать эксперта, который может дать ответы на вопросы с учетом фактических обстоятельств конкретного дела.

2) привлечение эксперта выступает единственным способом установления содержания иностранного права, при обращении к которому производство по делу может быть приостановлено, чем обеспечивается соблюдение сроков разбирательства дел в судах общей юрисдикции и арбитражных судах (ст. 216 ГПК РФ, ст. 144 АПК РФ). При использовании остальных способов установления содержания иностранного права суд имеет возможность откладывать рассмотрение дела в пределах сроков, отведенных на его рассмотрение законом. Сроки эти неодинаково регулируются в гражданском и арбитражном процессе: в судах общей юрисдикции, по общему правилу, они составляют два месяца (ст. 154 ГПК РФ), в арбитражных судах – по общему правилу, шесть месяцев, но при особой сложности дела этот срок может быть продлен до девяти месяцев (ст. 152 АПК РФ), а при участии в деле иностранных лиц, если эти лица находятся или проживают вне пределов Российской Федерации – до года (ст. 253 АПК РФ).

Вместе с тем, несмотря на допускаемую законодательством возможность привлечения экспертов в гражданском и арбитражном процессе в целях установления содержания иностранного права, высшими судебными инстанциями в последние годы были даны не вполне последовательные разъяснения на этот счет. Так, в п. 8 постановления Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе»²⁷⁶ говорится, что определяя

---

²⁷⁵ Тимохов Ю.А. Указ. раб. С. 80.

²⁷⁶ Постановление Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе» // Вестник ВАС РФ. – 2014. – № 6.

круг и содержание вопросов, по которым необходимо провести экспертизу, суд исходит из того, что вопросы права и правовых последствий оценки доказательств относятся к исключительной компетенции суда. Вместе с тем в целях установления содержания норм иностранного права суд может обратиться в установленном порядке за содействием и разъяснением в компетентные органы или организации либо привлечь экспертов. При привлечении лица, обладающего специальными знаниями в области иностранного права, в качестве эксперта суд руководствуется соответствующими положениями федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001 г. № 73²⁷⁷, а также нормами АПК РФ, регулируемыми вопросы назначения и проведения экспертизы. В то же время в п. 13 постановления Пленума ВС РФ «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» от 24.06.2008 г. № 11²⁷⁸ разъясняется, что в соответствии со ст. 79 ГПК РФ недопустима постановка перед экспертом (экспертами) вопросов правового характера, разрешение которых относится к компетенции суда. Подобный подход, не предусматривающий каких-либо исключений для дел, требующих установления содержания иностранного права, воспроизведен и в Обзоре судебной практики по применению законодательства, регулирующего назначение и проведение экспертизы по гражданским делам, утвержденном Президиумом ВС РФ по гражданским делам 14.12.2011 г.²⁷⁹ Очевидно, что разъяснения ВС РФ не могут сужать содержание правовой нормы, а значит, и суды общей юрисдикции вправе назначать экспертизу по вопросам установления содержания права иностранных государств.

В литературе предпринята попытка обосновать особый статус эксперта по вопросам установления содержания иностранного права. Л.П. Ануфриева считает, что аналогии между процессуальным положением эксперта по вопросам права и эксперта по вопросам установления факта не существует, поскольку иностранное законодательство не может считаться фактом в том смысле слова, которое имеет в виду процессуальный закон. В

---

²⁷⁷ Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001 г. № 73 (ред. от 01.07.2021 г.) // Собрание законодательства. – 2001. – № 23. – Ст. 2291.

²⁷⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» от 24.06.2008 г. № 11 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=home> (дата обращения: 10.05.2023).

²⁷⁹ Обзор судебной практики по применению законодательства, регулирующего назначение и проведение экспертизы по гражданским делам, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ по гражданским делам 14.12.2011 г. // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=home> (дата обращения: 10.05.2023).

этой связи она полагает, что если суд не удовлетворится заключением эксперта по вопросам факта, он может его проигнорировать, назначить дополнительную или повторную экспертизу. Презюмируемое знание судом собственного права оправдывает согласие либо несогласие его с заключением эксперта. В рамках же деятельности, основывающейся на презумпции отсутствия у суда обязанности знать иностранное право, подобный подход спорен²⁸⁰.

Представляется, что эксперт в области иностранного права не должен обладать особым статусом. Оценка его заключения должна осуществляться по общим правилам АПК РФ и ГПК РФ. При этом отсутствие знаний иностранного права не препятствует суду провести должным образом оценку заключения с учетом мнения лиц, участвующих в деле. Суд может оценить последовательность изложения содержания применимых норм, наличие официального и иного толкования спорных норм, практики их применения, а также допросить эксперта. В порядке подготовки к допросу эксперта суд может самостоятельно изучить информацию о содержании иностранного права, содержащуюся на сайтах государственных органов соответствующей страны, в ее справочных правовых системах.

Закон предусматривает определенные последствия, если содержание иностранного права, несмотря на предпринятые меры, в разумные сроки не установлено ни одним из вышеприведенных способов: в таком случае применяется российское право (п. 3 ст. 1191 ГК РФ, ч. 3 ст. 14 АПК РФ).

Анализ нормы, устанавливающей правовые последствия неустановления содержания иностранного права, позволяет заключить, что суд не может применять их произвольно. Применение российского права в случае неустановления содержания иностранного права возможно при обязательном соблюдении двух условий: 1) суд предпринимал должные меры к установлению содержания применимого права; 2) содержание применимого права не было установлено в разумные сроки.

Принятие судом должных мер к установлению содержания иностранного права означает, что суд не ограничился при этом возложением обязанности по предоставлению сведений об иностранном праве на стороны спора или применением какого-либо одного другого способа установления содержания иностранного права, а последовательно обратился к нескольким способам установления его содержания.

В настоящее время этот вывод следует из п. 44 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных ино-

---

²⁸⁰ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья (постатейный) / Отв. ред. Л.П. Ануфриева. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 404.

странным элементом», в котором говорится: «Возложение данной обязанности на стороны не означает освобождения суда от обязанности по установлению содержания норм иностранного права».

Из материалов одного дела, рассмотренного Арбитражным судом Республики Карелия, следовало, что организация обратилась с заявлением о включении в реестр кредиторов требований, основанных на внешнеэкономической сделке. При этом стороны данной сделки выбрали шведское право в качестве применимого к сделке. Определением суда отказано в установлении одного требования.

Апелляционная инстанция определение суда первой инстанции оставила без изменения.

Кассационная инстанция определение суда первой инстанции в части отказа во включении в реестр требований кредиторов должника спорного требования и постановление суда апелляционной инстанции отменила. Дело в этой части направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции. При этом кассационная инстанция указала, что при новом рассмотрении заявления суду надлежит исследовать вопрос о праве, применимом при рассмотрении указанного требования, и предпринять предусмотренные законом меры по установлению содержания норм иностранного права.

Суд первой инстанции, вновь рассматривая заявление, определил, что при его рассмотрении по существу должно применяться шведское право, поскольку именно его согласовали стороны договора. В целях установления содержания норм применимого права суд подготовил судебное поручение в уполномоченный государственный орган Швеции о предоставлении соответствующих разъяснений. Текст судебного поручения направлен в адрес заявителя, ему предложено представить в суд заверенный в установленном порядке перевод судебного поручения на шведский язык. Заявитель отказался представить в суд перевод судебного поручения.

По указанной причине направление судебного поручения стало невозможным, в связи с чем суд обратился за разъяснением содержания соответствующих норм иностранного права в Министерство юстиции РФ. Однако оно сообщило, что запрошенными сведениями не располагает.

В связи с тем, что предпринятые судом меры не позволили установить содержание норм права Швеции по соответствующему вопросу, а также учитывая, что рассматриваемое требование связано с осуществлением сторонами предпринимательской и иной экономической деятельности, определением суда обязанность доказывания содержания норм права Швеции по указанному вопросу возложена судом на заявителя.

На определение суда заявитель письмом сообщил, что отказывается содействовать суду в установлении подлежащих применению норм права Швеции.

Поскольку, несмотря на принятые судом меры, содержание норм права Швеции по указанному вопросу в разумные сроки не установлено, суд при разрешении требования применил нормы российского права и Определением от 1.06.2015 г. требование заявителя было установлено как обеспеченное залогом оборудования²⁸¹.

В данном случае следует согласиться с применением судом российского права, поскольку возложение обязанности по предоставлению сведений о содержании иностранного права на заявителя и обращение в Минюст России не дали положительного результата²⁸².

В то же время известны случаи, когда суды «быстро» переходят к применению российского права, не обращаясь к альтернативным способам установления содержания иностранного права. Особенно это касается практики судов общей юрисдикции, в которой можно найти примеры того, как при отказе стороны спора содействовать суду в установлении содержания иностранного права суд сразу применяет российское право.

Так, иностранная компания, учрежденная в соответствии с правом специального административного района Гонконг (КНР), обратилась в суд с иском к Х.Т., Л.Р. о солидарном взыскании денежных средств по договору займа, процентов на сумму займа, указывая на то, что в г. Кенгидо, Корея, между истцом и гражданином РФ Х.Т. был заключен договор займа. Истец выполнил принятое на себя обязательство по предоставлению суммы займа, что подтверждается платежным поручением. Заемщик не выполнил принятых на себя обязательств, сумму займа к указанному в договоре сроку не возвратил.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении исковых требований, поскольку посчитал, что представленные истцом документы не являются достаточными и бесспорными доказательствами получения Х.Т. денежных средств от истца по сделке.

Суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции и принял новый судебный акт об удовлетворении исковых требований. При этом к существу спора применил российское право, а не право Гонконга, которое подлежало применению на основании ст. 1211 ГК РФ.

---

²⁸¹ Определение Арбитражного суда Республики Карелии от 1.06.2015 г. по делу № А26-269/2013. – URL: <https://rospravosudie.com/court-as-respubliki-kareliya-s/judgemishkina-v-s/act-319901553> (дата обращения: 10.05.2023).

²⁸² Малкин О.Ю. Проблемы, возникающие при установлении судом содержания иностранного права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 2. С. 91.

Суд мотивировал это только тем, что «истцом не было представлено достаточных доказательств содержания норм права Гонконга по спорным правоотношениям»²⁸³.

Такой подход, когда суд ограничивается обращением только к одному из способов установления содержания иностранного права, не должен допускаться в практике судов. Особенно, если учесть, что возможности не только лиц, участвующих в деле, но и экспертов, а также компетентных органов в части установления содержания иностранного права существенно расширились в связи с правовой информатизацией.

На основе изложенного материала можно сделать вывод, что правовая информатизация существенно облегчила установление содержания иностранного права судами. В случае содействия лиц, участвующих в деле, суду они могут представить ему непосредственно текст иностранного нормативного правового акта или иного источника, полученного из открытых интернет-ресурсов. При обращении суда к иным способам установления содержания иностранного права – направлению запросов в компетентные органы и организации в России и за границей, экспертизе указанные субъекты установления содержания иностранного права могут непосредственно найти текст иностранного нормативного правового акта или иного источника из открытых интернет-ресурсов, проанализировать его и предоставлять готовую информацию суду.

§ 3. Реализация принципов правосудия в судебной практике по делам, связанным с грантовой деятельностью

В русском языке существует огромное количество полисемантических терминов и «правосудие» не исключение. Употребление данного термина распространено как в правовых, так и в религиозных текстах: в Конституции Российской Федерации он встречается семь раз, а в текстах Библии восемь. Анализ источников, содержащих информацию о праве, выявил, что только за последние 20 лет употребление термина «правосудие» возросло примерно на 50 %²⁸⁴. Тем не менее, несмотря на регулярное его использование в законодательстве и в правовой доктрине, унифицированного подхода в его понимании не сформировалось.

---

²⁸³ Апелляционное определение Московского городского суда от 2.09.2015 г. по делу № 33-27349/2015. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAMSMARB&n=951948&dst> (Дата обращения: 10.05.2023).

²⁸⁴ По данным портала Google Books Ngram Viewer за 2000-2019 гг. URL: https://books.google.com/ngrams/graph?content=%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B8%D0%B5&year_start=2000&year_end=2019&corpus=ru-2019&smoothing=3 (Дата обращения: 07.05.2023 г.).

Не дает ясности в понимании конструкта «правосудие», его этимологический и семантический анализ. Так, толковый словарь русского языка С.И. Ожегова определяет значение термина «правосудие» как: 1. Деятельность судебных органов. Органы правосудия. 2. Справедливое решение дела, спора. Торжество правосудия²⁸⁵. В словаре В.И. Даля значение данного термина представляется как: «судить по правде, по закону, по совести»²⁸⁶. Большой юридический словарь определяет его значение как: «форма государственной деятельности, заключающейся в рассмотрении и разрешении судом отнесенных к его компетенции дел»²⁸⁷.

В Кембриджском словаре предлагаются следующие слова синонимы для обозначения термина «правосудие» (justice): equity (равный, ценный), fairness (правильный, разумный), impartiality (беспристрастный, непредвзятый, бескорыстный, сбалансированный)²⁸⁸. Также, любопытно отметить, что слово «правосудие» (justice) используется перед именем судей Верховного суда в США.

В дореволюционных трудах (М.Ф. Владимирского-Буданова, Г.Ф. Шершеневича, И.Я. Фойницкого, Е.В. Васьковского и др.) термин «правосудие» употреблялся при помощи словосочетаний и однокоренных лексем: «суд княжеский», «суд посадничий», «право судить», «правый суд», «присудить», «осудить», при этом акцент делался на очевидность самого феномена, который не требовал развернутой дефиниции.

При этом понимание значимости «правосудия» приводило юристов к мысли о необходимости выделения даже отдельной отрасли права — судебного права. Эту идею разрабатывали в начале XX века И.Я. Фойницкий, И.В. Михайловский, Е.В. Васьковский и др. И.Я. Фойницкий, указывая на самую тесную связь уголовного судопроизводства с процессом гражданским по строению и по форме, писал, что они образуют систему судебного права²⁸⁹.

---

²⁸⁵ Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова / Под ред. доктора филологических наук, профессора Л.И. Скворцова. 27-е издание, исправленное. М.: АСТ, Мир и Образование, 2023. С. 468.

²⁸⁶ Даль В.И. Толковый словарь Живого великорусского языка: том 3. М.:ТЕРРА, 1994. С. 380.

²⁸⁷ Большой юридический словарь = БЮС / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Инфра-М, 2001. (С. 469)

²⁸⁸ Justice // Cambridge dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/justice> (Дата обращения: 10.05.2023 г.)

²⁸⁹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного процесса: в 2 т. 4-е изд. Т. 1. СПб.: Т-во «Общественная польза», 1912. С.73.

Говоря о том, что особенности гражданского и уголовного процессов не имеют принципиального характера, И.В. Михайловский резюмировал о необходимости особой науки: «Поскольку судебный процесс всегда предполагает спор о праве и итоговое решение суда касается применения права, то судебное право следует считать особой наукой, которая должна посвящаться изучению как самого органа судебной функции государственной власти, так и деятельности этого органа»²⁹⁰. Е.В. Васьковский писал о существовании в теории судебно-процессуального права. Подводя некоторый итог вышесказанному, можно увидеть определенную популярность идеи судебного права, которое бы объединяло в себе нормы как уголовно-процессуального, так и гражданского процессуального права, что, в свою очередь могло привести к сведению судебной деятельности к единому понятию «правосудие»²⁹¹.

В советской юридической науке не было единого подхода к пониманию, что понимается под правосудием (социалистическим правосудием). Законодательное определение термина также отсутствовало, несмотря на неоднократные попытки советских правоведов решить данную проблему. Было выработано несколько подходов к определению понятия «правосудие».

Первый, заключался в рассмотрении «правосудия» в качестве вида государственной деятельности, направленного на рассмотрение и разрешение различных правовых конфликтов. Например, в учебнике гражданского процесса 1940 г. под редакцией А.Ф. Клейнмана отмечалось, что правосудие как «разрешение специальными органами государственной власти вопросов о применении права к конкретным случаям жизни, фактам, действиям, отношениям является одной из важных государственных функций»²⁹². Сам А.Ф. Клейнман писал, что осуществлять правосудие – значит судить о праве, разрешать спор о праве, подтверждать права и обязанности людей, учреждений, предприятий, хозяйственных и общественных организаций²⁹³. Таким образом, А.Ф. Клейнман определял правосудие как вид государственной деятельности вне связи с ее субъектом. Подобная точка зрения была широко распространена в советской юридической науке.

В соответствии со второй позицией, «правосудие» отождествлялось с судебной деятельностью. Ее придерживались – В.М. Савицкий,

---

²⁹⁰ Михайловский И.В. Судебное право как самостоятельная юридическая наука // Право. 1908. № 32. С. 1733-1741.

²⁹¹ Пашкевич П.Ф. Процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства. М.: Юридическая литература, 1984. 48 с.

²⁹² Гражданский процесс / Под ред. А.Ф. Клейнмана. М.: Издательство НКЮ СССР, 1940 // Клейнман А.Ф. Избранные труды. Краснодар: Совет. Кубань, 2009. Т. 2. С. 425.

²⁹³ Там же.

М.С. Строгович, Н.Н. Полянский. Так, в своей диссертации 1939 г. М.С. Строгович дает следующее определение: «... это старинный термин, который обозначает особую государственную функцию, осуществляемую особым органом государства — судом... Осуществлять правосудие — значит судить о праве, т.е. о применении права (закона) к отдельному факту, отношению»²⁹⁴.

Однако, несмотря на все дискуссии 25 декабря 1958 г. была внесена определенность по данному вопросу статьей 7 Закона «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик», где законодатель четко определяет: «Правосудие по уголовным делам осуществляется только судом. Никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда»²⁹⁵. С момента опубликования документа определения «правосудие» и «суд» в юридической литературе будут определяться друг через друга.

Такой метод (определение понятия «правосудия» через суд) нашел поддержку в работах современных ученых.

В своей диссертации А.В. Цихоцкий писал: «Понятие правосудия обычно трактуется как осуществляемая в процессуальном порядке деятельность судов по рассмотрению и разрешению юридических дел с вынесением по ним законных, обоснованных и справедливых постановлений»²⁹⁶.

В свою очередь В.М. Лебедев, исследуя данный вопрос, полагает, что правосудие есть форма реализации судебной власти: «Поскольку судебная власть относится к одной из ветвей государственной власти, поскольку правосудие должно рассматриваться как особый вид государственной деятельности, содержанием которой является рассмотрение и разрешение судами различных социальных конфликтов, связанных с действительным или предполагаемым нарушением норм права»²⁹⁷.

Одной из проблем, с которой сталкиваются юристы, – проблема принципов правосудия и возможности их применения при разрешении конкретных дел.

Термин «принцип» был заимствован из романской группы языков в XVIII в. и произошел от латинского слова «*principium*».

---

²⁹⁴ Строгович М.С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. С. 19.

²⁹⁵ Закон СССР от 25.12.1958 «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 15.

²⁹⁶ Цихоцкий А.В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 134.

²⁹⁷ Там же. С. 446.

В правовой науке этот термин начал использоваться отечественными исследователями только в начале XX века, до этого времени исследователи формулировали его следующим образом: «Основные начала и условия судебной деятельности»²⁹⁸, «...отличительные начала уголовного процесса: начало публичное и начало личное»²⁹⁹ и т.д.

Для того, чтобы получить целостное представление о том, что понимается под «принципами права», обратимся к работам известных исследователей в этой области через различные подходы правопонимания.

Е.В. Васьковский писал: «В ближайшей же и непосредственной причинной связи с нормой находится юридический принцип: он служит и целью, ради достижения которой создана норма, и мотивом, побудившим законодателя создать ее, и, наконец, источником, из которого почерпнуто ее содержание. Согласно существу нормального права, ближайшим средством при его толковании должны служить те юридические принципы, на которых оно основано. Только в случае недостаточности этого средства открывается возможность и необходимость обращаться за помощью к другим элементам, конечно, в той мере, в какой они стоят в непосредственной связи с толкуемой нормой»³⁰⁰.

Г.Ф. Шершеневич утверждал, что принципы права есть совокупная, общая, центральная идея, мысль, направление, вложенное законодателем сознательно или бессознательно в целый ряд юридических норм³⁰¹.

По словам В.В. Ершова с точки зрения юридического позитивизма отечественные исследователи в советский и постсоветский периоды не рассматривали принципы права «в качестве самостоятельного средства правового регулирования общественных отношений, имеющего более высокую юридическую силу по сравнению с нормами права, содержащимися, например, в национальных нормативных правовых актах»³⁰².

Распространенной среди позитивистов в российской правовой науке считается позиция о том, что принципы права — это фундаментальные основы, руководящие начала, идеи и т.д., закрепленные в нормативно-правовых актах, вокруг которых строится правовое регулирование. Однако логичным будет вопрос, а могут ли принципы существовать вне текста закона?

---

²⁹⁸ Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство: пособие к лекциям. 3-е изд. Пг.: Изд-во Юрид. книжного склада «Право», 1916. – С. 339-356

²⁹⁹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного процесса: в 2 т. 4-е изд. Т. 1. СПб.: Т-во «Общественная польза», 1912. С. 8

³⁰⁰ Васьковский Е.В. Руководство к толкованию и применению закона (по изданию 1913 г.). М.: Городец, 1997. С. 102

³⁰¹ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М.: Спарк, 1995. 556 с.

³⁰² Ершов В.В. Принципы права: сущность и функции // Российское правосудие. 2019. № 2. С. 5-16.

М.В. Антонов пишет: «... при каких условиях мы можем охарактеризовать принципы в качестве правовых? ... такую характеристику можно дать только закрепленным в нормативных правовых актах идеям и началам. Ошибочность данного подхода достаточно очевидна. На практике нередко бывает, что принципы выявляются судьями или другими правоприменителями, а также учеными-юристами»³⁰³.

Тяжело не согласиться с точкой зрения М.В. Антонова. Принципы права (в виде руководящих начал, целей, задач) могут быть сформулированы устно и, что важно уточнить — без фиксации в текстах законов, например, в речах президента или премьер-министра. Будут ли они в таком случае иметь правовую окраску? Представляется, что адресаты воспримут их в качестве обязательных директив.

В советской правовой доктрине превалировала идея о том, что принципы, непременно должны быть закреплены в текстах нормативно-правовых актах. И данная позиция приживалась с убеждением, что нормой можно считать то, что создано государством и облечено в форму нормы права.

Ряд современных европейских юристов, например, Р. Алекси, придерживаются позиции, что принципы права есть требования оптимизации. Другими словами, применение основополагающих (фундаментальных) начал права, в конкретном случае приведет к наиболее социально приемлемым последствиям³⁰⁴. В отечественной же правовой науке можно встретить ряд работ, в которых исследователи используют термин «нормы-принципы», однако возможно допустить, что суть есть разные понятия.

Сегодня, ученые стали рассматривать принципы права с позиций концепции интегративного правопонимания. А.В. Коновалов полагает, что общественные отношения могут быть урегулированы «в рамках определенной канвы, обозначенной принципом»; «принципы создают рамки, в которых общественные отношения возникают и развиваются»; «принципы права выполняют... роль генеральных линий»; «одним из важнейших аспектов действия принципов права является определение ими общей направленности, основных преобладающих тенденций правоприменительной практики»; принципы права должны быть «растворены в позитивном законодательстве»³⁰⁵.

---

³⁰³ Антонов М.В. Теория государства и права: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2023. С. 347.

³⁰⁴ Енилеева А.Э. Деление норм права на правила и принципы в учении Р. Алекси // Ученые записки Крымского федерального университета. Юридические науки. 2015. № 1. С. 26-33.

³⁰⁵ Коновалов А.В. Действие принципов права и их роль в формировании правопорядка // Lex Russica. 2018. № 10. С. 9-11.

В.В. Ершов, с позиции интегративного правопонимания, не рассматривает принципы права «началами», «идеями» и «положениями». Он говорит о том, что принципы права являются средством правового регулирования общественных отношений, объективно существующими элементами системы права. «Принципы права — это своеобразная «"дорожная карта" для правотворческих органов в процессе конкретизации ими принципов права и выработки норм права»³⁰⁶.

Принцип, которые вызывает наибольшее количество споров в научном сообществе — это принцип «справедливого правосудия», который имеет законодательное закрепление, например в КАС РФ. Его дискуссионность во многом является следствием неопределенности того, что именно, следует понимать под «справедливостью». Безусловно, подобная неопределенность вызывает сложности у судей, которым предписывается выносить «справедливые решения», а не только обоснованные и законные. Найти хоть какое-то определение категории «справедливость» можно лишь в УК РФ, но интерпретированная таким образом, что ее нельзя использовать в качестве регулятора к иным правоотношениям, кроме как уголовных.

Усугубляется ситуация с неопределимостью «справедливости» и тем, что в юридической науке не ничего, что хоть как-то напоминало консенсус по данному вопросу. Не представляется возможным дать унифицированное определение понятию «справедливость», что порождает существованию в современной правовой доктрине множества дефиниций, претендующих на полное раскрытие его сути.

«Справедливость — это не только нравственная категория, как принято считать, но и элемент содержания социально-экономических и политических отношений и требований их сохранения или изменения. Официальным орудием ее обеспечения считается позитивное право, которое само далеко не всегда справедливо. В соотношении справедливости и права обнаруживается, таким образом, противоречие — противоречие между правом как естественно-социальным явлением и юридическим, или позитивным, правом»³⁰⁷.

В правовой области О.И. Рабцевич определяет справедливость в виде принципа юридической ответственности, принципа права, практического критерия правоприменительной деятельности и цели всего правотворческого и правоприменительного процесса³⁰⁸.

---

³⁰⁶ Ершов В.В. Современные теоретические и практические проблемы правопонимания, правотворчества и правоприменения // Российское правосудие. 2016. № 9 (125). С. 16.

³⁰⁷ Иванов В.А., Гроздилов С.В. Справедливость как объект правового сознания // Философия и общество. 2012. № 4 (68). С. 37-50.

³⁰⁸ Рабцевич О.И. Право на справедливое судебное разбирательство: международное и внутригосударственное правовое регулирование. М.: Лекс-Книга, 2005. С. 16.

По мнению Н.А. Чечиной и А.И. Экимова, справедливость относится к социально-этическим требованиям и «составляет нравственную основу правомерной судебной деятельности»³⁰⁹.

В понимании справедливости как общему требованию по судебному решению постановляет Конституционный Суд Российской Федерации. Он рассматривает справедливость при необходимости сопоставления ее с требованием правовой определенности и стабильности судебных решений³¹⁰.

В диссертации Л.А. Воскобитовой справедливость рассматривается как качественная характеристика механизма реализации судебной власти: «Центральным этапом в реализации судебной власти является познание судом фактических обстоятельств дела, обеспечивающее вынесение правосудного решения»³¹¹. В диссертационной работе сделан вывод, что целью судебного познания является всестороннее и полное установление, удостоверение и обоснование фактических обстоятельств дела, имеющих юридическое значение и необходимых для законного, обоснованного и справедливого разрешения дела.

В свою очередь А.Т. Боннер определяет понятие справедливости с точки зрения аксиологического подхода. Он пишет, что в рамках закона справедливым может быть признано в конкретном случае единственно возможное, наиболее оптимальное, разумное и гуманное решение³¹².

М.А. Фокина при исследовании целей доказывания в гражданском процессе заключает, что данные категории являются словами синонимами³¹³.

Не ставя перед собой столь масштабной задачи, как формулирование оригинального понимания справедливости, мы должны признать тот факт, что закрепление ее в качестве принципа в тексте нормативного правового акта лишает судью возможности ее игнорировать. В данной работе мы попытаемся проанализировать на конкретном примере как принципы права, в том числе и принцип справедливости, применяются судом.

В 2020 г. Министерством просвещения Российской Федерации, Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки и Федераль-

---

³⁰⁹ Чечина Н.А., Экимов А.И. Категория справедливости в советском гражданском процессуальном праве. Материальное право и процессуальные средства его защиты: Межвузовский тематический сборник. Калинин: Изд-во Калининского университета, 1981. С. 17-18.

³¹⁰ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2007 г. № 2-П; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 июня 2007 г. № 423-О-П // Собрание законодательства РФ. 12.02.2007. № 7. Ст. 932.

³¹¹ Воскобитова Л.А. Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Москва, 2004. 60 с.

³¹² Боннер А.Т. Законность и справедливость в правоприменительной деятельности. М.: Российское право, 1992. С. 88.

³¹³ Фокина М.А. Система целей доказывания в гражданском и арбитражном процессе: общие положения // Арбитражный и гражданский процесс. 2006. № 4. С. 26

ной службой по труду и занятости была разработана Программа организации профессионального обучения и дополнительного профессионального образования лиц, пострадавших от последствий распространения новой коронавирусной инфекции (далее — Программа)³¹⁴.

Программа предусматривала возможность получения гражданами профессиональных навыков, востребованных в субъекте Российской Федерации, получившем квоту на обучение лиц, пострадавших от последствий распространения новой коронавирусной инфекции. По итогам прохождения обучения гражданам выдаются соответствующие документы о квалификации.

Министерство просвещения Российской Федерации на финансовое обеспечение расходов на проведение мероприятий по организации профессионального образования лиц, пострадавших от последствий распространения новой коронавирусной инфекции, из резервного фонда Российской Федерации в 2020 году предоставило Союзу «Ворлдскиллс Россия» субсидию в размере 2 956 912 200,00 руб.

Грант на обучение в размере 38 568 420 рублей получил ГБПОУ «Волгоградский экономико-технический колледж» в лице заместителя директора по научно-методической работе С.А. Костиной. Грант был предоставлен для прохождения соответствующего обучения 1503 гражданам, пострадавшим от последствий распространения коронавируса. По факту расследования из 1503 человек помощь через Программу смогли получить только 1169. Оставшимся 334 гражданам помощь оказана не была.

С.А. Костина в ходе предварительного расследования добровольно представила органам следствия неизвестную им информацию об обстоятельствах совершения преступления, суд в качестве обстоятельств, смягчающих наказание С.А. Костиной в силу пунктов «е, и» части 1 статьи 61 УК РФ, признает совершение преступления в силу служебной зависимости, явку с повинной, активное содействие раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других участников преступления, а также согласно части 2 статьи 61 УК РФ, суд учитывает частичное добровольное возмещение имущественного ущерба, причиненного в результате преступления, полное признание вины, раскаяние в содеянном, оказание помощи престарелым родителям. Обстоятельств, отягчающих наказание, С.А. Костиной судом не установлено не было.

---

³¹⁴ Программа организации профессионального обучения и дополнительного профессионального образования лиц, пострадавших от последствий распространения новой коронавирусной инфекции // Банк документов / Министерство просвещения Российской Федерации. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/ebed1d201a3c6f0779fe9f8988d69ca5/download/3149/> (Дата обращения: 15.05.2023 г.).

В результате противоправной деятельности гражданки С.А. Костиной Министерству просвещения Российской Федерации, Федеральной службе по надзору в сфере образования и науки и Федеральной службе по труду и занятости был причинён особо крупный ущерб в размере 8 587 901,52 руб. Было возбуждено уголовное дело по факту «причинения имущественного ущерба путем обмана при отсутствии признаков хищения, в составе группы лиц по предварительному сговору» (п.п. «а, б» ч. 2 ст. 165 УК РФ) за махинации со средствами гранта.

С.А. Костина была признана виновной решением Краснооктябрьского районного суда г. Волгограда от 30 мая 2022 г. в совершении преступления, предусмотренного пунктами «а, б» части 2 статьи 165 УК РФ с назначением наказания в виде 1 года и 6 месяцев лишения свободы условно (с аналогичным испытательным сроком), а также с лишением права занимать должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций в системе образования Российской Федерации на тот же срок. Приговор не был обжалован.

Проанализировав нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации можно сделать вывод о том, что гуманистические начала присущи различным стадиям уголовного процесса: ст. 10 – никто не может быть подвергнут аресту или незаконному содержанию под стражей иначе, как на основании судебного решения; ст. 16 – каждый человек имеет право на защиту; ст. 8 на справедливое и открытое судебное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом; ст. 19 – на обжалование процессуальных действий и решений; ст. 6.1 – уголовное судопроизводство должно осуществляться в разумный срок; ст. 15 – уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон. Подробно ознакомившись с фабулой дела нельзя не отметить, что суд, при вынесении решения руководствовался принципом гуманизма в отношении гражданки С.А. Костиной (ст. 7 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.04.2023)) в части применения ст. 73 УК РФ, объяснив это наличием смягчающих обстоятельств, заявляя о возможности исправления подсудимой без реального отбывания наказания.

Важно подчеркнуть и применения судом принципов справедливости, закрепленных ст. 6 (п. 6 и п. 2) Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.04.2023) и ст. 6 гл. 2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.04.2023): «По мнению суда, наказание в отношении С.А. Костиной с применением статьи 73 УК РФ будет полностью отвечать достижению предусмотренных статьей 43 УК РФ целей наказания, восста-

новлению справедливости, исправлению осужденной и предупреждения совершения ею новых преступлений»³¹⁵.

Далее, суд очень четко отражает сущность термина «справедливость», приведенного выше в работах исследователей: «Кроме этого, по мнению суда, данный вид наказания не обеспечит достижение целей восстановления социальной справедливости, законных интересов общества и государства, исправления С.А. Костиной и предупреждения совершения ею новых преступлений»³¹⁶.

Суд, опять же, учитывает принцип справедливости, говоря о невозможности менее строгого вида наказания в отношении гражданки С.А. Костиной, делая отсылку на характер и степень общественной опасности совершенного преступления, предусмотренного санкцией статьи.

Таким образом, суд применяет принцип справедливости как корректирующий правовой регулятор по отношению к правовым нормам, который не позволяет в процессе интерпретации придавать им абсурдного значения. Используя указанный принцип, судья, ориентируется, прежде всего, на его легальную дефиницию, должен также и учитывать господствующие в обществе представления о справедливости.

Подводя некоторый итог вышеизложенному, мы можем лишь констатировать, что изучение принципов сохраняют свою актуальность сегодня. Интегративный подход к пониманию права, признавая принципы первичными и общими регуляторами права, позволяет утверждать, что в праве нет пробелов, которые могут быть только в законодательстве.

§ 4. Развитие принципов правосудия в гражданском процессе (на примере разрешения брачно-семейных отношений, осложненных иностранным элементом)

Разрешение споров, вытекающих из брачно-семейных отношений, традиционно представляет собой наиболее сложный и болезненный процесс в судебной практике в силу понятных причин, одной из которых является то, что их участниками выступают лица, связанные между собой кровными или брачными узами. Предметом таких споров становятся вопросы расторжения брака, действительности заключенного брака, раздела имущества между супругами, алиментных обязательств, вопросов опеки и попечительства, усыновления (удочерения) и т.д.

---

³¹⁵ Решение Краснооктябрьского района города Волгограда по делу № 1-231/2022 от 30.05.2022 // Официальный сайт Краснооктябрьского района города Волгограда. URL: https://krokt--vol.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=303058033&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (Дата обращения: 15.05.2023 г.).

³¹⁶ Там же.

Дополнительные сложности вызывают такого рода споры, имеющие в своем составе иностранный элемент, поскольку в таком случае перед правоприменителем встают задачи по применению норм международных договоров, а также выбора компетентного правопорядка. Помимо этого, при возникновении спорных семейных отношений, когда их участниками становятся граждане иностранных государств, либо объект правоотношений находится на территории иностранного государства, либо юридический факт (например, заключение брака) имел место за границей, в первую очередь встает вопрос о выборе компетентного суда, в который необходимо обращаться за разрешением такого спора.

В этой связи, необходимо остановиться на основополагающих принципах разрешения дел в рамках гражданского процесса, которые, являясь основными, системообразующими нормами гражданского процессуального законодательства, регулируют общественные отношения, складывающиеся между судом и другими участниками процесса в ходе рассмотрения и разрешения гражданских дел в судах общей юрисдикции, поэтому они не могут не являться принципами деятельности суда и других участников процесса. «Принципы гражданского процессуального права осуществляются в процессуальной деятельности, постольку они являются не только принципами нрава, но и принципами гражданского процесса, то есть деятельности. Принципы гражданского процессуального права определяют то, каким должно быть судебное разбирательство гражданских дел, чтобы соответствовать идеалам законности, истины и справедливости. Они отражают специфику данной отрасли права, его главнейшие качественные особенности, являются концентрированным выражением предмета и метода регулирования гражданского процессуального права»³¹⁷.

Значение принципов гражданского процессуального права, прежде всего, в том, что они являются его важнейшей сущностной характеристикой. Они обладают непосредственным регулирующим свойством. Именно принципы – мерило правопонимания и опора правоприменения. Принципы права влияют и на последующее развитие права, в том числе на разработку новых нормативных актов.

Велико значение принципов в практической судебной правоприменительной деятельности. Прежде всего, все принципы гражданского процессуального права – важные демократические гарантии правосудия по гражданским делам. При рассмотрении и разрешении гражданских дел суд руководствуется не только конкретными гражданскими процессуальными нормами, но и принципами процессуального права. В свете принципов

---

³¹⁷ Носенко Л.И. Принципы гражданского процесса: к вопросу о значимости // Вестник ОГУ. 2012. №3 (139). С.148.

осуществляется толкование всех норм гражданского процессуального права, что позволяет суду познать действительный смысл этих норм и правильно их применить, а в конечном итоге – вынести законное и обоснованное судебное решение.

Исследуя правотворческую функцию судебной практики по семейным делам, Н.Н. Тарусина обращает внимание на особенности семейных правоотношений, ситуационный характер большинства семейно-правовых норм как ключевая предпосылка широкого судебного усмотрения в его различных формах – конкретизации, толкования, субсидиарного применения законодательства, применения аналогии, разрешения коллизий, которые в ряде случаев могут быть квалифицированы как правовые позиции нормотворческого типа³¹⁸.

Разрешая семейные споры, осложненные иностранным элементом, правоприменитель руководствуется, в первую очередь, положениями международных договоров, нормами Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) и других специальных законов, а также Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), содержащего общие положения о регулировании частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 24 от 09.07.2029 г. «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации».

Н.И. Марышева отмечает, что «...применение судами, рассматривающими семейные дела, осложненные иностранным элементом, международных договоров требует уяснения вопросов толкования договорных норм, их соотношения с положениями российского законодательства. Само российское законодательство, его сложные коллизионные нормы, не всегда правильно понимаемые судами, нуждаются в систематическом исследовании. Это относится и к нормам международного гражданского процесса — об определении пределов компетенции российских судов, признании и исполнении в России иностранных судебных решений по семейным делам, применении иностранного семейного права и т. п.»³¹⁹.

Т.Л. Курас, отмечая, что одним из основополагающих функциональных принципов российского гражданского процесса является принцип диспозитивности, обращает внимание на то, что «... отсутствие в ГПК РФ прямого закрепления принципа диспозитивности остается одной из самых

---

³¹⁸ Тарусина Н.Н. Судебная практика по семейным делам: проблемы усмотрения на грани правотворчества. *Lex russica (Русский закон)*. 2019. №5. С. 40.

³¹⁹ Марышева Н.И. Семейные отношения с участием иностранцев: правовое регулирование в России: монография / Н. И. Марышева. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА-М, 2023. С.14-15.

насуточных проблем. На обязательность нормативного закрепления принципов указывали многие известные процессуалисты, такие как Н. А. Чечина, В. Ф. Тараненко, В. М. Шерстюк и другие. Принципы с позиции позитивистского подхода – это руководящие начала, выраженные в нормативных актах и обращенные к правоприменителю и другим субъектам права. При прямом закреплении принципа в законе можно сделать однозначный вывод о наличии принципа и его содержании. Из-за отсутствия в законе сформулированного принципа диспозитивности ряд процессуалистов делают вывод о том, что диспозитивность – это не принцип, а специфическая черта гражданского процесса»³²⁰.

Отсутствие закрепления в законе и содержания принципа диспозитивности, приводит к возникновению сложностей в правоприменительной практике. Особенность принципа диспозитивности в том, что он многоаспектен, его содержание складывается из нескольких составляющих, что в полной мере может быть отнесено и к разрешению споров брачно-семейного характера, осложненных иностранным элементом.

В частности, одним из проявлений принципа диспозитивности является то, что возникновение гражданского процесса ставится в зависимость от волеизъявления лиц, участвующих в деле. В соответствии со ст. 4 ГПК РФ суд возбуждает гражданское дело по заявлению лица, обратившегося за защитой своих прав, свобод и законных интересов. Обращение в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц возможно только в случаях, предусмотренных законом. Российское законодательство определяет процессуальную дееспособность иностранных лиц в соответствии с их личным законом (законом гражданства – для иностранных граждан, законом места жительства – для лиц без гражданства), указывая при этом, что лицо, не являющееся на основе личного закона процессуально дееспособным, может быть на территории Российской Федерации признано процессуально дееспособным, если оно в соответствии с российским правом обладает процессуальной дееспособностью (ст.399 ГПК РФ).

Лица, участвующие в деле, вправе реализовывать свои общие процессуальные права, закрепленные в ст. 35 ГПК РФ, или не делать этого. Стороны также вправе реализовывать или не реализовывать специальные права: изменять предмет или основание иска, отказываться от иска, признавать иск, заключать мировое соглашение (ст. 39 ГПК РФ), что является еще одним из аспектов принципа диспозитивности. Составляющей принципа диспозитивности является также то, что по общему правилу суд при-

---

³²⁰ Курас Т.Л. Принцип диспозитивности в российском гражданском процессе: современные и исторические аспекты // Сибирский юридический вестник. 2022. № 3 (98). С. 70.

нимает решение по заявленным истцом требованиям (ч. 3 ст. 196 ГПК РФ), и что истец сам при обращении в суд определяет ответчика по делу.

При этом, реализация данного принципа гражданского процесса предполагает и некоторые исключения из него. В частности, органы и лица, указанные в ст. 46 ГПК РФ, могут подавать в суд заявление в защиту законных интересов недееспособного или несовершеннолетнего гражданина независимо от просьбы заинтересованного лица или его представителя. В случаях, указанных в ч. 3, 4, 5 ст. 37 ГПК РФ, суд в качестве исключения из принципа диспозитивности привлекает к участию в делах несовершеннолетних, граждан, ограниченных в дееспособности, законных представителей несовершеннолетних независимо от их согласия.

Т.Л. Курас указывает и на следующее исключение из рассматриваемого принципа. Лицо, которое обращается в суд, не выбирает вид судопроизводства. Оно должно обращаться в том порядке, который предусмотрен законом. К примеру, в гражданском и арбитражном процессах лицо не решает, в исковом или в приказном производстве ему обращаться, это строго урегулировано законом. Если лицо обратится в порядке искового производства, а дело подлежит рассмотрению в приказном, исковое заявление возвращается (ст. 135 ГПК РФ). Так, в одном из апелляционных определений правомерно подчеркнуто, что Конституция Российской Федерации, гарантируя каждому право на судебную защиту, не предполагает возможность для лица по своему усмотрению выбирать способ и процедуру судебного оспаривания, они определяются федеральными законами³²¹.

При многообразии брачно-семейных трансграничных споров, связанных с разделом имущества при расторжении интернациональных браков, определением проживания детей с одним из родителей, имеющих разное гражданство, усыновлением (удочерением) российских детей иностранными гражданами и других, остановимся на наиболее сложных аспектах правоприменения норм международного частного права российскими судами.

Интерес представляет проведенное А.В. Комаровым исследование судебной практики по семейным спорам с точки зрения соотношения количественных и качественных показателей неверного применения процессуальных и материальных норм. Автор указывает, что в целом соотношение процессуальных проблем (47%) и материальных проблем (53%) для правоприменителя является примерно одинаковым. Среди процессуальных проблем на первом месте стоят проблемы, связанные с выбором подсудно-

---

³²¹ Курас Т.Л. Принцип диспозитивности в российском гражданском процессе: современные и исторические аспекты // Сибирский юридический вестник. 2022. № 3 (98). С. 71.

сти (42%), а среди материальных – проблемы, связанные с неправильным толкованием материальных норм³²².

Обзоры практики Верховного Суда за последние годы, в частности, «Обзор практики рассмотрения в 2020 году областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации» (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 02.06.2021 г.)³²³ и «Обзор практики рассмотрения в 2021 году областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации» (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 01.06.2022 г.)³²⁴ свидетельствуют о том, что в 2020 году количество дел данной категории по сравнению с 2019 годом уменьшилось (в 2020 году областными и равными им судами с вынесением решения рассмотрено 42 дела о международном усыновлении, что на 79% меньше, чем в 2019 году (203 дела), и на 84% меньше, чем в 2018 году (256 дел)).

В 2021 году областными и равными им судами с вынесением решения рассмотрено 72 дела о международном усыновлении, что на 71% больше, чем в 2020 году (42 дела), когда снижение количества дел о международном усыновлении было связано, в том числе, с распространением на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) и принятием на федеральном и региональном уровнях мер по противодействию ее распространению, прекращением с марта 2020 года международного авиасообщения.

По сравнению с 2019 годом, когда было рассмотрено с вынесением решения 203 дела о международном усыновлении, в 2021 году количество таких дел уменьшилось на 65%.

---

³²² Комаров А.В. Семейные споры с иностранным элементом: материально-правовые и процессуальные проблемы // Актуальные проблемы правоведения. 2013. № 3 (39). С. 42.

³²³ "Обзор практики рассмотрения в 2020 году областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации" (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 02.06.2021) // КонсультантПлюс – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_385803/ (дата обращения: 19.04.2023 г.)

³²⁴ «Обзор практики рассмотрения в 2021 году областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации» (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 01.06.2022 г.) // КонсультантПлюс – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_418164/ (дата обращения: 19.04.2023 г.)

Особое место в обзорах практики по данной категории дел уделяется вопросам защиты прав российских детей, которые предусмотрены законодательством Российской Федерации. В частности, возможность усыновления иностранными гражданами появляется только после того, как исчерпаны все возможности передачи ребенка на усыновление в семьи российских граждан или родственников; усыновление братьев и сестер разными лицами, как правило, не допускается; необходимо получение согласие на усыновление опекунов (попечителей), руководителей учреждений, в которых находятся дети, оставшиеся без родительского попечения; согласия супруга усыновителя, когда ребенка усыновляет только один из них, а также согласия самого усыновляемого ребенка, если ему исполнилось 10 лет.

Однако в вышеуказанных обзорах практики не упоминается о наиболее сложных проблемах при разрешении такого рода дел, а именно выборе компетентного права, которое должно быть применено судьей, что вызывает некоторое недоумение. Без внимания, таким образом, остается центральный вопрос о выборе применимого права, без разрешения которого невозможно адекватное и справедливое вынесение решения об иностранном усыновлении (удочерении).

Ключевой коллизийной нормой закрепляется, что усыновление на территории России иностранными гражданами российских детей производится согласно абз. 1 п. 1 ст. 165 СК РФ в соответствии с законодательством государства, гражданином которого является усыновитель.

В этой связи при разрешении вопросов усыновления российских детей гражданами иностранных государств, судье надлежит применить нормы иностранного права, что само по себе представляется трудоемким и сложным процессом. Помимо обязанности по установлению иностранного права, на правоприменителя ложится задача по соотносению норм соответствующего иностранного государства с нормами российского права в части защиты прав и интересов усыновляемых детей.

Одновременное применение в соответствии с п. 1 ст. 165 СК РФ и иностранного, и российского семейного права означает, очевидно, что практически должны быть выполнены требования и того, и другого права. Если, например, необходимая разница в возрасте между усыновителем и усыновленным по иностранному праву составляет более 16 лет, должны быть соблюдены требования этого более строгого иностранного закона. Иностраный закон может содержать иные требования к усыновителю – такие требования тоже должны быть выполнены.

Применение при усыновлении соответствующего иностранного законодательства обеспечивает в дальнейшем стабильность усыновления в иностранном государстве.

Если ребенок усыновляется лицом без гражданства, усыновление согласно вышеуказанной статье производится в соответствии с законодательством государства, в котором это лицо имеет постоянное место жительства. Наличие гражданства (безгражданства) определяется на момент подачи заявления об усыновлении или его отмене (если ставится вопрос об отмене усыновления). При этом следует иметь в виду относящиеся к определению гражданства общие правила.

Особенно важен в связи с этим вопрос о праве, подлежащем применению к отмене усыновления, поскольку в некоторых странах (например, во Франции, США) отмена усыновления по требованию усыновителя не допускается. На практике вопрос возникает при поступлении в российские суды заявлений иностранцев-усыновителей об отмене усыновления, произведенного ранее российским судом, в связи с выявившейся невозможностью адаптации ребенка в их семье. На наш взгляд, из требования закона (абз. 1 п. 1 ст. 165 СК РФ) о применении к отмене усыновления права страны гражданства усыновителя вытекает, что российские суды не должны принимать решения об отмене усыновления с возвращением ребенка в детский дом, если соответствующее иностранное право не допускает такой отмены, а говорит лишь о переустройстве ребенка в другую семью.

Анализируя судебную практику, Е.П. Войтович приходит к выводу о том, «...что при выборе компетентного права судам необходимо учитывать не только иностранные характеристики спорного правоотношения, но и его связь с иностранным государством. Наиболее значимая, тесная связь находит выражение в структуре коллизионной нормы и подлежит выявлению с учетом фактических обстоятельств дела. Представляется логичным только такой выбор компетентного права, который обусловлен коллизионным предписанием, учитывает юридические характеристики спорного правоотношения и выражает наиболее значимую связь отношения с правом того или другого государства. При этом иные связи отношения с иностранным правом должны расцениваться как не имеющие юридического значения и не влияющие на выбор компетентного права»³²⁵.

Для правильного применения норм иностранного права при разрешении семейных споров правоприменителю необходимо установить их содержание в совокупности с существующими в данной стране официальным толкованием, практикой применения и доктриной (ст. 1191 ГК РФ). Такая задача представляется достаточно сложной, поскольку у судьи в арсенале есть всего несколько способов, предоставленных российским законодателем – обращение в Министерство юстиции Российской Федерации

---

³²⁵ Войтович Е.П. Иностранный элемент в международном семейном праве // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 38. С. 108.

либо иные компетентные органы в Российской Федерации или за рубежом, к специалистам в области знания норм иностранного права.

Возложить данную обязанность по предоставлению информации о нормах иностранного права на стороны по спорам в сфере брачно-семейных отношений суд не может с силу положений абз. 3 п. 2 ст. 1191 ГК РФ, если только сами стороны не изъявили желания предоставить суду доказательства содержания иностранных норм либо иным способом способствовать получению такой информации.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 24 от 09.07.2029 г. «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации», на наш взгляд, также не дает ответ на данный вопрос с позиции последовательности использования приведенных законодателем способов установления содержания иностранного права, а также не решает вопрос обязательности применения всех способов в совокупности или возможности выбора одного из них. Такие ответы были бы чрезвычайно важны для правоприменителя, от них напрямую зависит дальнейшая судьба данного спора, поскольку, если несмотря на предпринятые меры в разумные сроки не удалось установить содержание иностранного права, то суд обязан применить российское право (п. 3 ст. 1191 ГК РФ).

При применении иностранного права презюмируется взаимность, что означает, что российский судья не должен устанавливать, применяется ли в соответствующем иностранном государстве к такого рода отношениям российское право. Исключения представляют случаи, когда наличие взаимности предусматривается международным договором Российской Федерации или федеральным законом.

В отдельных ситуациях, обращаясь к иностранной правовой системе, перед правоприменителем может встать задача по разрешению внутренних коллизий интерлокального, интерперсонального или интертемпорального характера, связанных с наличием правовых систем субъектов (например, в федеративных государствах), из которого состоит то или иное государство, подсистем права, действующих одновременно на одних лиц (например, в странах с религиозным и светским регулированием) или действием закона во времени соответственно.

В таких случаях, Гражданский кодекс Российской Федерации, предусмотрев возможность обращения к правовым системам таких государств, определяет необходимость разрешения внутренних коллизий, опираясь на правила, закрепленные в праве этой страны. Многие исследователи отмечают, что «...нетрудно себе представить, насколько усложнится процесс из-за исследования судом особенностей иностранной правовой си-

стемы и ее внутренних связей. Поэтому законодатель для случаев невозможности установления компетентной правовой системы предлагает обращение к принципу наиболее тесной связи, который, возможно, в данной ситуации будет наиболее гибким правовым инструментом»³²⁶.

Следует отметить, что именно в сфере брачно-семейных споров в процессе применения иностранного права судьи сталкиваются с ситуациями, которые в международном частном праве получили название «оговорки о публичном порядке». Российский законодатель определяет, что в исключительных случаях применить норм иностранного права не представляется возможным, если последствия ее применения противоречат основам правопорядка нашей страны (ст. 1193 ГК РФ). Внутригосударственные семейные нормы отдельных стран во многом основаны на сложившихся вековых религиозных и национальных традициях, что влечет за собой принципиальные отличия, идущие в разрез с устоями морали и нравственности другого государства. При этом отказ в применении нормы другого государства не может быть основан только лишь на различиях в политической, экономической и социальной системах государств, на что особо обращает внимание российский законодатель.

В.А. Канашевский, исследуя судебную практику стран континентальной Европы и английских судов по делам, в которых судьи отказывали в применении норм иностранного права в силу их противоречия основам публичного порядка своего государства, делает следующий вывод: «В отличие от однополых браков отношение к полигамным бракам в России и мире не столь категорически отрицательное. Думается, что при присуждении алиментов, распределении наследственного имущества, разрешении спора о детях и решении других вопросов полигамных браков российские суды могут следовать иностранному праву соответствующей страны»³²⁷.

Следует согласиться с мнением Е.Ю. Хромовой, что «...трансграничные брачные отношения необходимо анализировать с позиции их универсальности, позволяющей интегрировать новые современные механизмы, обусловленные вновь возникающими потребностями динамично меняющегося и развивающегося общества»³²⁸.

---

³²⁶ Алешина А.В., Косовская В.А. Разрешение российскими судами частнопроводных споров, осложненных иностранным элементом: проблемы применения иностранного права // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2022. № 2 (46). С. 44.

³²⁷ Канашевский В.А. Вопросы публичного порядка и квалификации при регулировании семейных отношений, осложненных иностранным элементом // Журнал российского права. 2018. № 5 (257). С.62.

³²⁸ Хромова Е.Ю. Трансграничный брак: международно-правовой аспект. М.: ИД «Юриспруденция», 2013. С.157.

По мнению Л.В. Саенко, «...единообразие судебной практики – это юридически грамотное, верное и единообразное применение судами на всей территории Российской Федерации семейного законодательства при рассмотрении, разрешении и принятии решений по существу по делам из семейных правоотношений. Равенство всех перед законом и судом (ч. 1 ст. 19 Конституции РФ), проистекающее из общеправового критерия ясности, полной определенности и недвусмысленности правовой нормы, может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования правовой нормы всеми правоприменителями. Практика не была бы практикой, если бы она не выявляла, пусть и медленно, преимуществ и недостатков любого закона. Семейные же дела в конечном счете являются лишь частью юрисдикции, в рамках осуществления которой суды в максимально возможной степени должны стремиться к мирному и бесконфликтному разрешению дел. Стремление же к единообразию принятия судебных решений по делам с участием иностранного элемента в сфере защиты семейных прав приведет к более гармоничным межгосударственным отношениям в сфере частно-правового характера³²⁹.

Таким образом, можно констатировать, что судебная практика при разрешении брачно-семейных споров трансграничного характера свидетельствует о сохранении проблем, связанных, в первую очередь, с выбором правоприменителем компетентного правопорядка и применением норм иностранной правовой системы, при неуклонном соблюдении основополагающих принципов гражданского процесса.

---

³²⁹ Саенко Л.В. Единообразие судебной практики по делам с участием иностранного элемента в сфере защиты семейных прав сквозь призму правовой культуры // Правовая культура. 2016. № 4(27). С.108-109.

ГЛАВА IV

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА РАЗВИТИЕ ПРИНЦИПОВ ПРАВОСУДИЯ

§ 1. Роль Суда ЕАЭС в формировании концепции регионального информационного общества

Концепция информационного общества стала формироваться в 60-е гг. XX в. и получила своё практическое применение в 90-е гг. XX в. Например, в 1993 г. правительство США опубликовало доклад о плане развития национальной информационной инфраструктуры. Европейское сообщество с 1994 г. поставило задачу построения информационного общества в число приоритетных³³⁰.

В настоящее время информационное общество представляет собой систему общественных отношений, связанных с использованием существующих информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и развитием информационно-коммуникационных систем (искусственного интеллекта, Больших данных, нейронных сетей, распределённых реестров).

Сложившаяся под влиянием развития ИКТ теория информационного общества нашла свое отражение в целом ряде международных документов, в том числе: Окинавская хартия глобального информационного общества от 22 июля 2000 г.,³³¹ Декларация принципов «Построение информационного общества — глобальная задача в новом тысячелетии», а также План действий Всемирного саммита по информационному обществу от 12 декабря 2003 г.,³³² Совместное заявление стран СНГ по развитию информационного общества от 1 июля 2003 г. (Санкт-Петербургская декларация),³³³ Декларация о европейской политике в области новых информационных технологий от 7 мая 1999 г.³³⁴ и др. Развитие информационно-коммуникационных систем эти документы не учитывают.

Особенностью всех международных документов является то, что в них не дается понятие информационного общества, глобального или регионального информационного общества, а перечисляются их основные признаки.

---

³³⁰ Информационное общество: Информационные войны. Информационное управление. Информационная безопасность / Под ред. М.А. Вуса. СПб., 1999. С. 6.

³³¹ Дипломатический вестник. 2000. № 8. С. 51–56.

³³² Материалы Всемирного саммита по информационному обществу см. в сборнике: Всемирный саммит по информационному обществу. СПб., 2004.

³³³ Федеральная целевая программа «Электронная Россия»: достижения, проблемы, перспективы // Библиотечка «Российской газеты». Вып. 15. М., 2003. С. 121–122.

³³⁴ Дипломатический вестник. 1999. № 6. С. 37–39.

Необходимо обратиться к теории информационного общества с тем, чтобы уяснить понятие информационного общества как общей категории и определить понятие регионального информационного общества.

В доктрине нет единого мнения о том, в какой момент возникла теория информационного общества. Так, Т. Ершова пишет, что «пионерами информационного общества считают основоположников кибернетики и математической теории связи — американских ученых Клода Шеннона, Норберта Винера, Джона фон Неймана, Алана Тьюринга, а также советских математиков школы академика Колмогорова, прежде всего, самого Андрея Николаевича Колмогорова»³³⁵. Она относит основание концепции информационного общества к 50-м годам XX в.

На более ранние истоки теории информационного общества указывает А. Маттерларт. Он начинает исследование теорий информационного общества с Лейбница (1646-1716), который впервые упорядочил множество чисел и придал ему строгую иерархию³³⁶.

Кристофер Мэй анализ развития концепции информационного общества начинает с труда Фрица Махлупа «Производство и распространение знаний в Соединённых Штатах», изданного в 1962 году³³⁷.

Отметим, что первые социологические исследования информационного общества относятся к 60-м годам XX в. (Ю. Хаяши, Ф. Махлуп и Т. Умесао).

Можно придерживаться периодизации развития концепции информационного общества, предложенной К. Мэйем:

1) с 1962 года до середины 70-х годов XX в. анализ концепции концентрировался исключительно на США;

2) со второй половины 70-х годов до начал 90-х годов XX в. ИКТ стали развиваться интенсивно в богатых и развитых государствах, и сфера для анализа расширилась;

3) сейчас анализ сфокусирован на потенциале и возможностях Интернета и ведёт к широкому интересу в отношении глобального информационного общества.³³⁸

К. Мэй не учитывает современный этап развития теории информационного общества. Сейчас анализ должен быть сфокусирован на развитии информационно-коммуникационных систем и вопросах региональных информационных обществ, которые мало разработаны.

С тем, чтобы не отходить от существа проблемы — выработки комплексного подхода к понятию информационного общества, для демон-

---

³³⁵ Ершова Т. Информационное общество — это мы! М., 2008. С. 27–28.

³³⁶ Matterlart A. The information society: an introduction. London, 2003. P. 6.

³³⁷ May C. The Information Society: a sceptical view. Cambridge, 2003. P/ 3.

³³⁸ Ibid. P. 4.

страции многообразия теорий информационного общества воспользуемся классификацией, данной Ф. Уэбстером³³⁹. Он выделяет пять групп теорий информационного общества: технологическую, экономическую, профессиональную, пространственную и культурную. Все эти концепции взаимосвязаны.

Технологическая концепция подчёркивает значение инноваций, которые появились в конце 70-х годов XX в. Новые технологии являются наиболее видимым показателем наступления нового времени и свидетельством формирования информационного общества.

Экономическая концепция основана на росте в составе экономики удельного веса информационной деятельности, а также росте в валовом внутреннем продукте вклада информационного бизнеса. С ростом объёма информационной деятельности в сравнении с сельским хозяйством и промышленностью формируется информационное общество. Нетрудно заметить, что информационная деятельность предполагает использование ИКТ, что связано с технологическим подходом.

Профессиональная теория концентрируется на специфике занятости работников. Предполагается, что информационное общество формируется тогда, когда большинство населения занято в информационной сфере. На смену обычной промышленной занятости приходит «беловоротничковая» работа. Эта теория связана с экономической, поскольку такую структуру занятости может обеспечить эффективный информационный бизнес.

Пространственная теория подчёркивает роль и значение информационных сетей, которые эффективно организовали время и связали пространство. В последние годы информационные сети стали отличительной чертой информационного общества и главной особенностью организации общества. По сути, сети связывают весь мир, «сетевое общество» существует на национальном, региональном и глобальном уровнях. Пространственная теория во многом заменила технологическую, учитывая новый виток развития ИКТ.

Культурная теория высказывает озабоченность постоянным нахождением человека в информационной среде, полагая, что при избытке информации всё меньше значения. Полагаю, что обращение этой концепции к восприятию информации каждым индивидом свидетельствует о её яркой гуманистической направленности.

Разнообразие теорий информационного общества объясняется тем, что в информационном обществе взаимодействует множество факторов и явлений, что обуславливает необходимость выработки комплексной теории информационного общества на базе уже существующих концепций.

---

³³⁹ Webster F. Theories of the Information Society. London, 2006. P. 8–21.

Определенные сложности возникают и при попытке дать краткое определение информационного общества. Характерно, что исследователи не ставили своей целью при определении понятия информационного общества дать краткое его определение – они были сосредоточены на выявлении круга характерных черт информационного общества и его описании³⁴⁰.

Наиболее развернутым является определение информационного общества в Декларации принципов Всемирного саммита по информационному обществу. В п. 1 Декларации говорится об ориентированном на интересы людей, открытом для всех и направленном на развитие информационном обществе, в котором каждый мог бы создавать информацию и знания, иметь к ним доступ, пользоваться и обмениваться ими. В данном определении указан ряд признаков информационного общества — доступность информации для всех, направленность на развитие, открытость. Однако нетрудно заметить, что ориентированность на интересы людей, открытость характерны для любого демократического общества и не зависят непосредственно от уровня развития ИКТ и информационно-коммуникационных систем.

В доктрине нет единообразного подхода к определению признаков информационного общества. Однако все авторы признают значение ИКТ для развития информационного общества. Так, А. Д. Еляков говорит о создании специфической инфосферы для развития коммуникационных сетей, информационных технологий, которые связывают между собой континент или регион, а, главное, мировое сообщество воедино³⁴¹.

Следует отметить, что информационное общество — это формирующаяся система общественных отношений. Отдельные государства и регионы значительно продвинулись в его построении. Как следствие, при характеристике информационного общества необходимо учитывать те признаки, которые проявляются в настоящее время.

Нами определены субъекты, объект и содержание отношений в информационном обществе.

Современные отношения по созданию, распространению, получению, иным действиям по обращению информации, ее хранению и уничтожению характеризуются широким кругом субъектов. Следует согласиться с Й. Масудой, который утверждает, что «наиболее развитой стадией ин-

---

³⁴⁰ См., например: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999 С. 152-162; . Hassan R. The information society. Cambridge, 2008. P/ 23-31.

³⁴¹ Еляков А.Д. Современное информационное общество (философско-социологический анализ). Самара, 2007. С. 34.

формационного общества должно стать общество массового производства знаний, в котором компьютеризация позволяет каждому индивиду создавать знания и использовать их для самореализации». ³⁴² Субъектами информационных отношений все активнее выступают индивиды и объединения индивидов — юридические лица, общественные объединения и т. п. Данное обстоятельство связано с тем, что ИКТ позволяют осуществлять непосредственную коммуникацию между людьми независимо от государственных границ.

Изменяется и объект информационных отношений. Если до середины XX в. существовали отдельные, обособленные носители информации, то далее возможности для познания расширились. Субъекты информационных отношений приобрели возможность оперировать информационными системами, к которым, прежде всего, относится Интернет. В XXI в. возникли информационно-коммуникационные системы (искусственный интеллект, Большие данные, нейронные сети, распределённые реестры). Таким образом, в информационном обществе складываются отношения по поводу функционирования информационно-коммуникационных систем.

Существенные изменения произошли в содержании информационных отношений. Возможности ИКТ стали использоваться во многих сферах жизни общества: политической, экономической, социальной, культурной. В эти же сферы стали постепенно проникать информационно-коммуникационные системы. Информационные отношения стали опосредовать экономические, политические, социальные и культурные отношения.

Информационное общество как общую категорию можно определить следующим образом: это система общественных отношений, складывающихся в области функционирования информационных систем, которые сформированы на базе развития информационно-коммуникационных технологий, и развития информационно-коммуникационных систем, в которой информационные отношения оказывают влияние на политические, экономические, социальные, культурные отношения.

Следует отметить сложности в настоящее время в выработке понятия регионального информационного общества. Ввиду явного проявления «цифрового разрыва» сложно выработать единое понятие для Европы, Азии, Африки, Латинской Америки. Как следствие, в каждом регионе информационное общество приобретает собственные черты. При этом уровень, на котором находится региональное информационное общество, в значительной степени зависит от глубины региональной интеграции.

---

³⁴² Masuda Y. The Information Society as Post-Industrial Society. Washington, 1983. P. 33.

Наибольшая степень урегулированности вопросов информационного общества характерна для ЕС.

В ЕС реализуется концепция Электронного общего рынка. В частности, все органы ЕС работают над решением вопросов стимулирования электронной торговли в ЕС путем решения проблемы большей доступности и эффективности трансграничной доставки посылок; модернизации авторского права ЕС в соответствии с цифровой эпохой; расширения масштабов реагирования Европы на кибератаки путем укрепления ENISA, агентства ЕС по кибербезопасности, и создания эффективного кибернетического сдерживания со стороны ЕС и уголовного законодательства для защиты граждан Европы, бизнеса и государственных учреждений; раскрытия потенциала европейской экономики данных на основе свободного потока неличных данных в ЕС; обеспечение того, чтобы все в ЕС имели наилучшее возможное подключение к Интернету и права всех участвовать в цифровой экономике, так называемом «подключении к европейскому гигабитному обществу».

Однако уровень развития информационного общества на основе интеграционных процессов в ЕАЭС не менее впечатляющий, чем в Европе.

ЕАЭС сосредоточился на создании технологической основы регионального информационного общества – интегрированной информационной системы ЕАЭС, обеспечивающей интеграцию территориально распределенных государственных информационных ресурсов и информационных систем уполномоченных органов, а также информационных ресурсов и информационных систем Комиссии.

В Приложении № 3 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (далее – Договор о ЕАЭС)³⁴³ интегрированная информационная система Союза определяется как организационная совокупность территориально распределенных государственных информационных ресурсов и информационных систем уполномоченных органов, информационных ресурсов и информационных систем Комиссии, объединенных национальными сегментами государств-членов и интеграционным сегментом Комиссии. При этом национальный сегмент государства-члена и интеграционный сегмент Комиссии – это информационные системы, обеспечивающие информационное взаимодействие информационных систем уполномоченных органов и информационных систем Комиссии в рамках интегрированной информационной системы Союза. Как следствие интегрированную информационную систему Союза можно определить как «мегаинформационную систему», состоящую из информационных систем.

---

³⁴³ Здесь и далее материалы ЕАЭС приводятся с информационного портала <https://portal.eaeunion.org/ru-ru/public/main.aspx>

Договор о ЕАЭС определяет функционал «мегаинформационной системы»:

1) создание и ведение на основе унифицированной системы классификации и кодирования единой системы нормативно-справочной информации ЕАЭС;

2) создание интегрированной информационной структуры межгосударственного обмена данными и электронными документами в рамках ЕАЭС;

3) создание общих для государств-членов информационных ресурсов;

4) обеспечение информационного взаимодействия на основе положений Договора о ЕАЭС для обеспечения формирования общих информационных ресурсов, информационного обеспечения уполномоченных органов, осуществляющих государственный контроль, а также реализации общих процессов в рамках ЕАЭС;

5) обеспечение доступа к текстам международных договоров и актов, составляющих право ЕАЭС, и проектов международных договоров и актов, составляющих право ЕАЭС, а также к общим информационным ресурсам и информационным ресурсам государств-членов;

6) создание и обеспечение функционирования общей инфраструктуры документирования информации в электронном виде.

Характерно, что информационная система ЕАЭС формируется как межгосударственная, однако при формировании в ней открытых сегментов она станет основой инфраструктуры регионального информационного общества.

Значимую роль для формирования регионального информационного общества играет и концепция трансграничного пространства доверия. Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 18 сентября 2014 г. N 73 утверждена Концепция использования при межгосударственном информационном взаимодействии сервисов и имеющих юридическую силу электронных документов.

Концепция определяет общие подходы к организации процесса обеспечения юридически значимого взаимодействия в рамках Союза при трансграничном электронном взаимодействии в интегрированной системе путем обеспечения юридической силы электронных документов, передаваемых в рамках интегрированной системы.

Целями Концепции являются определение принципов реализации в интегрированной системе юридически значимого взаимодействия в рамках ЕАЭС и установление порядка признания юридического значения электронных документов с использованием необходимых организационных, технических и правовых подходов. Опыт межгосударственного обмена в

придании юридической силы электронным документам может быть использован и в открытых информационных системах, в частности, в региональном и национальных сегментах Интернета.

ЕАЭС проводит значимую работу по регламентации искусственного интеллекта.

Высший Евразийский экономический совет принял Решение от 11 октября 2017 г. № 12 «Об основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года», которое по своей сути является программным документом, не налагающим юридические обязательства на государства-участники – государствам предложено совместно с Евразийской экономической комиссией проработать инициативы в соответствии с приоритетами ЕАЭС в цифровой сфере.

Технологии искусственного интеллекта вошли в Перечень приоритетных видов экономической деятельности для промышленного сотрудничества государств-членов ЕАЭС, утверждённый Решением N 9 Евразийского межправительственного совета от 27 ноября 2018 г. «Об Основных направлениях промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза», а также Перечень «отраслей будущего», утверждённый Распоряжением Евразийского межправительственного совета от 07 марта 2017 г. № 2 «О сферах экономики, обладающих интеграционным потенциалом в Евразийском экономическом союзе, и мерах, направленных на его использование». Рекомендация N 1 от 05 декабря 2018 г. Совета Евразийской экономической комиссии утвердила Концепцию создания условий для цифровой трансформации промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза и цифровой трансформации промышленности государств – членов Союза.

В то же время построение регионального информационного общества связано преимущественно с особенностями регламентации услуг в рамках ЕАЭС.

Экономическую основу информационного общества составляют различные виды услуг, как связанные с функционированием Интернета (услуги провайдеров, в том числе провайдеров хостинга, услуги по созданию и технической поддержке сайтов, услуги по распределению доменных имён), так и новые виды услуг, появляющиеся при применении информационно-коммуникационных систем (услуги облачных вычислений, услуги майнинга, услуги по машинному обучению).

Статья 38 Договора о ЕАЭС устанавливает, что государства-члены осуществляют координацию в сфере торговли услугами с третьими сторонами; осуществление координации не означает наднациональной компетенции ЕАЭС в этой сфере. Как следствие, внешняя торговля услугами не

передана государствами в ведение ЕАЭС, в отличие от внешней торговли товарами. Соответственно, ЕАЭС не уполномочен осуществлять унификацию правил внешней торговли услугами, могут применяться только механизмы гармонизации.

Однако в рамках ЕАЭС ведётся работа по обеспечения свободы торговли услугами для достижения цели обеспечения функционирования единого рынка услуг в определённых секторах. Функционирование единого рынка услуг предусмотрено пунктами 38 – 43 приложения № 16 к Договору о ЕАЭС.

Под единым рынком услуг понимается состояние рынка услуг в рамках конкретного сектора, в котором каждое государство-член предоставляет лицам любого другого государства-члена право на:

- 1) поставку и получение услуг на условиях, указанных в соответствующих пунктах приложения № 16 к Договору о ЕАЭС, без ограничений, изъятий и дополнительных требований, за исключением отдельных «горизонтальных» условий и ограничений;
- 2) поставку услуг без дополнительного учреждения в форме юридического лица;
- 3) поставку услуг на основании разрешения на поставку услуг, полученного поставщиком услуг на территории своего государства-члена;
- 4) признание профессиональной квалификации персонала поставщика услуг.

Правила единого рынка услуг действуют в отношении государств-членов на условиях взаимности.

Единый рынок услуг в рамках Союза функционирует в секторах услуг, утверждаемых Высшим советом на основании согласованных предложений государств-членов и Комиссии.

Согласно Решению Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 110 «Об утверждении перечня секторов (подсекторов) услуг, в которых функционирует единый рынок услуг в рамках Евразийского экономического союза» в данный перечень услуг вошли:

- 1) услуги, связанные с базами данных, в части: предоставления информации на веб-сайтах; предоставления услуг по поиску данных и другой информации из информационных ресурсов для всех или ограниченного числа пользователей;
- 2) услуги, связанные с вычислительной техникой, включая услуги по техническому обслуживанию и ремонту вычислительной техники, и связанные с ними услуги по подготовке данных в части: предоставления помощи по поддержанию компьютерных систем (программного обеспечения) в рабочем состоянии; технического обслуживания, включая

испытания с целью выявления, локализации и устранения сбоев, улучшения программ, предоставления современных руководств для пользователя; предоставления консультаций;

3) консультативные услуги в связи с установкой вычислительной техники.

На эти специальные виды услуг распространяются общие положения о регулировании единого рынка услуг, выработанные в практике Суда ЕАЭС.

Деятельность Суда ЕАЭС привлекала внимание отечественных учёных в следующих аспектах: 1) исследование статуса Суда ЕАЭС и его места в системе международных судебных учреждений и органов ЕАЭС³⁴⁴; 2) роль Суда ЕАЭС в формировании права ЕАЭС³⁴⁵; 3) отдельные вопросы функционирования Суда ЕАЭС³⁴⁶. Настоящее исследование проводится в рамках второго направления, имеющего значение для формирования права ЕАЭС в целом.

В Консультативном заключении от 10 июля 2020 года Суд ЕАЭС дал, в том числе, ответ на общий вопрос, поставленный Министерством юстиции РФ: входят ли лизинговые услуги, оказываемые лизинговой компанией, не являющейся банком, в предмет регулирования Протокола по финансовым услугам либо они регулируются положениями Протокола о торговле услугами. По существу, была высказана позиция о соот-

---

³⁴⁴ Ватыль В.Н., Ватыль Н.В. Суд Евразийского экономического союза: наднациональный уровень нормативно-правового регулирования // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4. Правоведение. 2020. Т. 10. № 3. С. 130-137; Кирин А.А. Суд Евразийского экономического союза в системе наднациональных органов // Евразийский союз ученых. 2015. № 4-9 (13). С. 69-72; Протазанова А.В. Суд Евразийского экономического союза (ЕАЭС): правовой статус и судебная практика в отношении юридических и физических лиц // Российская наука в условиях реформ: практический результат инновационных трансформаций. Сборник научных статей. Тюмень, 2017. С. 66-71.

³⁴⁵ Нешатаева Т.Н. Суд Евразийского экономического союза: от правовой позиции к действующему праву // Международное правосудие. 2017. № 2 (22). С. 64-79; Нешатаева Т.Н. Единоеобразное правоприменение – цель Евразийского суда // Российское правосудие. 2016. № 11 (127). С. 5-17; Ананьева М.К., Малько Е.А. Суд Евразийского экономического союза в реализации правовой политики // Юридическая наука. 2018. № 3. С. 19-23; Исакова Ж.Т., Карабаев Ф.Ж. Суд Евразийского экономического союза в становлении правовой системы интеграционного объединения // International Scientific Review. 2017. № 2 (33). С. 58-60; Савенков А.Н., Чайка К.Л., Дьяченко Е.Б., Энтин К.В. Суд Евразийского экономического союза и становление права ЕАЭС. – М., Проспект, 2021. – 352 с. 1

³⁴⁶ Баишев Ж.Н. Суд Евразийского экономического союза: проблемы функционирования // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14. № 1. С. 57-75; Он же. Субъекты обращения в Суд Евразийского экономического союза, в том числе по вопросам потребительского кредитования // Право и государство. 2020. № 1-2 (86-87). С. 106-129.

ношении общего и специального регулирования определённой категории услуг.

Суд ЕАЭС установил, что целью раздела XV Договора о ЕАЭС является обеспечение свободы торговли услугами в соответствии с условиями этого раздела и Протокола о торговле услугами. Правовые основы регулирования торговли услугами определяются Протоколом о торговле услугами.

Исключение составляют государственные (муниципальные) закупки, а также поставляемые услуги и осуществляемая деятельность во исполнение функций государственной власти.

Суд ЕАЭС пришел к выводу, что раздел XV устанавливает общее регулирование для всех видов (секторов) услуг, в то время как разделы XVI, XIX, XX и XXI Договора устанавливают специальное регулирование для таких видов услуг как: финансовые, естественных монополий, энергетики, транспортные. В соответствии с правовым принципом *lex specialis derogat generali* при наличии противоречий между общим и специальным регулированием применяются правила, установленные специальными нормами. К отношениям, которые не охвачены специальным регулированием, применяются общие нормы.

Поскольку «услуги информационного общества» не урегулированы специальными нормами, к ним применяются общие нормы.

Важное значение имеет и вывод Суда ЕАЭС об условиях поэтапной либерализацию взаимной торговли услугами. Либерализация торговли услугами осуществляется путем гармонизации законодательства государств-членов и организации взаимного административного сотрудничества компетентных органов государств-членов.

Одним из принципов, которым руководствуются государства в процессе либерализации торговли услугами является принцип последовательности

Следовательно, государства-члены взяли на себя обязательства не ухудшать условия взаимного доступа по сравнению с условиями: существующими в соответствующем государстве-члене на дату подписания Договора о ЕАЭС; закрепленными в самом Договоре.

В то же время научно-технический прогресс требует не столько сохранения существующего положения, сколько эффективных мер развития.

В итоге рассмотрения дела Большая коллегия констатировала, что услуги по финансовому лизингу не входят в Единый перечень секторов услуг в рамках Союза, в которых функционирует единый рынок, утвержденный решением Высшего совета от 23 декабря 2014 года № 110; деятельность по предоставлению такой финансовой услуги как финансовый лизинг регулируется положениями раздела XVI Договора и Протокола по финансовым услугам.

Для понимания общего подхода к регулированию услуг в рамках ЕАЭС определяющее значение имеет Особое мнение судьи Т.Н. Нешатаевой по анализируемому делу, дополняющее мотивировочную часть Консультативного заключения. Судья Т.Н. Нешатаева отметила, что: «Договор о ЕАЭС является сложным с точки зрения юридической техники: основополагающую роль в нем выполняют принципы (например, свободы движения товаров, услуг, капитала, рабочей силы, согласно пункту 1 статьи 1 Договора), которым подчиняются все остальные разделы, нормы, затем раскрываемые в специальных нормах протоколов к Договору. Применительно к настоящему делу содержание указанных принципов раскрывается в нормах Договора: о единой, согласованной, скоординированной политиках в Евразийском экономическом союзе (далее – Союз, ЕАЭС) (статьи 1, 2 Договора), согласованной макроэкономической политике (статья 62 Договора), торговли услугами, учреждении, деятельности и осуществления инвестиций (статьи 65-69 Договора), регулировании финансовых рынков (статья 70 Договора); а также раскрываются в специальных нормах Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций (приложение № 16 к Договору; далее – Приложение № 16), Протокола по финансовым услугам (приложение № 17 к Договору; далее – Приложение № 17).» Тем самым судьей Т.Н. Нешатаевой выявлена система регулирования единого рынка услуг в рамках ЕАЭС, ключевую роль в которой выполняет принцип свободы движения услуг. Совершенно справедливо и то, что политика в отношении услуг в ЕАЭС должна быть скоординированной и проводиться в русле единой макроэкономической политики. Сказанное полностью справедливо и в отношении «услуг информационного общества».

Таким образом, регулирование «услуг информационного общества» в рамках ЕАЭС должно осуществляться в соответствии с макроэкономической политикой ЕАЭС, скоординированными политиками государств-членов в отношении рынка услуг, на основе принципа свободы движения услуг, в соответствии с разделом XV Договора о ЕАЭС.

«Услуги информационного общества» подпадают и под действие принципов и правил конкуренции, установленных разделом XVIII Договора о ЕАЭС и Приложением № 19 к Договору о ЕАЭС. Согласно данному приложению, товар – это объект гражданских прав, предназначенный для продажи, обмена или иного введения в оборот, который включает услугу.

Договор о ЕАЭС предусматривает основные положения, которые государства включают в антимонопольное законодательство, а также меры, которые они обязаны принять.

Во-первых, применение государствами-членами норм своего анти-монопольного законодательства к хозяйствующим субъектам государств-членов осуществляется одинаковым образом и в равной мере независимо от организационно-правовой формы и места регистрации таких хозяйствующих субъектов на равных условиях.

Во-вторых, предусмотрена обязанность государств установить запреты на: 1) соглашения между органами государственной власти, органами местного самоуправления, иными осуществляющими их функции органами или организациями или между ними и хозяйствующими субъектами (субъектами рынка), если такие соглашения приводят или могут привести к недопущению, ограничению или устранению конкуренции; 2) предоставление государственных или муниципальных преференций. Исключения устанавливаются только в соответствии с Договором о ЕАЭС.

В-третьих, принимаемые государствами организационные меры включают: 1) эффективный контроль за экономической концентрацией в той мере, в какой это необходимо для защиты и развития конкуренции на территориях каждого государства-члена; 2) наличие органа государственной власти, в компетенцию которого входит реализация и (или) проведение конкурентной (антимонопольной) политики с соответствующими полномочиями; 3) информационную открытость проводимой государствами конкурентной (антимонопольной) политики, в том числе посредством размещения сведений о деятельности уполномоченных органов государств-членов в средствах массовой информации и сети Интернет.

В-четвёртых, государства-члены устанавливают в своем законодательстве штрафные санкции за совершение антиконкурентных действий в отношении хозяйствующих субъектов и должностных лиц органов власти, исходя из принципов эффективности, соразмерности, обеспеченности, неотвратимости и определенности, и обеспечивают контроль за их применением.

В этом аспекте показательным является дело С-3/19 по заявлению ЗАО «Дельрус», ТОО «Дельрус РК».

Заявители оспаривали решение Комиссии от 17 сентября 2019 года № 165 «О нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках», в соответствии с которым она установила в действиях (бездействии) ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» наличие и реализацию соглашения, которое привело к разделу рынка услуг по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan по территориальному принципу, в нарушение подпункта 3 пункта 3 статьи 76 Договора о ЕАЭС. Соответствующая норма запрещает соглашения между хозяйствующими субъектами (субъектами рынка) государств-членов, являющимися конкурентами, действу-

ющими на одном товарном рынке, которые приводят или могут привести к разделу товарного рынка по территориальному принципу.

В Решении от 11 февраля 2020 года Коллегия Суда Евразийского экономического союза отметила, что при рассмотрении дела по заявлению хозяйствующего субъекта об оспаривании решения Комиссии или его отдельных положений Суд ЕАЭС в судебном заседании осуществляет проверку: 1) полномочий Комиссии на принятие оспариваемого решения; 2) факта нарушения прав и законных интересов хозяйствующих субъектов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных им Договором о ЕАЭС и (или) международными договорами в рамках ЕАЭС; 3) оспариваемого решения или его отдельных положений на соответствие их Договору о ЕАЭС и (или) международным договорам в рамках ЕАЭС. Тем самым был определён круг вопросов, решаемых Судом ЕАЭС.

Коллегия отметила различия в предмете регулирования и сфере применения положений разделов XV и XVIII Договора о ЕАЭС.

Целью раздела XV Договора о ЕАЭС является обеспечение свободы торговли услугами в рамках ЕАЭС в соответствии с условиями раздела и приложения № 16 к Договору о ЕАЭС.

Сфера применения раздела XV Договора и Протокола о торговле услугами (далее – Протокол) направлена на формирование и регулирование единого рынка услуг. Пунктом 40 Протокола о торговле услугами предусмотрено, что единый рынок услуг в рамках Союза функционирует в секторах услуг, утверждаемых Высшим Евразийским экономическим советом. Изложенное в Протоколе понятие единого рынка услуг применяется только для целей соответствующего раздела данного Протокола.

Коллегия Суда ЕАЭС обратила внимание, что действие и применение общих принципов и правил конкуренции на территориях государств-членов не ограничено перечнем секторов услуг, утверждаемых Высшим советом.

Общие принципы и правила конкуренции распространяются на отношения, связанные с реализацией конкурентной (антимонопольной) политики на территориях государств-членов, и на отношения с участием хозяйствующих субъектов, которые оказывают или могут оказать негативное влияние на конкуренцию на трансграничных рынках на территориях двух и более государств-членов.

Сфера действия положений раздела XVIII Договора и Протокола об общих принципах и правилах конкуренции распространяется на все отношения, которые оказывают или могут оказать негативное влияние на конкуренцию в рамках ЕАЭС, на все виды хозяйственной деятельности. Огра-

ничена она лишь сферами, прямо указанными в соответствующих положениях раздела XVIII Договора и Протокола об общих принципах и правилах конкуренции (финансовые рынки).

Следовательно, «услуги информационного общества» подпадают под действие раздела XVIII Договора о ЕАЭС и Протокола об общих принципах и правилах конкуренции.

Апелляционная палата Суда ЕАЭС указала, что Коллегией Суда ЕАЭС в решении от 11 февраля 2020 г. сделан верный вывод о том, что полномочия Комиссии по контролю за соблюдением общих правил конкуренции на трансграничных рынках не ограничены сферами, предусмотренными в Перечне секторов услуг, в которых функционирует единый рынок услуг в рамках Союза, утвержденном Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 110, а действуют в рамках единого экономического пространства Союза.

Апелляционная палата Суда ЕАЭС дала следующее обоснование своей позиции: «Раздел XVIII Договора «Общие принципы и правила конкуренции» и Протокол не оперируют понятием «общий (единый) рынок» (статья 2 Договора), равно как и понятием «единый рынок услуг» (пункт 38 Протокола), а используют категорию «трансграничный рынок», что с учетом пункта 4 статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. свидетельствует о намерении создателей Договора наделить указанный термин специальным значением и позволяет распространить компетенцию Комиссии по пресечению нарушений общих правил конкуренции на трансграничных рынках на рынок услуг по калибровке датчиков.» Как следствие, категория «трансграничный рынок» в полной мере применяется к трансграничным рынкам услуг.

Таким образом, в практике Суда ЕАЭС выявлено, что наряду с разделом XV Договора о ЕАЭС и Приложением № 16 к Договору о ЕАЭС к «услугам информационного общества» применяются раздел XVIII Договора о ЕАЭС и Протокола об общих принципах и правилах конкуренции. Регулирование трансграничного рынка услуг в рамках ЕАЭС осуществляется в соответствии с макроэкономической политикой ЕАЭС, скоординированными политиками государств-членов в отношении рынка услуг, на основе принципа свободы движения услуг.

§ 2. О современных тенденциях развития международного правосудия в киберпространстве

«Суды не должны оставаться «бумажными островами» в «электронном океане»³⁴⁷.

Jeff Leeuwenburg & Anne Wallace. Technology for Justice

Большинство стран сегодня уделяет повышенное внимание управлению киберпространством и управлению в киберпространстве. У зарубежных и отечественных ученых нет единства в понимании этого термина³⁴⁸, но очевидно, что можно говорить о некоей технической архитектуре, которая позволяет функционировать Интернету, и о том, как именно эта архитектура используется государствами, организациями и пользователями – то есть о том, что это за социальная среда, какие деяния в ней совершаются и какие правовые нормы на нее действуют.

Больше половины населения Земли сегодня пользуются средой, которую некоторые специалисты перечисляют наряду с такими пространствами как наземное, морское, воздушное и космическое³⁴⁹. И вместе с ростом числа обитателей этой новой среды, растет и кибер- (или цифровая) преступность – «один из наиболее быстро растущих видов преступной деятельности, жертвами которой по всему миру каждый день становится более миллиона человек»³⁵⁰.

«Общий ущерб мировой экономики от разного рода кибератак, по данным ООН, уже несколько лет подряд исчисляется триллионами долларов, ожидается, что к 2025 году он достигнет 10 трлн долларов»³⁵¹, при этом «ущерб от киберпреступлений в России в 2021 году оценивается в 90 миллиардов рублей против порядка 70 миллиардов рублей годом ранее»³⁵².

---

³⁴⁷ Jeff Leeuwenburg & Anne Wallace. Technology for Justice – 2002 Report // Melbourne: Australian Institute for Judicial Administration, 2003. The Australasian Institute of Judicial Administration. – URL: <http://www.aija.org.au/tech3/report.pdf> (Дата обращения 12.05.2023 г.)

³⁴⁸ См. Ефремова И.А., Смушкин А.Б., Донченко А.Г., Матушкин П.А. Киберпространство как новая среда преступности // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 472. – DOI: 10.17223/15617793/472/29. – С. 248-250.

³⁴⁹ Бородакий Ю.В., Добродеев А.Ю., Бугусов И.В. Кибербезопасность как основной фактор национальной и международной безопасности XXI века (Часть 1) // Вопросы кибербезопасности. – 2013. – № 1. – С. 2-9.

³⁵⁰ Rakhmanova E.N., Pinkevich T.V. Digital crime concept // Advances in Economics, Business and Management Research. – 2020. – Т. 138. – Р. 193.

³⁵¹ Эксперты оценили ущерб мировой экономики от кибератак в триллионы долларов // Газета.ru. 07.02.2023. – URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2023/02/07/19686835.shtml> (Дата обращения 12.05.2023 г.).

³⁵² Эксперт оценил ущерб от киберпреступлений в России в 2021 году // РИА Новости. 22.12.2021. – URL: <https://ria.ru/20211222/kiberprestupleniya-1764832102.html> (Дата обращения 12.05.2023 г.).

Во «Всестороннем исследовании проблемы киберпреступности» Управления ООН по наркотикам и преступности 2013 года³⁵³, в частности, раскрывались особенности киберпреступлений. Они совершаются непривычно быстро, легко, как правило, не требуют особых познаний и запросто пересекают любые государственные границы и барьеры. Все это привело с развитием технологий к необходимости поиска и выработки общих международных мер для борьбы с разными формами киберпреступности.

При этом как на момент публикации доклада, так и по сей день отмечаются сложности в проведении расследований, установлении субъектов преступлений, их поиске и задержании, недостаточность правовых баз, проблемы международного сотрудничества и процесса доказывания. Статистически образуется своего рода широкая воронка – от огромного числа деяний к незначительному числу регистраций, и еще меньшему – судебных процессов: «Эти трудности отражены в имеющейся статистике по соотношению числа подозреваемых к количеству зарегистрированных полицией случаев, и в оценках «убыли», сравнивающих количество осужденных и зарегистрированных преступлений»³⁵⁴.

Если киберпространство стало новой средой для развития киберпреступности, то должно существовать и киберправосудие. Но, чем ближе мы от преступника к суду, тем ниже становится уровень специализации лиц, сталкивающихся с киберпреступностью. На момент составления доклада ООН, «лишь 10% стран сообщили о наличии определенных специализированных судебных служб по вопросам киберпреступности. Только 3% стран-респондентов сообщили о наличии отдельных специализированных судебных групп по вопросам киберпреступности. Около 6% указали на существование других видов специализированных судебных групп, таких как суд по коммерческим преступлениям. 3% сообщили о системе юридического надзора за делами о киберпреступлениях, осуществляемого судебными работниками, имеющими специальную подготовку». Наконец, несколькими странами была отмечена «разработка планов по созданию специализированных судов или трибуналов для работы с киберпреступлениями путем реализации правовых или административных мер»³⁵⁵.

Впрочем, киберпреступность далеко не первый вид преступности, который потребовал от мирового сообщества принятия глобальных ответных мер, так что в борьбе с ней применяются существующие разработки, напри-

---

³⁵³ Всестороннее исследование проблемы киберпреступности // Управление Организации Объединенных наций по наркотикам и преступности. – 2013. – URL:

https://www.unodc.org/documents/organized-crime/cybercrime/Cybercrime_Study_Russian.pdf С. 187. (Дата обращения 12.05.2023 г.).

³⁵⁴ См. там же.

³⁵⁵ Там же. – С. 192.

мер, по борьбе с транснациональной организованной преступностью. Вместе с тем, никто не подвергает сомнению тот факт, что киберпреступность представляет уникальные задачи для международного сотрудничества.

Международная недеговороспособность

Универсальный международный акт о киберпреступности все еще не создан. Некоторое время вопрос о том, применимо ли вообще существующее международное право к киберпространству, оставался открытым. Ведь изначально управление киберпространством исходило не от государств, а от научных учреждений и частных лиц, создавших Интернет, пусть и за счет госфинансирования³⁵⁶. Но со временем интерес к киберпространству как к сфере геополитического соперничества вырос, и сегодня большинство государств и международных организаций считают, что действующее международное право применимо к использованию информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ).

Поэтому в области принятия международных и региональных документов на уровне ООН, Совета Европы и Европейского союза; Содружества независимых государств и Шанхайской организации сотрудничества; межправительственных африканских организаций; Лиги арабских государств идет активная работа. И эти группы не являются обособленными, некоторые базовые понятия, например, из документов Совета Европы, можно встретить во многих других документах.

В своей Резолюции 65/230 2010 г. Генеральная Ассамблея ООН обратилась к Комиссии по предупреждению преступности и уголовному правосудию с просьбой учредить, «в соответствии с пунктом 42 Сальвадорской декларации межправительственную группу экспертов открытого состава для проведения всестороннего исследования проблемы киберпреступности и ответных мер со стороны государств-членов, международного сообщества и частного сектора, включая обмен информацией о национальном законодательстве, передовом опыте, технической помощи и международном сотрудничестве, с целью изучения возможных путей укрепления существующих и выработки предложений в отношении новых национальных и международных правовых или других мер по противодействию киберпреступности»³⁵⁷. А в своей резолюции 74/247 от 29 декабря 2019 года, озаглавленной «Противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях», Генеральная Ассам-

---

³⁵⁶ Hollis D. A Brief Primer on International Law and Cyberspace // Carnegie Endowment for International Peace. – 2021. – URL: <https://carnegieendowment.org/2021/06/14/brief-primer-on-international-law-and-cyberspace-pub-84763> (Дата обращения 12.05.2023 г.).

³⁵⁷ Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 21 декабря 2010 года [по докладу Третьего комитета (A/65/457)] // <https://undocs.org/> (Дата обращения 12.05.2023 г.).

блея постановила учредить специальный межправительственный комитет экспертов открытого состава, представляющий все регионы, для разработки всеобъемлющей международной конвенции о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях, в частности, учитывая работу и итоги работы Межправительственной группы экспертов открытого состава для проведения всестороннего исследования проблемы киберпреступности³⁵⁸. Российская Федерация внесла решающий вклад в создание этого проекта, и летом 2023³⁵⁹.

Однако, комитет ООН поражен тяжелыми разногласиями. Нет единства в таких вопросах как ключевая используемая терминология (например, «киберпреступность» или все же «использование информационно-коммуникационных технологий в преступных целях»); круг преступлений, подлежащих уголовной ответственности в соответствии с договором; сфера сотрудничества; и гарантии прав человека и защиты данных.

Ряд государств, к которым относятся Россия, Китай, страны CARICOM, некоторые страны Африки и арабские государства предлагают принять более широкомасштабный договор без ограничений, утверждая, что конкретные формулировки о гарантиях, праве на неприкосновенность частной жизни и правах человека снизят эффективность договора. Вторая группа – в первую очередь западноевропейские страны, а также страны-участницы Будапештской конвенции, о которой скажем далее, такие как Япония, Филиппины и несколько государств Центральной и Южной Америки, призывают к ограниченному сотрудничеству при строгих гарантиях. Первая группа ставит под сомнение предложенные формулировки о прозрачности и подотчетности, которые, по их мнению, будут препятствовать доступу к помощи. Нет согласия даже по поводу заключительных положений: западные страны требуют гораздо большего числа подписей для вступления в силу (70), а российская делегация и сторонники российского варианта предлагают 30. Таиланд, например, предложил компромиссный вариант в 40-50 стран³⁶⁰.

---

³⁵⁸ Предлагаемый план и методы дальнейшей работы Специального комитета по разработке всеобъемлющей международной конвенции о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях // https://www.unodc.org/documents/Cybercrime/AdHocCommittee/Background_paper/A_AC.291_2_R.pdf (Дата обращения 12.05.2023 г.).

³⁵⁹ Евдокимов К.Н., Хобонкова К.В. К проблеме совершенствования международного сотрудничества в сфере противодействия киберпреступности // Сибирский юридический вестник. – № 3 (98). – 2022. – С. 92.

³⁶⁰ Tennant Ian, Walker S. UN cybercrime treaty Ad Hoc Committee. Circle remains unsquared // Global Initiative against Transnational Organized Crime. – 2023. – URL: <https://globalinitiative.net/analysis/international-convention-ict-crime-ahc-un-2/> (Дата обращения 12.05.2023 г.).

Но и дискуссии в рамках европейских региональных организаций продолжают уже десятилетиями, да и начались раньше. Так, еще в 1989 г. Комитет министров Совета Европы принял Рекомендацию № R. (89) 9, в которой говорится, что государствам-членам необходимо учитывать преступления, связанные с использованием компьютеров, при пересмотре национального законодательства. В 1997 году был сформирован Комитет экспертов по преступности в киберпространстве (РС-СУ), который к 2001 году представил проект конвенции о киберпреступности, которая была принята и получила название Будапештской конвенции о киберпреступности³⁶¹.

Принятие Конвенции по киберпреступности Совета Европы стало историческим моментом в борьбе с киберпреступностью. Но следует учитывать, что она основана на положениях, разработанных еще в 90х годах, то есть в период совсем другого уровня развития технологий. Также, чтобы избежать перетягивания каната между интересами защиты общества и отдельных лиц от преступности, с одной стороны, и защитой прав человека – с другой, конвенцию неизбежно ограничили уголовно-правовой сферой, не касаясь целей национальной безопасности.

Со временем были приняты два Дополнительных протокола к Будапештской Конвенции. Первый протокол – 2003 г. – «Дополнительный протокол о введении уголовной ответственности за правонарушения, связанные с проявлением расизма и ксенофобии, совершенные посредством компьютерных систем». Спустя несколько лет было принято решение о начале переговоров по Второму Дополнительному протоколу, в котором стороны попытались охватить некоторые из наиболее сложных аспектов борьбы с киберпреступностью – необходимость получать трансграничный доступ к данным, доказательствам преступлений, которые хранятся в электронной форме в компьютерных системах под юрисдикцией иностранных, многочисленных или неизвестных государств³⁶².

Эту ситуацию принято описывать как «глобализацию доказательств по уголовным делам». Сегодня даже преступления, которые могут казаться не имеющими трансграничного измерения, на самом деле, способны обрести его благодаря электронным доказательствам. В 2018 году Европейская комиссия обнаружила, что в ЕС «более половины всех расследований свя-

---

³⁶¹ Convention on Cybercrime. Budapest, 23.XI.2001 // Council of Europe. European Treaty Series. – # 185. – URL: <https://rm.coe.int/1680081561> (Дата обращения 12.05.2023 г.).

³⁶² Второй Дополнительный протокол к Конвенции о киберпреступности о расширении сотрудничества и раскрытии электронных доказательств // Council of Europe. 2022. – URL: <https://rm.coe.int/ru-2ndaddprotocol-cybercrime-amended-nov2021/1680a54ecf> (Дата обращения 12.05.2023 г.).

заны с трансграничным запросом на доступ к электронным доказательствам, таким как тексты, e-мейлы или мессенджеры»³⁶³.

Итак, европейские государства идут по пути расширения сотрудничества в области раскрытия и обмена данными, рискуя столкнуться с той же проблемой, что и ООН – возникновением противоречий между необходимостью защиты общества и защиты прав человека. И это только одно из экзистенциальных противоречий.

Среди причин, которые мешают борьбе с киберпреступностью также отмечают следующие:

– Молчание. Для начала, довольно долго многие государства не принимали участия в международной дискуссии. Сама Будапештская конвенция готовилась почти что в тайне от общественности и иных заинтересованных лиц³⁶⁴. Предполагается, что некоторые государства избегают вовлекаться в международные споры, а другим может не хватать ресурсов для применения международного права в киберпространстве. Ведь если киберсреда доступна, примерно, половине человечества, это значит, что половине она еще не доступна, и проблема цифрового разрыва еще не решена.

– Уже упоминавшиеся жесткие противоречия в позициях групп стран в том, какие нормы должны действовать (или не действовать) в киберпространстве. Некоторые государства сосредоточены на договоре, который защитил бы государства от людей (например, от тех, кто угрожает безопасности государства посредством онлайн-активности). Другие стремятся к договору, который защитил бы людей от государств (например, запретил бы государствам участвовать в кибер-атаках на критическую киберинфраструктуру и потребовал от государств позитивных усилий по сотрудничеству и предотвращению таких операций другими).

– Вопросы толкования таких принципиальных положений как невмешательство, суверенитет и права человека.

– Проблемы идентификации. Международное право, как правило, регулирует деятельность таких субъектов как государства, а не ИКТ-компаний или отдельных лиц. Идентификация в киберпространстве затруднительна из-за хорошо известных технических проблем, в частности, для решения которых и предложен Второй дополнительный протокол.

---

³⁶³ E-evidence – cross-border access to electronic evidence // https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/policies/justice-and-fundamental-rights/criminal-justice/e-evidence-cross-border-access-electronic-evidence_en (Дата обращения 12.05.2023 г.).

³⁶⁴ Baron R. M. F. A Critique of the International Cybercrime Treaty // *Commlaw Conspectus*. – 2002. – Vol. 10. – P. 266. – URL: <https://scholarship.law.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=&httpsredir=1&article=1246&context=commlaw> (Дата обращения 12.05.2023 г.).

– Подотчетность. Государства активно обвиняют друг друга в злонамеренном поведении в киберпространстве, но сами редко ссылаются при этом на международное право³⁶⁵.

Все эти явления вместе подводят нас к проблеме, названной в литературе «тех-национализмом» или цифровым регионализмом. В 2010 году международный исследовательский центр EastWest Institute (EWI) создал собственную рабочую группу по киберпреступности для рассмотрения возможной конвенции или набора договоров по кибербезопасности и киберпреступности. К 2020 году EWI подготовил пять содержательных докладов по вопросам киберпространства, среди которых стоит отметить «Преодолевая тех-национализм: система безопасности и надежности для управления рисками цепочки поставок в киберпространстве» от мая 2020 г. Эксперты центра выявили следующую динамику:

– Усиление националистических и изоляционистских тенденций, включая настроения против глобализации и снижения доверия к многосторонней системе международного права – разрушение послевоенного порядка, основанного на соблюдении международных норм, законов и многосторонних соглашений.

– Возрождение протекционизма и меркантилизма, способствующее превращению торговли в средство достижения геополитических целей.

– Создание жестко контролируемых, ориентированных на государство моделей управления Интернетом по мере того, как киберпространство становится вопросом «высокой политики», открытый и бесплатный Интернет находится под давлением³⁶⁶.

Итак, борьба с киберпреступностью пришла к развилке между двумя крайними подходами: от контролируемого государством Интернета, характеризующегося регионализацией данных и локализацией, часто оправдываемой во имя безопасности, что обычно приводит к цензурированному или несвободному киберпространству, с одной стороны, до глобального Интернета, управляемого многими заинтересованными сторонами, характеризующегося свободным потоком данных, с упором на транснациональное сотрудничество в целях доступа к данным, на другом конце спектра.³⁶⁷

---

³⁶⁵ Hollis D. A Brief Primer on International Law and Cyberspace // Carnegie Endowment for International Peace. – 2021. – URL: <https://carnegieendowment.org/2021/06/14/brief-primer-on-international-law-and-cyberspace-pub-84763> (Дата обращения 12.05.2023 г.).

³⁶⁶ Weathering TechNationalism: A Security and Trustworthiness Framework to Manage Cyber- Supply Chain Risk // EastWest Institute. – URL: <https://www.eastwest.ngo/sites/default/files/ideas-files/weathering-technationalism.pdf> (Дата обращения 12.05.2023 г.).

³⁶⁷ Maroz N. Regionalization of international cooperation in the fight against cybercrime // Law Review. – June 2020. – № X(2). Pp. 218-227.

Киберсуд или электронное правосудие?

Как мы говорили выше, лишь небольшой процент киберпреступлений преследуется и рассматривается в судебном порядке. Причинами этого являются ограниченность ресурсов и уровень технических знаний киберпреступников.

В то же время, когда экспертные сообщества ООН, Европы начали активную работу над концепциями противодействия киберпреступности норвежский исследователь Ш. Шольберг подошел к вопросу с другой стороны, предложив модель Международного уголовного трибунала по киберпространству. К 2014 году, работая с группой экспертов, он спроектировал черновой вариант Конвенции ООН о таком суде³⁶⁸.

С его точки зрения для создания подобного трибунала необходимо расширить юрисдикцию Международного уголовного суда, понимая, конечно, что эта идея должна быть принята Китаем, Россией и США, чтобы воплотиться в реальность. Шольберг полагает, что согласно ст. 7 Устава ООН («Вспомогательные органы, которые окажутся необходимыми, могут учреждаться в соответствии с настоящим Уставом»)³⁶⁹, Совет безопасности ООН вполне может учредить Международный уголовный трибунал по киберпространству для расследования глобальных кибер-атак. Устав ООН является наиболее эффективным механизмом, так как, в таком случае, действие суда будет обязательным для всех объединенных наций. К тому же примеры таких решений уже существуют, поскольку Совет безопасности использовал свои полномочия, основанные на Уставе, учреждая Международный трибунал по Руанде и Международный трибунал по бывшей Югославии³⁷⁰.

Его идея была замечена в т.ч. российскими исследователями и поддержана, например, профессором А. Михр (Германия), которая пишет, что, хотя бесспорно, права человека также значимы онлайн, как и оффлайн, киберпространство, в целом, остается средой без применимых правил, «потому что в нем отсутствует общий «судебный орган», такой как кибер-суд, или правительство, или полиция, или парламент, который бы защищал людей»³⁷¹.

---

³⁶⁸ Schjolberg S. The Third Pillar for Cyberspace. An International Court or Tribunal for Cyberspace // https://www.cybercrimelaw.net/documents/140626_Draft_Treaty_text.pdf (Дата обращения 12.05.2023 г.).

³⁶⁹ Устав ООН (полный текст) // Организация объединенных наций. – URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (Дата обращения 12.05.2023 г.).

³⁷⁰ An International Criminal Tribunal for Cyberspace – Judge Stein Schjolberg’s Recommendation // The IT Country Justice. – URL: <https://thecountryjustice.wordpress.com/2012/11/11/an-international-criminal-tribunal-for-cyberspace-judge-stein-schjolbergs-recommendation/> (Дата обращения 12.05.2023 г.).

³⁷¹ Mihr A. Cyber Justice: Cyber governance through human rights and a rule of law in the Internet // – 2016. – URL: <http://www.davidpublisher.com/Public/uploads/Contribute/572c3af0ba051.pdf> (Дата обращения 12.05.2023 г.).

Одной из очевидных причин, по которой Шольберг считал необходимым создание такого трибунала по киберпреступности, была проблема юрисдикции. Доклад ООН, созданный примерно в то же время, оспаривает его вариант решения. Составители отмечают, что «проблемы, связанные с юрисдикцией киберпреступности, могут быть решены путем обеспечения ясности и инновационного применения существующих принципов... во взаимодействии в киберпространстве принимают участие реальные люди в одной территориальной юрисдикции, которые либо (i) взаимодействуют с реальными людьми из других территориальных юрисдикций, либо (ii) участвуют в деятельности в одной юрисдикции, которая вызывает реальные последствия в другой территориальной юрисдикции»³⁷². Поэтому «формы территориальности и юрисдикции на основе гражданства почти всегда в состоянии гарантировать, что между киберпреступлениями и, по крайней мере, одним государством может быть установлена «достаточная» или «подлинная» связь». Так что не приходится делать вывод о том, что существует необходимость введения дополнительной юрисдикции для преступлений в «киберпространстве». Несмотря на всю сложность, киберпреступление всегда можно связать с конкретным государством³⁷³.

Мы полагаем, что концепция особого трибунала была отброшена и по техническим причинам, в силу развития цифровых технологий. Практика пошла по иному пути – к созданию электронного правосудия. Упомянутые особенности киберпреступности, такие как простота, скорость, трансграничность, связаны с технологиями, которыми способны пользоваться и правоохранительные органы, и суд. Сегодня предполагается, что борьбе с киберпреступностью может помочь, например, искусственный интеллект (ИИ).

В частности, на Встрече министров юстиции Содружества в 2022 году был представлен документ о внедрении систем ИИ для принятия судебных решений в системах уголовного правосудия³⁷⁴. Б. Свантессон выделяет следующие направления, в которых либо уже развивается, либо может развиваться электронное правосудие:

---

³⁷² Всестороннее исследование проблемы киберпреступности // Управление Организации Объединенных наций по наркотикам и преступности. – 2013. – С. 219. – URL: https://www.unodc.org/documents/organized-crime/cybercrime/Cybercrime_Study_Russian.pdf (Дата обращения 12.05.2023 г.).

³⁷³ Там же.

³⁷⁴ Svantesson J.B. Cybercrime and the Adoption of Artificial Intelligence Systems for Judicial Decision-Making in Criminal Justice Systems // *The Commonwealth Cybercrime Journal*. – https://production-new-commonwealth-files.s3.eu-west-2.amazonaws.com/s3fs-public/2023-03/D19156-CCJ-1-1-Cybercrime-AI-Judicial-Decision-Making_Svantesson.pdf (Дата обращения 12.05.2023 г.).

– Использование систем ИИ для поддержки управления судебным процессом, скажем, в виде инструментов для предоставления и повышения доступности правовой информации, например, с помощью «чат-ботов», способных предоставлять специализированную информацию.

– Системы ИИ для поддержки принятия решений, например, в виде уже существующих расширенных поисковых правовых систем. Также возможны аналитические системы, которые не просто ищут ответ на запрос, а предлагают интерпретации двусмысленных терминов или положений закона. Существуют системы ИИ для профилирования самих судей, например, в форме предложения судьям подробной количественной и качественной оценки их собственной деятельности, чтобы помочь им самостоятельно отмечать и бороться с предвзятостью в своих решениях.

– Системы ИИ, используемые для совместного вынесения решений, то есть судебные решения принимаются судьей-человеком вместе с системой. Например, система разрабатывает решение, а утверждает и редактирует его человек.

– Системы ИИ в качестве «судей-роботов». Робот-судья напрямую и автономно выносит решение. Такие системы сегодня не используются, но уже обсуждаются.

Дополнительно можно упомянуть уже существующие системы ИИ, облегчающие работу полиции с прогнозированием, превентивное правосудие и досудебную оценку рисков, например, побега или рецидива (например, HART Assessment Risk Tool)³⁷⁵. Среди других заслуживающих внимания инструментов оценки рисков можно упомянуть международную базу данных Интерпола о сексуальной эксплуатации детей³⁷⁶. Это следственный инструмент с базой данных изображений и видео, который позволяет следователям обмениваться данными о случаях сексуального насилия над детьми: с помощью программного обеспечения для сравнения изображений и видео следователи могут мгновенно устанавливать связи между жертвами, нарушителями и местами совершения преступлений. База данных позволяет избежать дублирования усилий и экономит время, сообщая следователям, была ли серия изображений уже обнаружена или идентифицирована в другой стране, или имеет сходные характеристики с другими изображениями. Это также позволяет специалистам из более чем 64 стран обмениваться информацией и данными со своими коллегами по всему миру.

---

³⁷⁵ Helping police make custody decisions using artificial intelligence // University of Cambridge. – URL: <https://www.cam.ac.uk/research/features/helping-police-make-custody-decisions-using-artificial-intelligence> (Дата обращения 12.05.2023 г.).

³⁷⁶ This database helps victim identification specialists worldwide analyse and compare child sexual abuse images // Interpol. – URL: <https://www.interpol.int/en/Crimes/Crimes-against-children/International-Child-Sexual-Exploitation-database> (Дата обращения 12.05.2023 г.).

Внедрения систем ИИ обещают огромные преимущества, которые частично перекрывают друг друга: так, повышение эффективности может привести к сокращению затрат, и в то же время облегчить доступ к правосудию, обеспечивающему большее равенство. Конечно, у исследователей возникают и новые поводы для беспокойства и дискуссии, например, потенциал систем ИИ в некотором смысле создать новый источник права³⁷⁷.

Судебная система является частью общества и, как таковая, должна развиваться вместе с остальным обществом, в том числе, когда речь идет о технологических разработках. Однако технологическое развитие, само по себе, не является целью системы правосудия. Скорее, потенциал систем ИИ для достижения таких целей как повышение эффективности, скорости, минимизация затрат и улучшение доступа к правосудию, делает эту идею достойной рассмотрения.

Отметим, что на пути прогресса провалилось уже немало амбициозных проектов киберправосудия и кибер-управления: *Systeme integre d'information de justice* в Квебеке, проект управления судебной системой в Калифорнии, проект *Cassiopee* во Франции, *Phenix* в Бельгии – все они закрылись, принеся значительные убытки. Согласно исследованию агентства *McKinsey* 2012 г. половина информационно-коммуникационных технологических проектов с бюджетом выше 15 миллионов долларов в итоге требуют на 45% больше запланированных затрат и реализуют на 56% меньше запланированной функциональности³⁷⁸.

Любые обсуждения технологической реформы для принятия судебных решений должны начинаться с осознания того, что система правосудия крайне чувствительная функция общества, требующая особого внимания. Ее целостность важнее технического прогресса самого по себе, и более медленное внедрение цифровых функций, по сравнению с той же киберпреступностью, которая славится скоростью освоения новых технологий, является не только недостатком, но вообще-то естественным и желательным явлением.

Как бы то ни было, мы видим по выбору направления, в котором развивается европейское законодательство о киберпреступности (облегче-

---

³⁷⁷ Svantesson J.B. *Cybercrime and the Adoption of Artificial Intelligence Systems for Judicial Decision-Making in Criminal Justice Systems* // *The Commonwealth Cybercrime Journal*. https://production-new-commonwealth-files.s3.eu-west-2.amazonaws.com/s3fs-public/2023-03/D19156-CCJ-1-1-Cybercrime-AI-Judicial-Decision-Making_Svantesson.pdf (Дата обращения 12.05.2023 г.).

³⁷⁸ Beauchard R. *Cyberjustice and International Development: Reducing the Gap between promises and accomplishments* // *Justice values and digitalization*. – URL: <https://www.jstor.org/stable/pdf/j.ctt1wn0qx3.6.pdf?acceptTC=true&coverpage=false&addFooter=false> (Дата обращения 12.05.2023 г.).

ние системы поиска доказательств через 2й Дополнительный протокол), по деятельности Содружества, что государства, предположительно, выберут путь электронного правосудия, а не кибер-суда. Кибер-трибунал – это идея периода, когда еще удерживала свои позиции держалось концепция кибер-пространства как суверенного, самостоятельного пространства, чуть ли не отдельной, цифровой нации³⁷⁹, в котором возможна собственная юрисдикция, а значит – и собственный суд. По этому пути государства не пошли, выбрав концепцию коллективного режима использования. Но зато развитие технологий обещает со временем, по сути, превратить любой суд, в любой точке мира – подключенной к Интернету, конечно – в кибер-суд. И ограничена его деятельность будет только выбором между глобальным или регионалистским кибер-проектом.

§ 3. Профессиональные компетенции судей в условиях цифровизации правосудия

Наиболее значимые профессиональные компетенции на современном историческом этапе развития связаны со способностью специалистов решать возникающие задачи быстро, эффективно, с максимальной экономией ресурсов и в соответствии с общим темпом развития цифровизации общественных и бизнес-процессов, экономики, технологической сферы, медицины и образования. Для достижения поставленных государством целей, Минэкономразвития разработало ряд нормативных правовых актов³⁸⁰, где обозначаются инструменты реализации программы Цифровой экономики РФ в свете подготовки профессиональных кадров. Разработаны методики расчета показателей необходимого количества специалистов в сфере государственного и муниципального управления, в сфере управления персоналом, в сфере информационных систем градостроительной деятельности и т.д.³⁸¹.

В программах подготовки юристов пока таких стандартов не разработано, нет и четких алгоритмов взаимодействия отдельных элементов деятельности всей судебной системы, основанных на понятных принципах анализа текущей ситуации и контроле результатов, требуют усовершенствования системы хранения и защиты данных.

---

³⁷⁹ Цагориас Н. Правовой статус киберпространства // Государство и право в новой информационной реальности: Сб. науч. Тр. / РАН ИНИОН. М., 2018. С. 112.

³⁸⁰ «Об утверждении методик расчета показателей федерального проекта «Кадры для цифровой экономики национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»/https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/prikaz_minekonomrazvitiya_rossii_ot_24_yanvarya_2020_g_41.html (дата обращения 10.05.2023).

³⁸¹ Там же.

Не разработаны и методики перехода к новым цифровым стандартам для судей, чья деятельность началась до введения новых подходов, переучиваться приходится в свободное время, которого, как известно, нет. Программы повышения квалификации судей и аппарата суда больше ориентированы на анализ судебной практики, новых законодательных норм, форм отчетности и других практических вопросов.

От судей требуется выполнять своеобразную роль супергероев, которые могут все, способны быстро и эффективно решить все задачи, сохраняя хладнокровие, доброжелательность и высокую работоспособность. Как указывает Б. Юдин, время социальных утопий прошло, но надежды на создание идеального человека еще остаются³⁸².

Что обычно мы вкладываем в понятие «идеального» человека? На бытовом уровне подразумевается отменное здоровье, выносливость, сбалансированность всех психических процессов и состояний (интеллектуальных и эмоциональных качеств), на социальном уровне – способность к самореализации, достижению поставленных целей, развитые коммуникативные способности, позволяющие строить эффективные деловые и межличностные отношения. Современные исследования обнаруживают все больше связей между врожденными биологическими характеристиками индивида и психическими свойствами, особенностями личности, что в комплексе влияет на успешность социализации, в том числе, профессиональную успешность. «Идеальность в отношении человека заключается в надежде на бесконечное, безграничное расширение индивидуальных возможностей человека»³⁸³.

Развитие потенциала человека всегда было в центре внимания философии, биологии, позже психологии, других наук. Так, Д. Юм считал, что восприятие новой информации субъект всегда осуществляет с помощью чувственного и аналитического компонентов. Его интересовало, может ли человек за счет воображения «достроить» картину мира до логичного целого. Размышляя, он пришел к выводу, что важным компонентом восприятия является порядок, логика, с которой воспринимается и сохраняется информация о мире в сознании человека.

И. Кант интересовался природой мыслительной деятельности, отдавая предпочтение изучению самих механизмов мышления. Он выделял такие механизмы познания как категории, концепции, логические правила формирования выводов, подведения итогов. К. Лоренц указывал на определенный «естественный отбор» механизмов мышления, результатом ко-

---

³⁸² Многомерный образ человека: на пути к созданию единой науки о человеке/ под общей ред. Б.Г. Юдина. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С.9.

³⁸³ Там же. С.11.

торого является наша способность адаптироваться к новым задачам и вызовам³⁸⁴.

Общество все больше и больше полагается на достижения различных наук и технологий. Согласно новым научным подходам в создании идеального человека значительно возросла роль когнитивных наук, изучающих возможности максимального эффективного использования потенциала работы мозга человека, временами без самого человека (искусственный интеллект). Так, идея клонирования подразумевает «выведение» индивидов по аналогии с теми, кто уже отличился своими социальными достижениями. Когнитивные науки стремятся максимально детально проанализировать ресурсы человеческого мозга, перевести их в алгоритмы и фактически предложить в качестве нового «продукта».

Требования к судье как субъекту профессиональной деятельности

Рождаясь индивидом (представителем биологического вида), человек проходит этапы социализации с помощью усвоения и последующего воспроизведения полученного им социального опыта. Процесс социализации не является механическим, усвоение нового опыта каждой личностью проходит индивидуально в зависимости от индивидуальных биологических, физиологических, психологических особенностей.

Как указывают А. Реан и Я. Коломинский, социализация идет параллельно с индивидуализацией³⁸⁵. Они выделяют первичную и вторичную социализацию, где первичная способствует формированию обобщенного образа действительности, а вторичная связана с особенностями конкретной деятельности, определяется спецификой профессии, разделением обязанностей и выполнением конкретных социальных ролей.

Б. Ананьев отмечал, что «конечной целью социализации становится формирование индивидуальности»³⁸⁶. Однако, процесс формирования индивидуальности нелинейный, одни и те же знания усваиваются людьми по-разному, одни и те же жизненные ситуации получают различные субъективные оценки. В этом процессе развития проявляется такое качество субъекта деятельности как активность. Развитие субъекта деятельности правильно будет назвать саморазвитием, а идею социализации индивида можно рассматривать как социальную реализацию личностного потенциала.

Предполагается, что назначаемые на должность судьи являются сформированными личностями. Вопросами развития потенциала взрос-

---

³⁸⁴ Многомерный образ человека: на пути к созданию единой науки о человеке/ под общей ред. Б.Г. Юдина. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С.55-56.

³⁸⁵ Реан А.А., Коломинский Я.Л. Социальная педагогическая психология. СПб.: Питер Ком, 1999. С. 32.

³⁸⁶ Там же. С.33.

лых людей помимо психологии занимается акмеология. Данное направление научного знания возникло на стыке естественно научных и гуманитарных наук, изучает закономерности и механизмы становления человека как индивида, как личности и как субъекта деятельности (главным образом как профессионала)³⁸⁷ Акмеология, от акме-вершина, занимается проблемами максимального раскрытия взрослой личности. Достижение «вершины» возможно через реализацию четких целей личностного развития с учетом биологического потенциала, через грамотное управление мотивацией, развитие психических процессов и профессиональных навыков. При этом наблюдается корреляция между успешностью социализации, достижения высших результатов и самооценкой субъекта. Самооценка в свою очередь связана с оценкой социумом достижений личности, ее общественной ценности.

Таким образом, уровень компетентности судьи включает как наличие профессиональных навыков, так и сформированную самооценку, подкрепленную устойчивой мотивацией к саморазвитию и установлению эффективных отношений с социумом. Для осуществления справедливого правосудия требуются не только специальные профессиональные знания, но и жизненная мудрость. Однако способность выполнять большой объем трудовых задач наравне с молодыми, не всегда положительно коррелирует с возрастом.

С появлением все более сложных технологий и инструментария, вопросов о необходимых качествах и навыках профессионалов становится все больше. Так, распространение цифровых технологий, включая элементы искусственного интеллекта, ставят и другие проблемные вопросы, в том числе, вопросы субъектности и компетентности судей. Например, как рассматривать внутреннее убеждение судьи³⁸⁸, если основные задачи по оценке юридических фактов и выбора решения будет выполнять компьютерная программа? Возможно, в будущем придется подвергать пересмотру и такие базовые понятия правосудия как «справедливость» и «беспристрастность».

---

³⁸⁷ Акмеология, учебник под общей редакцией доктора психологических наук, профессора, академика РАО А.А. Деркача. М.: Издательство РАГС, 2004. С.3.

³⁸⁸ ст. 17 "Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 28.04.2023) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/989cf5fde0b4d552c3c4debbad2399a655b43fac/ (дата обращения 12.05.2023); "Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации" от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 14.04.2023, с изм. от 26.04.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.04.2023) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/d70ec545bc657d409c92ce89d801f20ced32e1d2/ (дата обращения 12.05.2023); "Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации" от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 18.03.2023) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/466710d407bfa851afe19213c463cdfa042ad102/

Формирование и развитие компетенций современных судей

В настоящее время принято пользоваться компетентностным подходом в образовании и системе отбора и расстановки кадров. Компетентностный подход к обучению характерен для постиндустриального этапа развития общества³⁸⁹. Система оценки профессионализма сотрудников в рамках данного подхода определяется набором и уровнем сформированности профессиональных навыков, способностью адаптировать эти навыки к новым задачам, обладать необходимыми деловыми и личными качествами в рамках системы управления и профессиональной этики. Комплекс сформированных личностью профессиональных качеств получил название профессиональной компетентности, способности успешно удовлетворять сложные требования в конкретном профессиональном и социальном контексте.

Биотехнологическая революция, по мнению футуролога Ф. Фукуямы, ставит серьезные вызовы перед человечеством, делает будущее непредсказуемым, остается открытым, во многом зависящим от сегодняшних решений и действий людей. Сформированные в настоящий момент навыки, в том числе, навыки целеполагания и организации деятельности, во многом определяют наше будущее во всех сферах общественной жизни, в профессиональной деятельности³⁹⁰.

Существующая в настоящее время подготовка юристов включает три основные группы компетенций: компетенции в познавательной сфере, коммуникативные компетенции, общекультурные компетенции, включая уровень общей культуры личности, этические навыки³⁹¹.

Компетентность судьи в познавательной сфере способствует планированию деятельности, успешной умственной работе по анализу фактов и обстоятельств дела. Коммуникативные компетенции позволяют осуществлять анализ и прогноз поведения участников судопроизводства, организовывать работу аппарата суда, мотивировать сотрудников, устанавливать и развивать эффективные деловые отношения, способствовать разрешению социальных конфликтов. Общекультурные компетенции необходимы для реализации справедливого правосудия, требований социальной справедливости, уважению к личности.

---

³⁸⁹ Корпоративное обучение для цифрового мира / под ред. В. С. Катькало, Д. Л. Волкова. 2-е изд. М.: Корпоративный университет Сбербанка, 2018. С. 79 <https://f.eruditor.one/file/2371545/> (дата обращения 01.05.2023).

³⁹⁰ Многомерный образ человека: на пути к созданию единой науки о человеке/ под общей ред. Б.Г. Юдина. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С.13.

³⁹¹ Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – магистратура по направлению подготовки 40.04.01 юриспруденция <https://fgos.ru/fgos/fgos-40-04-01-yurisprudenciya-1451> (дата обращения 12.05.2023).

Организации бизнес направленности в союзе с учеными разрабатывают сложные системы управления, основанные на компетентности сотрудников, в том числе, инструменты оценки сформированности компетенции студентов выпускных курсов. В одном из таких исследований у 144 выпускников по специальности Бизнес были отмечены значительные корреляции между личностными характеристиками студентов, качеством их образования и компетенциями, необходимыми для дальнейшей работы. Авторы структурировали компетенции по следующим группам: устные, письменные навыки. Навыки, связанные с организационным и коммуникативным поведением, включая командную деятельность. А также выделили группу познавательных навыков: критическое и творческое мышление, способность к рассуждениям и решению проблем³⁹². В дальнейшем Дж. Берман и Л. Ричи (2006) проанализировали еще 17 навыков, включенных в четыре группы: управление собой, общение, управление людьми и задачами, способность к инновациям и изменениям³⁹³.

Большинство исследователей указывают на частую оторванность студентов от практики, развитие сугубо профессиональных знаний не подкрепляется развитием таких навыков как эффективная коммуникация, командная работа и самоуправление. Их приходится осваивать уже в ходе трудовой деятельности, зачастую теряя годы на их освоение.

С развитием информационных технологий повысилась значимость стратегического планирования, управления бизнес-процессами, деловой коммуникацией в условиях мультикультурного разнообразия. Рынок товаров и услуг и изменения на рынке труда диктуют требования к специалистам в разных сферах. В исследовании, основанном на опросе более 900 выпускников бизнес-школ мира, а также работодателей, А. Азеведо, Д.Г. Ормерзель и др. анализируют фактор баланса между знаниями и компетенциями, приобретенными в высшем, дополнительном и профессиональном образовании, и конкретными потребностями рынка труда³⁹⁴.

Центр тестирования и развития «Гуманитарные технологии»³⁹⁵ разработал методики оценки Hard skills (англ. «жесткие» навыки) и Soft

---

³⁹² Берман Дж., Ричи Л.. Компетенции студентов-бизнесменов бакалавриата//Журнал образования для бизнеса: https://www.researchgate.net/publication/254342759_Compencies_of_Undergraduate_Business_Students (дата обращения 03.05.2023).

³⁹³ Там же.

³⁹⁴ Doris G. Ormerzel// Satisfation with Knowledge and Competencies: A Multy-Country Study of Employers and Business Graduates//January 2012 American Journal of Economics and Business Administration 4 (1): 23-39 <https://www.semanticscholar.org/paper/Satisfaction-with-Knowledge-and-Competencies%3A-A-of-Azevedo-Ormerzel/3539155b1c00b179646a92f3f27d96f1adb9f9d5> (дата обращения 12.05.2023).

³⁹⁵ <https://proforientator.ru/publications/articles/chto-takoe-hard-i-soft-skills-v-chem-raznitsa-chto-vazhnee.html> (дата обращения 3.05.2023)

skills – (англ. «мягкие» навыки). В списке вакансий компаний их можно встретить в разделах профессиональных навыков и личных качеств.

В первом случае речь идет о профессиональных знаниях, которые поддаются экзаменационной проверке, в качестве примера можно представить экзамен кандидатов на должность судьи³⁹⁶. Примерами «жестких» навыков могут также служить знания кодексов и процессуальных действий, навыки составления различных видов судебных актов, использование специализированных компьютерных программ. «Мягкие» навыки в большей степени связаны с личностными особенностями работника, считаются универсальными, их гораздо труднее измерить количественно. К таким навыкам у судей можно отнести навыки планирования деятельности, стратегий поведения в конфликте, управления собственным поведением, творческий потенциал.

Подобный подход разделения навыков на две группы берет начало в системе подготовки американских военных 60-х годов XX века. Оценка сформированности навыков была связана с необходимостью распределения специалистов по видам деятельности – с машинами и механизмами, документами, людьми.

Специалисты считают, что овладению личностных навыков способствует развитие правого полушария, эмоционального интеллекта, интуиции. За специализированные навыки отвечает левое полушарие, логика, критическое мышление, общий интеллект. Профессиональные навыки всегда специализированные, ориентированные на решение профессиональных задач, их развитие зависит не только от базовых знаний, полученных в учебном заведении, но и от усердия специалиста в поддержании должного профессионального уровня на всем протяжении трудовой деятельности, как поясняется в ст. 11 Кодекса судейской этики³⁹⁷. Квалификация судьи подтверждается классным чином³⁹⁸

Личностные навыки универсальны. Так, ораторские навыки, навыки разрешения конфликтов, организаторские навыки могут пригодиться юристу любого профиля. Некоторые специалисты высказывают мнение о врожденном характере личностных качеств, таких как лидерские качества,

---

³⁹⁶ Ст.5 Закона РФ от 26.06.1992 N 3132-1 (ред. от 18.03.2023) "О статусе судей в Российской Федерации" https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/bf89037c79789d4e5d3fad961ebdbb1b3b78c925 (дата обращения 12.05.2023).

³⁹⁷ Ст. 11 "Кодекса судейской этики" (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012) (ред. от 01.12.2022) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139928/10fbd84f70660a63fb1e255a4f79a1840ea2d685/ (дата обращения 12.05.2023).

³⁹⁸ Ст.20.2 Закона РФ от 26.06.1992 N 3132-1 (ред. от 18.03.2023) "О статусе судей в Российской Федерации" // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/1d91d3b13d69477c79b3148b6f509fafea7fa52e (дата обращения 12.05.2023).

коммуникабельность, эмпатия. Те, кто такими качествами не обладают с рождения, приобретают их за счет жизненного опыта и специализированных тренировок.

Баланс навыков особенно важен в гуманитарных видах деятельности: юристы, педагоги, работники социальной сферы. Считается, что универсальные личностные качества – это компетенции будущего. Например, специалист по проектированию личной безопасности должен иметь профессиональные навыки системного мышления, программирования, робототехники, работы с искусственным интеллектом. В группе личностных навыков для данной профессии клиентоориентированность, работа с людьми, работа в условиях неопределенности³⁹⁹.

Среди ключевых компетенций цифровой экономики, выделяют следующие: коммуникация и кооперация в цифровой среде; саморазвитие в условиях неопределенности; креативное мышление; управление информацией и большими данными; критическое мышление в цифровой среде⁴⁰⁰. Уже существуют ассоциации юристов в цифровой экономике⁴⁰¹, которые разрабатывают новые компетенции совместно с институтом юридического менеджмента. В сфере цифровой экономики на сегодняшний день гораздо больше определенности, чем в сфере автоматизации и цифровизации юридической деятельности. Есть четкое понимание инфраструктуры, направлений технологического развития, видов цифровых услуг, необходимости формирования рынка кадров IT отрасли.

Юристы, осуществляющие свою деятельность в бизнес сфере, вынуждены быстрее обучаться новым технологиям, применять стратегическое мышление и креативность, чтобы правильно оценивать юридические риски бизнеса в условиях в геополитической и экономической неопределенности, изучать иностранные языки, осваивать компетенции из смежных сфер деятельности. Также юристам будущего следует изучать основы проектной деятельности, принципы контроля качества, стандартизации и тд⁴⁰².

Первые дидактические приемы эффективного обучения известны с 17 века, они были заложены чешским педагогом-гуманистом, писателем, религиозным и общественным деятелем Яном Коменским. Он, и все дру-

---

³⁹⁹ Атлас новых профессий. /<https://atlas100.ru/catalog/bezopasnost/proektirovshchiklichnoy-bezopasnosti> (дата обращения 12.05.2023).

⁴⁰⁰ Приказ Минэкономразвития России от 24 января 2020 г. № 41 «Об утверждении методик расчета показателей федерального проекта «Кадры для цифровой экономики национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»». https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/prikaz_minekonomrazvitiya_rossii_ot_24_yanvarya_2020_g_41.html (дата обращения 10.05.2023).

⁴⁰¹ Ассоциация юристов цифровой экономики <https://rudela.ru> (дата обращения 03.05.2023)

⁴⁰² Там же.

гие прогрессивные педагоги большое значение придавали формированию познавательной активности, самостоятельности, расширению кругозора. Дидактические принципы обучения предполагают конкретные, четко сформулированные цели обучения, многообразие методов освоения и закрепления новой информации с учетом особенностей мышления, памяти, внимания и других психических функций.

В рамках дидактического подхода в наше время используются методы информационного моделирования, функционального, структурного и генетического анализа сложных систем. Подробно прописываются такие компоненты как цели обучения, структура процесса обучения, содержание изучаемого материала, практические задания для проверки усвоения полученного знания и задания на самостоятельное составление задач для закрепления практических навыков.

Для подготовки специалистов все чаще используются методики развивающих технологий, например, методики развития мышления ТРИЗ (Теории Решения Изобретательских Задач). Формы обучения используются модульные, виды задач преимущественно проблемно-ориентированные. Идея проблемно-ориентированного обучения строится на самостоятельной работе обучающихся, на повышении фактора активности субъектов деятельности. Создание проблемной ситуации важно для создания первичного умственного напряжения, стремящегося к разрядке, которая достигается в момент решения задачи.

У истоков подобного вида обучения стояли психологи и педагоги, такие как Б. Скиннер (теория оперантного обуславливания), П. Гальперин (теория поэтапного формирования умственных действий), Н. Кроудер (разветвленный алгоритм адаптивного тестового контроля) и др.

Каждый этап обучения должен завершаться проверкой навыков, скорость их освоения зависит от возможностей субъекта⁴⁰³. Важно помнить, как отмечал Д. Юм в «Трактате о человеческой природе», о роли воображения, творческого мышления, которые способствуют расширению нашего кругозора, выходу за рамки «самих себя»⁴⁰⁴.

Особенности подготовки судей в новых цифровых реалиях

Кадровое обеспечение судебной деятельности представляет собой систему отбора, подготовки и повышение квалификации судей и работников аппарата суда. В Российской Федерации действует принцип профессионализма судейского корпуса. Разработкой методов обучения занимаются

---

⁴⁰³ Габдрахманова Р.Г., Яруллин И.Ф. Теория обучения и педагогические технологии//Конспект лекций. Казань. 2013. 92 с.

⁴⁰⁴ Д. Юм. Трактат о человеческой природе. https://librebook.me/traktat_o_chelovecheskoi_prirode/vol3/2 (дата обращения 05.05.2023).

органы судебского сообщества совместно с судебным департаментом, образовательными учреждениями. Однако при отборе на должности судей особое внимание уделяется проверке знаний закона, антикоррупционной составляющей⁴⁰⁵, тестирования навыков работы в цифровой среде не проводится.

Тем не менее, необходимость в развитии компетенций работы в цифровой реальности существует. Ведущими профессиональными навыками, способствующими обучению новым технологиям судей, по-прежнему являются познавательная активность, способствующая изучению различных компьютерных программ, принципов и программирования, приобретению навыков слепой печати (метод слепой десятипальцевой печати), принципов экономики и других смежных дисциплин. Ведь, как справедливо отмечает научный сотрудник М. Бундин, основными компетенциями, необходимыми для «цифрового юриста», являются работа с информацией и ее анализ, а также навыки работы с цифровыми технологиями. По его мнению, современный юрист должен обладать навыками оценки и юридической квалификации действий и явлений цифровой среды, уметь определять их юридические последствия в данной сфере⁴⁰⁶.

Общественные вызовы, включая новые социальные, экологические, экономические проблемы, требуют воображения и свежих идей. XXI век определил креативность как одну из ключевых способностей, которые необходимо развивать на протяжении всего процесса обучения и дальнейшей профессиональной деятельности.

Т. Любарт указывает на четыре уровня креативности: от минимального творческого проявления «для себя» до мышления масштабного уровня, способного изменить парадигмы в различных предметных областях⁴⁰⁷. Для профессиональной деятельности важен не столько уровень креативности, сколько механизм взаимосвязи мыслей и действий, называемый творческим процессом.

В отличие от конвергентного подхода, смыслом которого является достижение наилучшего результата путем комбинирования различных значимых составляющих, дивергентное мышление позволяет мыслить в различных направлениях от исходной проблемы.

---

⁴⁰⁵ Организация судебной деятельности: учебник / Под ред. В.В. Ершова. М.: РГУП, 2016. С.81.

⁴⁰⁶ Эксперт Бундин назвал необходимые компетенции для «цифрового юриста»// Известия, вып. 6 декабря 2022, <https://iz.ru/1436483/2022-12-06/ekspert-rasskazal-o-neobkhodimyykh-kompetentciyakh-dlia-tcifrovogo-iurista> (дата обращения 03.05.2023).

⁴⁰⁷ Todd Lubart Creativity and convergent thinking: reflections, connections and practical considerations // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2016. № 4. С. 8 (дата обращения 12.05.2023).

В деятельности судьи необходимо развивать оба указанных типа мышления: с одной стороны уметь использовать все имеющиеся факты для достижения наилучшего результата. Конвергентный подход, например, судье помогает отражать их в логической последовательности и взаимосвязи и обосновывать принятое решение в мотивировочной части судебного акта. В сфере музыкального искусства аналогом может служить пример разрозненных звуков музыкальных инструментов, интегрированных в музыкальную композицию.

С другой стороны, судья отталкивается в своих процессуальных действиях при исследовании материалов дела от содержания правового конфликта, различными видами нарушения прав. В рамках дивергентного подхода креативность мышления судьи может проявиться в восприятии каждого нового дела как новой задачи, требующей нового взгляда на решение, включая привлечение возможностей новых информационных технологий.

На примере музыкального творчества аналогом может служить разнообразие аранжировок знакомой мелодии.

§ 4. Цифровая медиация

С марта 2020 года в период пандемии и локдауна многие общественные отношения переместились в цифровое пространство, которое в настоящее время является одним из центральных процессов социальных изменений от институтов до практики медиации.

На сегодняшний момент отсутствует единообразная позиция по вопросу о том, какой термин использовать при обозначении таких АМРС, следствием чего выступают как терминологическая путаница, так и различные проблемы уже в процессе рассмотрения конкретного дела.

В англоязычной практике⁴⁰⁸ используются такие термины, как: интернет – разрешение споров (англ. Internet Dispute Resolution (iDR)); электронное разрешение споров (англ. Electronic Dispute Resolution (eDR)); электронное альтернативное урегулирование споров (англ. Electronic ADR (eADR)); онлайн-альтернативное урегулирование споров (англ. Online ADR (oADR)); онлайн – урегулирование споров (англ. Online dispute resolution (ODR)).

Применительно к сферам правовой медиации и бизнес-медиации практики используют термины «разрешение споров онлайн», «e-mediation»

---

⁴⁰⁸ Иншакова, А. О. Цифровые технологии альтернативных методов разрешения споров: зарубежная практика и перспективы применения в России / А. О. Иншакова, Ю. А. Тымчук // Право и управление. XXI век. 2018. № 1(46). С. 23-31.

и «онлайн медиация»: речь идет о разрешении различных споров при помощи обмена электронными письмами, аудио- и видеозвонками, а также посредством общения в чате.

Существует предположение, что онлайн – медиация может разрабатываться с использованием встроенного в систему искусственного интеллекта, включая интерфейсы чат-ботов и голосовых ботов.

Больше исследователей онлайн-медиации в своих работах либо описывают действующие платформы (Авдыев М.А.), либо дают практические рекомендации по работе медиатора в виртуальном пространстве (Коновалов А. Ю.⁴⁰⁹, Прокш С. и другие).

Так, в своей работе Авдыев М.А.⁴¹⁰ еще в 2015 году указал на ряд цифровых платформ используемых в коммерческих структурах для урегулирования споров:

– CyberSettle или SmartSettle One – по «заключение сделок вслепую» – blind-bidding, для урегулирования взаиморасчетов и расчетов по претензиям с бесспорными основаниями вывода вычисления среднего арифметического наиболее близких предложений/требований сторон спора;

– SquareTrade и NetNeutrals встроенные в систему аукциона eBay и платежной системы PayPal – позволила накопить опыт по более эффективному ведению диалога с помощью перефразирования и рефрейминга, которые привлекают неформальностью, простотой, и дружелюбностью при общении. По сути в зависимости от заполняемой анкеты покупателя формируется жалоба и определяется тип конфликта, параллельно отбираются возможные решения. Сторонам предлагается выбрать наиболее подходящее для себя.

– Modria программное обеспечение предлагающие пошаговый алгоритм разрешения спора куда входит: «Модуль диагностики спора», определяющий предмет спора / зону разногласий в конфликте; «Переговорный модуль», который обобщает спорные вопросы, требует от сторон внесения предложения по урегулированию спора, а также предлагает на усмотрение сторон свободный выбор вариантов решения их конфликтной ситуации; «посреднический модуль», где назначается третий нейтральный посредник с целью оказанию содействия (фасилитации) в достижении мирового соглашения и в конце выносится решение. При этом первые два этапа могут происходить без участия человека.

---

⁴⁰⁹ Коновалов А.Ю. Практики восстановительной медиации в формате онлайн // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2020. №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/praktiki-vosstanovitelnoy-mediatsii-v-formate-onlayn> (дата обращения: 03.03.2023).

⁴¹⁰ Авдыев М.А. Сервисы разрешения споров онлайн: избранные кейсы // Современные технологии управления, 2015. – №8(56). – ISSN 2226-9339. – Режим доступа к журн.: <http://sovman.ru> (дата обращения: 10.12.2022).

Перечисленные выше цифровые платформы относятся к категории «слепых торгов», так как их основная задача заключается в подборке стоимости издержек сторон. Программное обеспечение защищает заявку каждой стороны от раскрытия другой стороне. Количество раундов торгов может быть, как ограничено до трех, так и не иметь ограничений. Спор будет считаться разрешенным, если стороны договорят о сумме, которая может составлять: определённый процент, находится в пределах установленной суммы сторонами или являться средней величиной.

Другие веб-сайты, такие как OnLineMediators или Resolution Forum, предлагают рассматривать споры на основе обсуждения. Прямое использование информационно-коммуникативных технологий при проведении процедуры медиации включает в себя первоначальное направление запроса на разрешение спора (электронный конструктор заявлений, исков и т.п.), избрание медиатора (рассмотрение профиля медиаторов на портале медиативных услуг), подготовку ответных претензионных писем (вежливая конструктивная форма без использования слов конфликтогеннов), изучение доказательств, устные слушания, при необходимости, онлайн – дискуссии (составление онлайн расписания встреч с медиатором в зависимости от его загруженности), и даже заключение медиативного соглашения (уточнение интересов и ранжирование приоритетов), влекущего возникновение обязательств сторон спора.

Для определения медиабельности спора можно предложить участникам самостоятельно пройти тест в Интернете, однако существующие тесты носят обобщенный характер, дополнительно поясняя, выгоду данной формы разрешения конфликтов и носят скорее мотивирующий характер к самой процедуре, а не виду спора.

При использовании цифровых технологий медиатору необходимо обращать внимание на следующие аспекты: технический, логистический, психосоциальный.

Технический аспект тесно связан с возможностью сторон, качественным подключением к сети Интернет, выбором программного обеспечения (виртуальной платформ для видеоконференций Zoom, MS Teams, Google Meet и Skype или их аналогов Webinar Meetings, Jitsi Meet, Pruffme и другие), использование фурнитуры (наушники, микрофон, видеочамера), использование электронной почты, телефонной связи и т.п.

Основная задача онлайн-каналов в первую очередь облегчить физические и временные ограничения и позволить установить синхронную коммуникационную связь между сторонами медиации.

Большинство IT специалистов рекомендует следующие минимальные требования к персональным компьютерам: стационарный компьютер /

моноблок / ноутбук (процессор двухъядерный Intel/AMD с тактовой частотой от 2,5 GHz и выше, оперативная память – от 4 ГБ); операционная система Windows (версии 7, 8, 8.1, 10) или Mac OSX (версии 10.9 и выше); наличие исправной веб-камеры (включая встроенные); наличие исправного микрофона (включая встроенные); наличие акустических колонок (включая встроенные); наличие актуальной версии интернет-браузера Яндекс.Браузер (<https://browser.yandex.ru/>) или Google Chrome (<https://www.google.com/intl/ru/chrome/>); наличие постоянного Интернет-соединения со скоростью передачи данных от пользователя от 20 Мбит/с. Для максимально качественной и надежной передачи звука и видео настоятельно рекомендуется использовать проводное соединение с сетевым оборудованием, а не Wi-Fi. Проверить скорость своего исходящего соединения (загрузить) можно на веб-сервисах; качество изображения (например, камера Full HD); качество звука (100-6000 Гц); освещение белого цвета при дневном свете (6000 К) (светодиодный кольцевой или панельный светильник для мягкого освещения); наличие установленного и настроенного приложения для видеоконференции.

При выборе виртуальной платформы следует оценить и условия конфиденциальности, уточняя следующие сведения:

- кто является владельцем платформы (в условиях экономических санкций, имеется ли риски в ее использовании для внутрироссийского или международного спора);

- соблюдает ли платформа для видеосвязи применимое к конфиденциальности персональных данных законодательство (российское, европейское, иное);

- кто может видеть данные, получаемые платформой, и как эти данные могут быть использованы;

- изучить настройки платформы (кто может подключиться к видеозвонку, какие данные сохраняются после звонка и на каких серверах);

- возможность введения паролей и обязательной аутентификации для ограничения доступа к встречам;

- возможность передачи файлов в ходе проведения встречи.

Использование мобильных приложений выбранных платформ не считаются надежными с точки зрения поддержания устойчивой связи, что может привести к срыву медиативных сессий.

Перед началом онлайн-медиации желательно проверить работы оборудования минимум за один день, что позволит исправить недочеты до проведения встречи.

Логистический аспект рассматривает организационные вопросы проведения онлайн-встреч.

Перед началом онлайн-медиации необходимо договориться о сохранении записей видео-звонков между медиатором и участниками медиации. Данные записи помогут в будущем подтвердить сам факт медиации в случае обращения в суд при нарушении соблюдения медиативного соглашения или оспаривания его. Так же запись может быть использована самим медиатором для подготовки к следующей сессии для проработки списка интересов сторон и подготовки проекта соглашения.

Для успешного разрешения спора надлежит убедиться, что участники спора изучили интерфейс платформы и ее возможности, чтобы в дальнейшем способствовать восприятию точки зрения оппонента и взаимопониманию.

Затем необходимо определить очередность присоединения сторон к медиативному процессу:

- каждая сторона подключается по видеосвязи;
- подключаются только конфликтующие стороны, а приглашенные эксперты (юристы, психологи и т.п.) находятся очно в одной комнате с медиатором;
- все участники заходят одновременно в виртуальную комнату или присоединяются по отдельности;
- правила поведения при синхронной и асинхронной коммуникации;
- порядок проведения личных и групповых встреч, позволяющих выговориться каждой стороне и предоставить медиатору, что каждый хочет видеть в результате данных встреч;
- отсутствие посторонних лиц в комнате при подключении;
- реально участники находятся в разных часовых поясах и их местоположение (дом, офис, в комнату могут войти третьи лица);
- Заранее оговариваются и такие вопросы как:
  - время сессии, обычно не более 60 минут (не забывайте про международное время при планировании трансграничного посредничества);
  - частота перерывов не менее 15 минут между сеансами и один большой на обед;
  - продолжительность работы в группе (не более 30 минут),
  - возможность пропусков встреч;
  - согласуйте будущее соглашение с технологическим планом так, чтобы оппоненты, выполняя ваши задания, на каждой сессии достигали каких-то целей;
- вопросы конфиденциальности при других присутствующих, чтобы все знали правила игры и другое.

Функциональная составляющая в виртуальном пространстве играет важную роль для формирования доверия, налаживания связи и выработки положительного, регулярного практического опыта.

Определите, какую работу можно проделать со сторонами до медиации: предварительные звонки, наладка оборудования, альтернативные способы связи, сколько дней будут происходить встречи, что позволит каждому участнику, настроится на рабочий лад.

Итогом должно стать четкое понимание сторонами логистики, конфиденциальности, и того, как будет идти работа и чем завершится день.

К каждой сессии необходимо готовиться и привлекать к данному процессу участников, например, договориться, кого пригласить в качестве эксперта на следующую встречу.

Соблюдение логистических договоренностей, соблюдение времени и места для объяснений своих позиций, а также возможности каждой отдохнуть и осмыслить новую информацию приносит расслабление, безопасность и доверие.

Психосоциальный аспект важен при непосредственной виртуальной встрече.

В онлайн-практике встречается три основных модели взаимодействия: лицо к лицу (индивидуальные встречи), групповые встречи (с другой стороной, с экспертами) и обмен электронными письмами.

Во всех спорах обрабатывается много фактической и юридической информации, поэтому необходимо тщательно обдумывать, что выносится на непосредственные переговоры. Каждая из сторон будет находиться в постоянном состоянии тревоги, так как полагает, что противник имеет более легкий доступ к информации из-за онлайн – встреч или наоборот будет стремиться получить к ней доступ раньше своего оппонента.

Взаимодействие «лицом к лицу»:

К особенностям виртуального общения можно отнести: полное или частичное отсутствие невербальных сигналов; идеализация собеседника (или дистраивание образа); трудности с выражением эмоциональных реакций и откликов; реализация различных личностных качеств, проигрывание ролей; иллюзия контроля; желание быть услышанными.

При проведении встречи «лицом к лицу» с использованием видеоизображения необходимо соблюдать ряд правил:

– для понимания друг друга необходима высокая степень структурирования беседы, что достигается при помощи веб-камера, которая должна быть установлена строго напротив вас – так, чтобы лицо находилось в центре и занимало не менее 20% кадра (лицо не должны закрывать волосы, одежда или что-то ещё; лицо должно быть равномерно освещено

– источник света не должен быть направлен в камеру или располагаться позади вас, и его положение не должно сильно меняться во время сеанса);

– фон виртуальной комнаты должен быть нейтральным или может быть представлен виде книжных полок. Стол перед собеседниками должен быть пуст, допускается лишь наличие чистого блокнота для записей. Отсутствие мобильного телефона под рукой успокоит обе стороны и не даст почву для размышлений о наличии «советчика» с другой стороны;

– использование визуализации (презентаций, электронных досок для балансных листов и т.п.);

– кроме выяснения позиций каждой стороны в ходе индивидуальных встреч необходимо научиться выражать словами свои эмоции не стесняясь, так как прямой зрительный контакт невозможен (прояснять раздражающие элементы, делиться своим восприятием, именовать и признавать свои чувства, реакция на технические сбои входе сессии).

Взаимодействие «групповая встреча»:

– Коммуникационные платформы позволяют участникам взаимодействия изменять структуру выражения мыслей посредством фильтрации информации и отделения мысли от эмоций, что позволяет вести беседу «отчужденно» – наиболее откровенно скрывая истинные реакции и особенности личности неосознанно;

– установить требования к передаваемой информации (ясная, краткая, понятная и т.п.);

– порядок ведения дискуссии (кто за кем говорит, нужно ли ограничение во времени, правила поведения в споре и т.п.);

– установить порядок обмена документами (последовательность, тип файла и т.п.);

– установить сроки обратной связи (время на ознакомление с документами, сроки передачи реакции о получении информации и т.п.);

– формирование группы (пары) с учетом взаимодополняемости и сочетаемости (в личном плане, профессиональном, образовательном и т.п.);

– вести беседу вежливо и уважительно, чтобы не провоцировать конфликт и дать возможность участникам групповой встречи цивилизованно выражать свои мысли и мнения;

– осторожная интерпретация молчания на групповой сессии (отсутствие возражений не означает согласие автоматически);

– входе встречи необходимо при соблюдении логистической цепочки задавать вопросы сторонам так чтобы каждый был вовлечен и фактически поддерживал решения и соглашения в ходе каждого дня работы, что повышает ответственность за будущее медиативное соглашение и ускоряет последующие встречи для поддержания жизнеспособности достигнутых результатов;

– для снижения количества интерпретаций получаемой информации необходимо напрямую обращаться к адресатам, делиться собственными эмоциями;

– регулирование медиатором эскалации виртуальных встреч через управление изображением и звуком (предусмотреть возможность включить/выключить динамик или экран участником самостоятельно; заглушить других или отключить передачу изображения модератором встречи посредством настроек администратора или выделить одного из участников развернув его изображение на весь экран, исключение обмена сообщениями в чате отдельным лицам во время встречи);

– предусмотреть способы вмешательства медиатора либо телефонное интервью один на один, либо выделение дополнительной переговорной комнаты входе группового взаимодействия, либо использование блиц-запросов с помощью функции чата;

– медиатор в ходе групповой беседы обязан противодействовать тенденциям девальвации (обесценивание опыта, восприятие и чувства), распознавая поведенческие реакции, выражающиеся в демонстрации разочарования, покорности, скрытой агрессии, неуверенности и беспокойстве.

Взаимодействие при помощи электронных писем:

Самой распространенной дополнительной коммуникацией является электронная почта, потому что электронная переписка, представленная на бумажном носителе (скриншоты страниц, распечатки различных баз данных, распечатки электронных документов и пр.), может приобщаться судами к материалам дела в качестве дополнительных письменных доказательств.

Практика онлайн – медиации показывает, что данный момент необходимо включить в договор об оказании медиативных услуг с указанием вида связи. Эти письменные сообщения могут не только закрепить прогресс, достигнутый сторонами, и предотвратить сползание назад в жесткие позиции между сессиями посредничества, но и выступать дополнительным доказательством при нарушении медиативного соглашения.

Из-за того, что стороны чувствуют себя более свободно, обмениваясь подстрекательскими комментариями и атаками, *ad hominem* необходимо согласовывать каждое пересылаемое сообщение с нейтральной стороной для фильтрации подобных комментариев, возвращая их отправителю для повторного редактирования, прежде чем обменяется ими с другой стороной, обращая так же внимание на грамотность.

При редакции письменных сообщений сторонам медиатор должен обращать внимание, чтобы в тексте:

– не возлагалась вина за спор, поскольку на каждого человека в конфликтной ситуации присутствует психологическое или финансовое воздействие;

– описывалась точка зрения стороны, наиболее полно демонстрируя читателю позицию спорящего участника и контекст самой ситуации, подключая тем самым к принятию позиции «чужого», а адресату показать собственное внимание посредника для поддержания доверия к институту медиации;

– признавались положительные намерения каждого участника косвенно предлагающие присоединиться к обсуждению решений / вариантов через посредника;

– преодолевалось отчаяние и давалась надежда на возможность достижения прогресса при разрешении проблемы;

– резюмировались все уникальные результаты, предложенные участниками во время групповых встреч с упоминанием продолжающихся отношений, особенно в отношении которых наблюдалась заинтересованность;

– предусматривались другие решения / варианты проблемы, если участником не будет принято предложение для минимизации возможных рисков и сохранения диалога;

– содержалось, при необходимости, упоминание о возможности привлечения экспертов – консультантов на следующей групповой встрече по их желанию;

– поощрялось участие в медиативных сессиях.

Кроме традиционной медиации с использованием информационно – коммуникационных технологий появляются виртуальные платформы с попытками использования искусственного интеллекта в процессе онлайн - медиации⁴¹¹.

У искусственного интеллекта есть ряд преимуществ перед человеком–медиатором, выражающиеся, с одной стороны, в способности хранить и обрабатывать большой объем данных, с другой стороны, самосовершенствование допускает подробный и неограниченный доступ к настраиваемым процессам.

Однако перед разработчиками подобных платформ стоит ряд сложных задач:

– понятный и простой интерфейс, заслуживающий доверия. Большинство потребителей не являются профессиональными юристами, медиаторами и даже специалистами в оспариваемой сфере, соответственно они

---

⁴¹¹ Sukwoo Jang & Dr. Ki-Young Nam Designing Online Mediation for the New Normal // https://www.researchgate.net/publication/351725591_Designing_Online_Mediation_for_the_New_Normal (дата обращения: 20.03.2023).

не могут четко и ясно излагать свои проблемы. Поэтому формирование запроса должно быть максимально доступным с использованием интерактивных форм для заполнения, которые позволят профессиональным посредникам получить необходимую информацию о клиенте и определить сферу конфликтной ситуации;

- при использовании подобных платформ наиболее остро встает вопрос о доверии виртуальному пространству и гарантии безопасности конфиденциальных и личных данных, в том числе нераспространение собранных данных в ходе медиативных сессий;

- медиативная платформа должна представлять собой некую социальную экосистему, где каждый заинтересованный может найти дополнительную информацию, собрать доказательства, подтверждающие их позицию/аргументы, выделить действительно значимый аспект для принятия решений в конкретном случае. Например: подборка психодиагностических тестов для разных конфликтных ситуаций, подборка нормативных документов, регулирующих данный вопрос с обязательной привязкой к уже ранее принятым решениям/вариантам на подобие судебной практики, что поможет участникам онлайн медиации принять самостоятельное и добровольное решение;

- данная платформа должна помогать спорящим сторонам спокойно и объективно размышлять над своей ситуацией для того, чтобы поднимать вопросы перед своими оппонентами, нивелируя психологические барьеры (боязнь конфронтации, искажение проблемы и т.п.);

- в помощь участникам спора для изучения решений / вариантов, платформа должна предлагать как онлайн, так и офлайн-пространство для переговоров;

- количество решений / вариантов, должно быть, с одной стороны, оптимальным (возможно оговорка сколько решений / вариантов должна просмотреть каждая сторона), с другой – представлять сторонам как выигрыши, так и потери этих решений / вариантов;

- четко представить план действий по внедрению выбранного решения / варианта приемлемого и эффективного для каждого участника, например чек лист шагов по составлению медиативного соглашения;

- предусмотреть мониторинг реализации согласованного решения, где обе стороны могут увидеть добросовестность исполнения принятого медиативного соглашения, что предаст каждой из сторон дополнительный авторитет, особенно если одна из них в дальнейшем будем вынуждена повторно уже по другому вопросу обратиться за медиацией;

- поддержание справедливости и борьба с предвзятостью при использовании базы данных, так как в общей массе информации может про-

слеживаться несовершенство социальной реальности (неравенство в обществе, организационная иерархия и т.п.), следовательно разработчикам важно предугадать и спроектировать выявление причин потенциальных погрешностей и предложить превентивных и корректирующих мер против них;

– предусмотреть возможность адаптации, обновления программного обеспечения под новые тенденции развития конфликтных взаимодействий и технологических инноваций.

На данном этапе развития общества, медиации и цифровых технологий можно выделить следующие потенциальные проблемы: степень доверия к виртуальным институтам правосудия, особенно в интернет-среде; проблема подтверждения личности и обеспечение защиты персональных данных и конфиденциальности предоставленной информации; предварительный анализ правовой информации в конфликте; компетентность медиаторов, способных работать онлайн и др.

Положительные аспекты электронной медиации:

1. электронная почта может быть даже более продуктивными, если участники коммуникации не могут встретиться лично, так как в распоряжении каждого из участников больше времени на обдумывание и составление ответа;

2. электронная форма позволяет сохранять записи всей коммуникации, что делает процесс медиации более прозрачным и позволяет пересмотреть весь ход разговора при необходимости (не всегда можно оценить самого себя входе разговора, особенно если это будет трехсторонняя встреча, когда участники конфликта могут быть еще не готовы слышать друг друга);

3. снижение расходов на медиативные услуги (например, возможность прийти соглашению без непосредственных переговоров, путем выбора альтернатив разрешения спора).

Отрицательные аспекты электронной медиации:

1. ограничение в связи с входом в программу с мобильного устройства;

2. обеспечение защиты персональных данных и конфиденциальности предоставленной информации;

3. компьютерная компетентность всех участников медиации (владение программным обеспечением как основным, так и альтернативным);

4. отсутствие единого онлайн – ресурса для разрешения споров.

Перспективы развития онлайн-медиации:

1. изменение восприятия людьми цифровых коммуникаций и онлайн-системы как нормального взаимодействия;

2. создание или определение одной онлайн платформы для ведения медиации либо на государственном уровне, либо в рамках объединений медиаторов;

3. создание единого облачного хранилища принятых решений, позволяющих в последующем использовать искусственный интеллект для определения возможного решения;

4. возможность подборка нормативных документов, как из судебной практики, так и федеральных и локальных нормативных актов по средствам искусственного интеллекта в зависимости от ситуации сторон.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абдухаликов А.М. Проблема охраны наследственных прав с иностранным элементом // Судебная система и гражданское общество России. 2015. С. 52-58.
2. Авдыев М.А. Сервисы разрешения споров онлайн: избранные кейсы // Современные технологии управления. 2015. №8(56) // <http://sovman.ru> (Дата обращения: 10.02.2023 г.).
3. Айрапетян Ю.В. Принцип доступности правосудия как конституционный принцип гражданского процесса республики Армения // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2013. Т. 3. № 4 (04). С. 90-95.
4. Акиева П. Х. Справедливость и право: проблемы дефиниций и практики // Либерально-демократические ценности. 2021. № 4. Т. 5 // <https://liberal-journal.ru/PDF/02UNLD421.pdf> (Дата обращения 15.04.2023 г.).
5. Акмеология. Учебник / Под общей А.А. Деркача. М.: Издательство РАГС, 2004. 302с.
6. Алексеев Н.Н. Собственность и социализм: Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства. – Париж: Евразийское книгоиздательство, 1928. 87 с.
7. Алекси Р. О структуре принципов права // Российское правосудие. 2017. № 3(131). С. 19-34.
8. Алешина А.В., Косовская В.А. Разрешение российскими судами частноправовых споров, осложненных иностранным элементом: проблемы применения иностранного права // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2022. № 2 (46). С. 40-48.
9. Ананьева М.К., Малько Е.А. Суд Евразийского экономического союза в реализации правовой политики // Юридическая наука. 2018. № 3. С. 19-23.
10. Анишина В.И. Международные нормы и принципы в сфере правосудия – веление времени и правового развития // Мировой судья. 2005. № 11. С. 10-12.
11. Антонов М.В. Теория государства и права: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт, 2023. 497 с.
12. Асташов А.Б. Преступление и право в русской армии (1914-1917 гг.) // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2012. № 18. Вып.3. С. 52-78.
13. Ашрафзянов И.Р., Степаненко Р.Ф. Принцип справедливости в практике высших судов: цивилистический аспект // Образование и право. 2020. № 9. С. 233-239.

14. Баишев Ж.Н. Субъекты обращения в Суд Евразийского экономического союза, в том числе по вопросам потребительского кредитования // Право и государство. 2020. № 1-2 (86-87). С. 106-129.

15. Баишев Ж.Н. Суд Евразийского экономического союза: проблемы функционирования // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14. № 1. С. 57-75.

16. Байтин М. И. О принципах и функциях права: новые моменты // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2000. № 3. С. 4-16.

17. Барабаш А.С. Возникновение формулы «презумпция невиновности»: разоблачение некоторых мифов // Российский юридический журнал. 2019. № 5. С. 29-38.

18. Барабаш А.С. Очерк развития презумпции невиновности в России. Часть 3. Презумпция невиновности в наше время // Российский юридический журнал. 2020. № 4. С. 40-41.

19. Безуглов С.В., Бутурлина Е.С. К вопросу о понятии, системе и классификации принципов правосудия // Власть Закона. 2018. № 1 (33). С. 92-103.

20. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999. 956 с.

21. Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Инфра-М, 2001. 704 с.

22. Боннер А.Т. Законность и справедливость в правоприменительной деятельности. М.: Российское право, 1992. 320 с.

23. Борисова В.Ф. Судебностроительные гарантии доступности правосудия при обращении в суд общей юрисдикции // Право. Законодательство. Личность. 2013. № 1. С. 13-19.

24. Бородин С.С. Этапы развития административного судопроизводства в России // Молодой ученый. 2021. № 14 (356). С. 178-180.

25. Булдаков В.П. Красная Смута. Природа и последствия революционного насилия. М. РОССПЭН, 1997. 456 с.

26. Бытко И.А. Принцип состязательности в системе конституционных принципов осуществления правосудия в Российской Федерации // Молодой ученый. 2023. № 24 (471). С. 230-233.

27. Ван Хук М. Право как коммуникация / Пер. с англ. М. В. Антонова и А. В. Полякова. — СПб.: Издательский дом С.-Петербур. гос. ун-та, ООО «Университетский издательский консорциум», 2012. 288 с.

28. Варламова В.Л. Проблема доступности правосудия как исключительной компетенции судебной власти применительно к российской судебной правовой системе // Мировой судья. 2010. № 5. С. 4-7.

29. Васильев Д.А. Особенности рассмотрения гражданских дел с иностранным элементом (на примере института обратной отсылки) // ЭПОМЕН. 2021. № 54. С.127-135.

30. Васьковский Е.В. Руководство к толкованию и применению закона (по изданию 1913 г.). М.: Городец, 1997. 152 с.

31. Ватыль В.Н., Ватыль Н.В. Суд Евразийского экономического союза: наднациональный уровень нормативно-правового регулирования // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4. Правоведение. 2020. Т. 10. № 3. С. 130-137.

32. Верховский А. И. Россия на Голгофе. Из походного дневника. 1914-1918. Пг., 1918. 141 с.

33. Власенко А.А., Ермушова Я.В. Принцип доступности правосудия в системе конституционных принципов организации деятельности судов // Международное и национальное право в условиях интеграции правовых систем. Сборник материалов Международной научно-практической конференции / Под общей редакцией Н.И. Петренко. Чебоксары: Чебоксарский кооперативный институт (филиал) АНООВО Центросоюза Российской Федерации «Российский университет кооперации», 2022. С. 50-55.

34. Войтович Е.П. Иностранный элемент в международном семейном праве // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 38. С. 101-112.

35. Воробев А.С. Соотношение справедливости и права // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 11 (84). С. 23-28.

36. Воскобитова Л.А. Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2004. 60 с.

37. Габдрахманова Р.Г., Яруллин И.Ф. Теория обучения и педагогические технологии. Конспект лекций. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2013. 92с.

38. Гаджиев А.А., Гудименко Г.В. Наследственный договор в право-порядках различных стран // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 3. С. 193-200.

39. Ганижева П.М. Принципы судебной власти и принципы правосудия // Инновационная наука. 2018. № 3. С. 57-59.

40. Гапоненко С.С. Политическая справедливость: становление понятия // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 1. С. 56-64.

41. Гернет М.Н. Суд или Самосуд. М.: Моск. союз потреб. о-в, 1917. 14 с.

42. Герцензон А. Карательная политика и уголовное законодательство Временного правительства // Советское государство и право. 1941. № 2. С.62-69.

43. Глазырин В.В., Кудрявцев В.Н., Никитинский В.И., Самощенко И.С. Эффективность правовых норм. М.: Юридическая литература, 1980. С.19-20.

44. Грибанов А.В. Установление содержания иностранного права при разрешении споров в государственных судах и в международном коммерческом арбитраже // Вестник международного коммерческого арбитража. 2012. № 1. С.8 -30.

45. Грудцына Л.Ю. Адвокатура, нотариат и другие институты гражданского общества в России. М.: Деловой двор, 2017. 352 с.

46. Даль В.И. Толковый словарь Живого великорусского языка: М.: ТЕРРА, 1994. Т.3. 640 с.

47. Данилов Н.Ф., Попов О.Г. Состязательность в гражданском процессе как конституционный принцип правосудия современной России // Правовые вопросы современности: теория и практика. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Курган: Курганский государственный университет, 2009. С. 71-72.

48. Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. М.: Мысль, 1991. 516 с.

49. Демичев А.А. Презумпция невиновности как принцип российского уголовного судопроизводства // Уголовное судопроизводство. 2020. № 1. С.45-48.

50. Дворкин Р. О правах всерьез. / Пер. с англ.; Ред. Л. Б. Макеева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 392 с.

51. Долотин Р.Р. Электронное правосудие как средство реализации принципа доступности гражданского судопроизводства // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 163. № 2. С. 67-75.

52. Европейская Комиссия: у Эстонии есть проблема с презумпцией невиновности // <https://rus.delfi.ee/statja/120075268/evropeyskaya-komissiya-u-estonii-est-problema-s-prezumpciey-nevinovnosti>. (Дата обращения: 18.05.2023 г.).

53. Еляков А.Д. Современное информационное общество (философско-социологический анализ). Самара: Издательство Самарского государственного экономического университета, 2007. 204 с.

54. Енилеева А.Э. Деление норм права на правила и принципы в учении Р. Алекси // Ученые записки Крымского федерального университета. Юридические науки. 2015. № 1. С. 26-33.

55. Епихин А.Ю., Мозохин О.Б. ВЧК-ОГПУ в борьбе с коррупцией в годы новой экономической политики (1921-1928). М.: Кучково поле, 2007. 525 с.

56. Ершов В.В. Принципы права: сущность и функции. // Российское правосудие. 2019. № 2. С. 5-16.

57. Ершов В.В. Современные теоретические и практические проблемы правопонимания, правотворчества и правоприменения // Российское правосудие. 2016. № 9 (125). С. 14-17.

58. Ершова Т. Информационное общество – это мы! М.: Институт развития информационного общества, 2008. 512 с.

59. Ефремова Н.Н. Исторические этапы становления принципа независимости судебной власти в Российской империи как базовой ценности правосудия // Образование и право. 2021. № 3. С. 234-237.

60. Ефремова Н.Н. Принцип историзма в теории правосудия // Международный журнал конституционного и государственного права. 2018. № 1. С. 117-118.

61. Жолобов Я.Б. Правовой статус председателя суда общей юрисдикции в Российской Федерации. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 219 с.

62. Жуйков В.М. Судебная реформа: проблемы доступа к правосудию. М.: Статут, 2006. 281 с.

63. Журавлев В.А. Без веры, царя и Отечества: российская периодическая печать и армия в марте – октябре 1917 года. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербургский университет МВД России, 1999. 257 с.

64. Зазулина Л.Д. Установление содержания иностранного права в трансграничных наследственных делах: международная правовая помощь и альтернативные пути преодоления трудностей // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 4. С. 40-55.

65. Загорский Г.И. Военно-судебные органы Временного правительства России (февраль – октябрь 1917 года) // Вестник военного права. 2017. № 3. С. 23 -29.

66. Захарцев С.Н. Организационно-правовые основы борьбы с преступностью в РСФСР в 1921-1929 гг.: монография / Под ред. А.С. Тумановой. СПб.: Нестор, 2007. 158 с.

67. Иванов В.А., Гроздилов С.В. Справедливость как объект правового сознания // Философия и общество. 2012. № 4 (68). С. 37-50.

68. Изосимов С.В. Российское уголовное законодательство конца XIX – начала XX в.: преступления служащих коммерческих и иных организаций: учеб. пособие. Нижний Новгород: Издательство Волго-Вятской академии государственной службы, 2004. 90 с.

69. Информационное общество: Информационные войны. Информационное управление. Информационная безопасность / Под ред. М.А. Вуса.

СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 1999. 212 с.

70. Илюхина В.А. Принцип осуществления правосудия только судом как межотраслевой принцип российского и армянского права (сравнительно-правовое исследование) // *Мировой судья*. 2022. № 8. С. 8-13.

71. Иншакова А.О., Тымчук Ю.А. Цифровые технологии альтернативных методов разрешения споров: зарубежная практика и перспективы применения в России // *Право и управление*. XXI век. 2018. № 1(46). С. 23-31.

72. Исаев И.Д. Соотношение презумпции невиновности, изложенной в международных нормативно-правовых актах, с презумпцией невиновности, закрепленной в законодательствах РФ и других стран // *Молодой ученый*. 2018. № 17 (203). С. 236-239.

73. Исакова Ж.Т., Карабаев Ф.Ж. Суд Евразийского экономического союза в становлении правовой системы интеграционного объединения // *International Scientific Review*. 2017. № 2 (33). С. 58-60.

74. Канашевский В.А. Вопросы публичного порядка и квалификации при регулировании семейных отношений, осложненных иностранным элементом // *Журнал российского права*. 2018. № 5 (257). С. 56-62.

75. Карабчевский Н.П. Что глаза мои видели. // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М.: Книга, 1991. С.154-172.

76. Караева А.А. Понятие и основные принципы правосудия в Российской Федерации // *Балтийский гуманитарный журнал*. 2020. Т. 9. № 2 (31). С. 355-358.

77. Кашепов В.П. О теории судебной власти, судебных реформах и проблемах развития судебной системы. М.: Юриспруденция, 2010. 20 с.

78. Кашепов В.П. Преобразование системы принципов судопроизводства при осуществлении судебной реформы // *Журнал российского права*. 2017. № 2. С. 138-151.

79. Кирин А.А. Суд Евразийского экономического союза в системе наднациональных органов // *Евразийский союз ученых*. 2015. № 4-9 (13). С. 69-72.

80. Кирпичев А.Е. Методология выявления имплицитных принципов права // *Правосудие*. 2019. Т. 1. С. 118-132.

81. Кирюхин Д.И. Справедливость как *aequitas* и *justitia* в философско-правовой мысли Древнего Рима // *Вестник московского университета*. Сер. 7. Философия. 2013. № 3. С. 63-77.

82. Клейнман А.Ф. Гражданский процесс // *Избранные труды*. Краснодар: Совет. Кубань, 2009. Т. 2. 816 с.

83. Кокорев Л.Д. Подсудимый в советском уголовном процессе. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1973. 268 с.

84. Колотыгина Ю. О. Аристотелевская концепция правосудия и справедливости // Практические задачи философии: ретроспектива и перспектива: материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых (г. Екатеринбург, 4-6 апреля 2011 г.). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2011. С. 137-139.

85. Комаров А.В. Семейные споры с иностранным элементом: материально-правовые и процессуальные проблемы // Актуальные проблемы правоведения. 2013. № 3 (39). С. 40-43.

86. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья (постатейный) / Отв. ред. Л.П. Ануфриева. М.: Волтерс Клувер, 2004. 634 с.

87. Кондюрина Ю.А. Принципы цивилистического процесса в системе электронного правосудия. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2020. 25 с.

88. Коновалов А.В. Действие принципов права и их роль в формировании правопорядка // Lex Russica. 2018. № 10. С. 9-11.

89. Коновалов А.Ю. Практики восстановительной медиации в формате онлайн // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2020. № 9. С.1510-1516.

90. Корнев В.Н. Эволюция доктрины принципов права в отечественной юридической науке // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1 (41). С. 64-70.

91. Корпоративное обучение для цифрового мира / Под ред. В.С. Катыкало, Д.Л. Волкова. 2-е изд. М.: Корпоративный университет Сбербанка, 2018 // <https://f.eruditor.one/file/2371545> (Дата обращения 01.05.2023 г.)

92. Костикова Г.В. Институт совместного завещания в российском и зарубежном праве // Нотариус. 2019. № 7. С. 27-29.

93. Костюк Н.Н. Инновационные изменения в наследственном праве РФ, влияющие на степень защищенности имущественных прав граждан // Электронное сетевое издание «Международно-правовой курьер». 2020. № 5. С. 22-29.

94. Кравченко К.М. Нюрнбергские принципы как основа международного уголовного правосудия // Право и государство: теория и практика. 2019. № 7 (175). С. 105-107.

95. Кравчук Н.В. Правосудие, дружественное к детям: подходы и принципы // Актуальные вопросы в сфере защиты прав ребенка. материалы Всероссийской научно-практической конференции. М.: Академия стратегических инициатив, 2019. С. 80-83

96. Крыленко Н.В. Об охране и укреплении общественной (социалистической) собственности. М.: Партиздат, 1932. 61 с.

97. Курас Т.Л. Принцип диспозитивности в российском гражданском процессе: современные и исторические аспекты // Сибирский юридический вестник. 2022. № 3 (98). С. 69-77.

98. Курохтин Ю.А. Принцип состязательности и процесс равноправия как концептуальный фундамент судебной защиты гражданских прав // 25 лет Гражданскому кодексу Российской Федерации: традиции и новации частноправового развития. Материалы международной научно-практической конференции. Изд-во: Принт-Сервис. С. 27-34.

99. Кэмпбэл П. Презумпции и справедливость. Нью-Йорк, 1993. С. 194.

100. Лазарев В. В. Пробелы в праве и пути их устранения. М.: Юридическая литература, 1974. 184 с.

101. Лебедев В.М. Становление и развитие судебной власти в Российской Федерации. М.: Библиотека российского судьи / Российская академия правосудия, 2000. 368 с.

102. Липень С.В. Законы о нормативных правовых актах стран СНГ – индикаторы процессов информатизации и цифровизации системы законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8. С. 22-33.

103. Лукашева Е. А. Принципы социалистического права // Советское государство и право. 1970. № 6. С. 21–29.

104. Люблинский П.И. Мартовские амнистии. // Журнал Министерства юстиции. 1917. № 4. С.3-6.

105. Малахова Л.И. О сущности принципа презумпции невиновности // Судебная власть и уголовный процесс. 2020. № 4. С. 17-20.

106. Малкин О.Ю. Установление содержания иностранного права судом: проблемы правового регулирования и правоприменения // Российское правосудие. 2015. № 7. С. 21-31.

107. Малкин О.Ю. Проблемы, возникающие при установлении судом содержания иностранного права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 2. С. 87-92.

108. Мансырев С.П. Мои воспоминания о Государственной думе. // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М.: Книга, 1991. 480 с.

109. Марей Е.С. Понятие справедливости в трудах Исидора Севильского // Σχολη (Schole) Философское антиковедение и классическая традиция. 2014. № 2. С. 365-377.

110. Марышева Н.И. Семейные отношения с участием иностранцев: правовое регулирование в России: монография. 2-е изд., перераб. и доп.

М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Норма; ИНФРА-М, 2023. 328 с.

111. Мацкевич И.М. Причины экономической преступности: учебное пособие. М.: Проспект, 2017. 272 с.

112. Министерство внутренних дел России: страницы истории (1802-2002 гг.) / Под ред. В.П. Сальникова. СПб.: Фонд «Университет», 2001. 607 с.

113. Михайловский И.В. Судебное право как самостоятельная юридическая наука // Право. 1908. № 32. С. 1733-1741.

114. Многомерный образ человека: на пути к созданию единой науки о человеке / Под общей ред. Б.Г. Юдина. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 368 с.

115. Мозохин О.Б. ВЧК-ОГПУ: На защите экономической безопасности государства и в борьбе с терроризмом. М.: Яуза: Эксмо, 2004. 443 с.

116. Мокеев В.В., Лаговьер Н.О. На страже революционной законности: (Очерки работы Прокуратуры РСФСР за 1922-1925 гг.) / Под ред. Ф.К. Трасковича. М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1926. 140 с.

117. Мутасова М.А. Проблема законодательного закрепления принципа справедливости // Социально-экономические явления и процессы. 2015. № 7. Т. 10. С. 172-183.

118. Направленные в суд прокуратурой дела очень редко заканчиваются оправдательным приговором // <https://rus.err.ee/1608899912/naravlennye-v-sud-prokuraturoj-dela-ochen-redko-zakanchivajutsja-opravdatelnym-prigovorom>. (Дата обращения: 18.05.2023 г.).

119. Нешатаева Т.Н. Единообразное правоприменение – цель Евразийского суда // Российское правосудие. 2016. № 11 (127). С. 5-17.

120. Нешатаева Т.Н. Суд Евразийского экономического союза: от правовой позиции к действующему праву // Международное правосудие. 2017. № 2 (22). С. 64-79.

121. Никитина Ю., Таран К. Мировые практики медиации в конфликтах в цифровую эпоху // ИМЭМО РАН. 2021. №1 (60) // <https://cyberleninka.ru/article/n/mirovye-praktiki-mediatsii-v-konfliktah-v-tsifrovuyu-epoxy> (Дата обращения: 03.01.2023 г.).

122. Никитинский В.И., Самощенко И.С. Изучение эффективности действующего законодательства // Советское государство и право. 1969. № 8. С. 3-11.

123. Никитинский В.И., Самощенко И.С. О понятии эффективности правовых норм // Ученые записки. Ученые записки ВНИИСЗ. 1969. Вып. 18. С. 3-19.

124. Никонорова Т.Н. Документы комиссии партийного контроля при ЦК ВКП (б) (1934-1952 гг.) как источник изучения экономической преступности в среде партийной номенклатуры: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2018. 224 с.

125. Нормуродов Ж.О.У. Важность принципа независимости судебной власти при осуществлении правосудия // Молодой ученый. 2023. № 20 (467). С. 572-574.

126. Носенко Л.И. Принципы гражданского процесса: к вопросу о значимости // Вестник ОГУ. 2012. № 3 (139). С.148-151.

127. Обвинительное заключение по делу № 406-1924 года. Л.: Ленинградский губернский суд, 1924. 78 с.

128. Обзор практики рассмотрения в 2020 году областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 02.06.2021 г.) // Консультант-Плюс // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_385803/ (Дата обращения: 19.04.2023 г.)

129. Обзор практики рассмотрения в 2021 году областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 01.06.2022 г.) // КонсультантПлюс // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_418164/ (Дата обращения: 19.04.2023 г.)

130. Обидова М. Конституционный принцип неприкосновенности в системе принципов правосудия // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2017. № 2/4-1. С. 262-265

131. Окунев Н.А. Особый суд по делам малолетних. Отчёт санкт-петербургского столичного мирового судьи за 1911 год. СПб.: Санкт-Петербургская городская типография, 1912. 57 с.

132. Омариева А.Н. Презумпция невиновности и ее значение в отправлении правосудия. Вестник Поволжского института управления. 2019. Т.19. № 2. С. 72-78.

133. Организация судебной деятельности: учебник / Под ред. В.В. Ершова. М.: РГУП, 2016. 389с.

134. Основные принципы методики расследования дел о растратах и хищениях общественной (социалистической) собственности: Пособие для следователей / Под ред. А.Я. Вышинского. М.: Юрид. изд., 1937. 47 с.

135. Паладе А. Руководящие принципы организации судебной системы и осуществления правосудия Республики Молдовы // Реформирование российского законодательства: проблемы, тенденции, перспективы. Сборник статей по итогам Международной научно-практической конфе-

ренции. Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Агентство международных исследований», 2019. С.19-27.

136. Панева Т.К. Принцип осуществления правосудия только судом как руководящий принцип в гражданском судопроизводстве // Международный академический вестник. 2018. № 11 (31). С. 34-36.

137. Пашкевич П.Ф. Процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства. М.: Юридическая литература, 1984. 48 с.

138. Первухин Д.В. Организация и деятельность полковых судов в Вооруженных Силах России с 1867 по 1921гг. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 26 с.

139. Петрова О.В. Международные принципы дружественного ребенку правосудия и перспективы его реализации в уголовном процессе Республики Беларусь // Криминалистические чтения, посвященные памяти заслуженного юриста Республики Беларусь, доктора юридических наук, профессора Г.И. Грамовича. Материалы Международной научно-практической конференции. Минск: Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 2012. С. 59-60.

140. Петрухин И.Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию. М.: Проспект, 2009. 45 с.

141. Пилипсон Э.Г. Договорное наследование – необходимость создания специфического правового регулирования // Государство и право. 2017. № 2. С. 89-97.

142. Пономарев К.Н. Эффективность правоприменения: формирование понятия // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 2. С.106-110.

143. Потемкина О.Ю. Новые стратегические принципы в сфере политики внутренних дел и правосудия // Европейский Союз: факты и комментарии. 2020. № 99. С. 61-65.

144. Правосудие в современном мире. Монография / Под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. М.: Норма; Инфра-М, 2012. 704 с.

145. Путилина Е.С. Наследственный договор как основание наследования: анализ новелл законодательства // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 12 (103). С. 101-104.

146. Правовые условия торгово-промышленной деятельности в СССР: Сборник статей / Под ред. Н.А. Топорова и Е.В. Меркеля. Л.: Государственное издательство, 1924. 280 с.

147. Пресняков М. В. Конституционный принцип справедливости: юридическая природа и нормативное содержание. Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2010. 46 с.

148. Протазанова А.В. Суд Евразийского экономического союза (ЕАЭС): правовой статус и судебная практика в отношении юридических и физических лиц // Российская наука в условиях реформ: практический результат инновационных трансформаций. Сборник научных статей. Тюмень: ООО «Международный институт», 2017. Вып.3. С. 66-71.
149. Рабцевич О.И. Право на справедливое судебное разбирательство: международное и внутригосударственное правовое регулирование. М.: Лекс-Книга, 2005. 318 с.
150. Ралько В.В. Соотношение понятий права и справедливости с позиции концепции интуитивного права Л.И. Петражицкого // История государства и права. 2011. № 23. С. 16-19.
151. Роулз Дж. Справедливость как честность // <https://gtmarket.ru/library/articles/2663> (Дата обращения: 15.03.2023 г.).
152. Реан А.А., Коломинский Я.Л. Социальная педагогическая психология. СПб.: Питер Ком, 1999. 416 с.
153. Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. 358 с.
154. Рейснер М.А. Частная собственность и социализм. 2-е изд. Петроград: Белопольский, 1917. 32 с.
155. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство: пособие к лекциям. 3-е изд. Пг.: Изд-во Юрид. книжного склада «Право», 1916. 603 с.
156. Романов В.И., Романова Г.В. Принципы конституционного судопроизводства: понятие, особенности и проблемы реализации на примере принципа доступности правосудия // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики. Материалы XVI Международной научно-практической конференции. Тольятти: Волжский университет имени В.Н. Татищева, 2019. Т.2. С. 55-60.
157. Саблина Р.Ю. Международно-правовые стандарты и принципы административного правосудия в странах Европы // Синергия Наук. 2021. № 65. С. 205-210.
158. Савенков А.Н., Чайка К.Л., Дьяченко Е.Б., Энтин К.В. Суд Евразийского экономического союза и становление права ЕАЭС. М., Проспект, 2021. 352 с.
159. Саенко Л.В. Единообразии судебной практики по делам с участием иностранного элемента в сфере защиты семейных прав сквозь призму правовой культуры // Правовая культура. 2016. № 4(27). С. 104-110.
160. Сидоренко В.М. Принцип доступности правосудия и проблемы его реализации в гражданском и арбитражном процессе. Дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 220 с.

161. Сидоркин А.С. Принцип соразмерности в практике российского и европейского правосудия // Методология сравнительно-правовых исследований. Жидковские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции / Под редакцией Г.И. Муромцева, М.В. Немытиной. М.: Российский университет дружбы народов, 2013. С. 404-411.

162. Скурко Е. В. Правовые принципы в правовой системе, системе права и системе законодательства: теория и практика // Правоведение. 2006. № 2. С. 55-61.

163. Скрытая правда об «оправдательном уклоне» правосудия // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации // https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/26710/. (Дата обращения: 18.05.2023 г.).

164. Слабкая Д.Н., Новиков А.В. Детерминация принципов отправления международного уголовного правосудия // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11. № 12А. С. 210-218.

165. Соболев Г. Л. Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л.: Наука, 1985. 265 с.

166. Соболев Г.Л. Тайный союзник. Русская революция и Германия. 1914-1918. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2009. 475 с.

167. Соловьева А.А. Категория справедливости в правовом регулировании: историко-теоретическое исследования. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. 22 с.

168. Соловьёва А.А. Роль справедливости в правовом регулировании (теоретический и историко-правовой аспекты) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2006. Вып. 7. № 5. С. 87-94.

169. Софрина З.Ф. Значение в реализации принципов правосудия // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России. 2021. № 2 (21). С. 77-80.

170. Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914 – 1918). Берлин: Изд-во И. П. Ладыжникова, 1920. 356 с.

171. Строгович М.С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. 151 с.

172. Строева О.А. Принципы правосудия в контексте правовых ценностей // Научно-методический электронный журнал "Концепт". 2017. № Т.31. С. 1196-1200.

173. Сырых В.М. История государства и права России: учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Эксмо, 2007. 461с.

174. Тарусина Н.Н. Судебная практика по семейным делам: проблемы усмотрения на грани правотворчества // *Lex russica (Русский закон)*. 2019. №5. С. 40-48.

175. Тимохов Ю.А. Иностранное право в судебной практике. – М.: Волтерс Клувер, 2004. 176 с.

176. Томак А.И. Предпосылки изменения механизма реализации принципа состязательности, как базового начала правосудия в информационно-коммуникационном обществе // *Право и политика*. 2021. № 5. С. 51-59.

177. Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова / Под ред. Л.И. Скворцова. 27-е издание, исправленное. М.: АСТ, Мир и Образование, 2023. 736 с.

178. Фойницкий И.Я. Курс уголовного процесса: в 2 т. 4-е изд. СПб.: Т-во «Общественная польза», 1912. Т. 1. 579 с.

179. Фокина М.А. Система целей доказывания в гражданском и арбитражном процессе: общие положения // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2006. № 4. С. 25-36.

180. Хакимова Н.О. Причины ничтожно малого числа оправдательных приговоров в России // *Новый юридический вестник*. 2022. № 4(37). С. 43-45.

181. Хоцанов Д.А. Установление содержания иностранных правовых норм в международном частном праве. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 320 с.

182. Хромова Е.Ю. Трансграничный брак: международно-правовой аспект. М.: ИД «Юриспруденция», 2013. 184 с.

183. Цараев А.А. Неприкосновенность судьи как гарантия его независимости. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 185 с.

184. Цихоцкий А.В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам. Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. 612 с.

185. Цыбулевская О.И., Милушева Т. В. Справедливость в праве: аксиологический подход // *Вестник Поволжского института управления*. 2017. Т. 17. № 5. С. 52 – 59.

186. Чечина Н.А., Экимов А.И. Категория справедливости в советском гражданском процессуальном праве. Материальное право и процессуальные средства его защиты: Межвузовский тематический сборник. Калинин: Изд-во Калин. ун-та, 1981. С. 14-20.

187. Чуракова Е.Н., Михайлова М.С. Реализация принципов арбитражного процесса в модели электронного правосудия // *Актуальные проблемы развития правовой системы в цифровую эпоху. Материалы Международного юридического научного симпозиума / Отв. ред. С.П. Бортников*.

Самара: Самарский государственный экономический университет, 2019. С. 129-134.

188. Шагриев А.А. Соотношение и взаимосвязь принципов состязательности и равноправия сторон // Школа науки. 2021. № 5 (42). С. 74-75.

189. Шамардин А.А. Правоохранительные органы (Судоустройство): учебник для вузов. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2021. 275 с.

190. Шапиро С. Законность / Пер. с англ. С. Коваль; под науч. ред. А. Павлова. М.: Издательство Института Гайдара, 2021. 720 с.

191. Шарифулин Р.А., Бурганов Р.С., Бикмиев Р.Г. Элементы электронного правосудия // Российский судья. 2018. № 6. С. 57-62.

192. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М.: Спарк, 1995. 556 с.

193. Шмонин А.В., Семькина О.И. Преступления экономической направленности: понятие и генезис уголовного законодательства: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 466 с.

194. Шувалова М. Современный нотариат: Новый этап цифровизации нотариальной деятельности // <https://iecp.ru/news/item/429774-Sovremennyj-notariat-Novyj-etap-cifrovizacii-notarialnoj-deyatelnosti> (Дата обращения: 12.02.2023 г.).

195. Щенникова, Л.В. Новеллы наследственного права в свете сравнительного анализа и перспектив нотариальной практики // Нотариальный вестник. 2015. № 11. С. 11-14.

196. Этика Аристотеля: пер. с греч. / С прил. "Очерка истории греческой этики до Аристотеля" Э. Радлова. СПб.: Филос. о-во при Имп. С.-Петербург. ун-те, 1908. 207 с.

197. Юм Д. Трактат о человеческой природе. Текст: электронный // https://librebook.me/traktat_o_chelovecheskoi_prirode/vol3/2 (Дата обращения: 05.05.2023 г.)

198. Ярошенко Н.И. Принцип неприкосновенности как конституционный принцип осуществления правосудия в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2012. № 2. С. 7-16.

199. Ярошенко Н.И. Принцип транспарентности как конституционный принцип осуществления правосудия в России // Вестник Московского государственного университета леса – Лесной вестник. 2013. № 5. С. 125-129.

200. Яценко В.Г. Криминальный мир Царицынской – Сталинградской губернии 1920-х годов: репортажи о громких уголовных делах эпохи НЭПа. Волгоград: ВолГУ, 2020. 398 с.

201. Alpa G. General principles of law // Annual Survey of International & Comparative Law, Vol. 1 [1994], Iss. 1, Art. 2 // <https://digitalcommons.law>.

ggu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1001&context=annlsurvey (дата обращения 20.04.2023).

202. Doris G. Ormerzel// Satisfation with Knowledge and Competencies: A Multy-Country Study of Employers and Business Graduates//January 2012 American Journal of Economics and Business Administration 4 (1): 23-39 Текст: электронный//URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Satisfaction-with-Knowledge-and-Competencies%3A-A-of-Azevedo-Ormerzel/3539155b1c00b179646a92f3f27d96f1adb9f9d5> (дата обращения 12.05.2023).

203. Kennedy D. Form and Substance in Private Law Adjudication// Harvard Law Review Vol. 89. 1976. P 1685-1778

204. Kennedy D. Toward a Critical Phenomenology of Judging / Critical legal studies. J. Boyle (ed). New York. NYU Press, 1994. 602 p.

205. Lubart Todd Creativity and convergent thinking reections and practical considerations// Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2016. № 4. С. 7—15 Текст: электронный //URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/creativity-and-convergent-thinking-reflections-connections-and-practical-considerations/viewer> (дата обращения 12.05.2023).

206. Masuda Y. The Information Society as Post-Industrial Society. Washington, World Future Society. 1983. 171 p.

207. Matterlart A. The information society: an introduction. London, SAGE Publications Ltd. 2003. 182 p.

208. May C. The Information Society: a sceptical view. Cambridge, Polity Press. 2003. 189 p.

209. Online-mediation. Möglichkeiten und grenzen // https://inkovema.de/wp-content/uploads/2022/02/Leitfaden_Online-Mediation_Moeglichkeiten_Grenzen.pdf (дата обращения: 10.03.2023).

210. Perelman C. Logique juridique. Nouvelle rhétorique. Paris: Dalloz, 1976. 193 p.

211. Posner R. A. Overcoming law. Harvard University Press. 1995. 597 p.

212. Sánchez-Hernández, Maldonado-Briegas. Sustainable Entrepreneurial Culture Programs Promoting Social Responsibility: A European Regional Experience. Программы культуры устойчивого предпринимательства, способствующие социальной ответственности: европейский региональный опыт// Июль 2019 Текст: электронный // URL: https://www.researchgate.net/publication/334155066_Sustainable_Entrepreneurial_Culture_Programs_Promoting_Social_Responsibility_A_European_Regional_Experience (дата обращения 03.05.2023)

213. Sukwoo Jang & Dr. Ki-Young Nam Designing Online Mediation for the New Normal // https://www.researchgate.net/publication/351725591_

Designing_Online_Mediation_for_the_New_Normal (дата обращения: 20.03.2023).

214. Webster F. Theories of the Information Society. London, Routledge. 2006. 317 p.

215. Нұрышева Т.С. Сот төрелігінің Конституциялық принципі ретінде кінәсіздік презумпциясын практикада қолдану мәселесі // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2020. № 3 (61). С. 51-57.

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

1. **АЛЕКСЕЕВА НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА** (Россия, Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

2. **АЛЕШИНА АЛЕКСАНДРА ВЛАДИМИРОВНА** (Россия, Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доцент кафедры международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена».

3. **БЕЛОВА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА** (Россия, Санкт-Петербург), преподаватель кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

4. **БОТАНЦОВ ИОАНН ВЛАДИМИРОВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

5. **ДОРСКАЯ АЛЕКСАНДРА АНДРЕЕВНА** (Россия, Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующая кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

6. **ЖУРАВЛЁВ ВАЛЕРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург), доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

7. **ИГНАТЬЕВА МАРИНА ВАЛЕРЬЕВНА** (Россия, Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин, научный сотрудник Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доцент кафедры международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

8. **КОСОВСКАЯ ВИКТОРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА** (Россия, Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доцент кафедры

международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена».

9. **МАЛКИН ОЛЕГ ЮРЬЕВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

10. **ПОНОМАРЕВА ЕЛИЗАВЕТА ВЛАДИМИРОВНА** (Россия, Санкт-Петербург), старший преподаватель кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

11. **ПОТАПОВ ЮРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург) кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

12. **РЫМКЕВИЧ ЯНА АЛЕКСАНДРОВНА** (Россия, Санкт-Петербург), кандидат политических наук, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Российского государственного университета правосудия.

13. **СВЕТЛОВ АЛЕКСАНДР ИГОРЕВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург), старший преподаватель кафедры общетеоретических правовых дисциплин Российского государственного университета правосудия.

14. **ТАЛИМОНЧИК ВАЛЕНТИНА ПЕТРОВНА** (Россия, Санкт-Петербург), доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

15. **ТАРАСОВА ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА** (Россия, Санкт-Петербург), кандидат психологических наук, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Российского государственного университета правосудия.

16. **ХАРИТОНОВ ЛЕОНИД АЛЕКСАНДРОВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин, научный сотрудник Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

17. **ШУНДИКОВ КОНСТАНТИН ВАЛЕНТИНОВИЧ** (Россия, Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

Научное издание

ПРИНЦИПЫ ПРАВОСУДИЯ
И ИХ РАЗВИТИЕ В ИНФОРМАЦИОННОМ
ОБЩЕСТВЕ

Коллективная монография

ЦНИТ «АСТЕРИОН»

Подписано к использованию 25.08.2023, заказ № 100
191015, Санкт-Петербург, Суворовский пр., 61, пом. 23Н.

✉: asterion@asterion.ru 🌐: <https://asterion.ru/>

📌: https://vk.com/asterion_izdatelstvo